

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

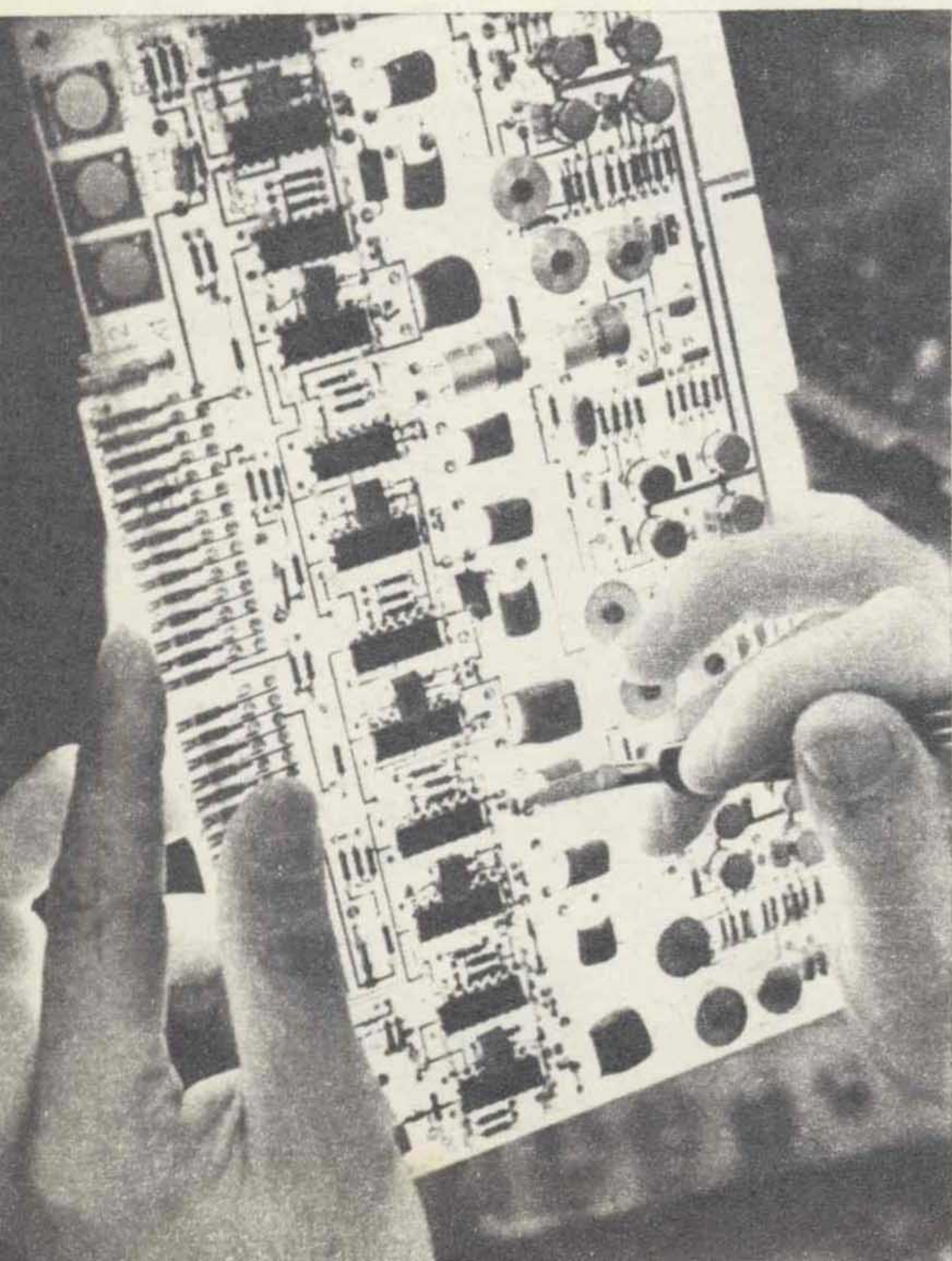
№ 3 ЯНВАРЬ 1981

— Музыка снимает усталость, — говорит радиомонтажница А. Можайникова.

В каждом блоке — сотни деталей.

НА ОДИ

Конвейер сборочного участка 15-го цеха.

Э. ЭТТИНГЕР
Фото автора

Числовые программные устройства, или по-просту ЧПУ, как их называют в объединении «Ленинградский электромеханический завод», пользуются большим спросом не только в Советском Союзе, но и во всех странах СЭВ. Это неудивительно, ведь производительность металлорежущих станков с помощью ЧПУ увеличивается почти в три раза.

После проверки программного устройства А. Большаковым и Т. Косых машину отправят заказчикам.

ННАРЯД!

Сборка числовых устройств идет в 15-м цехе, где и родился новый метод работы на один наряд. Сейчас более семидесяти процентов рабочих бригад перешли на такой метод. Я спросил у секретаря парткома объединения А. М. Гуськова, как к новому методу отнеслись опытные рабочие, не будет ли их труд уравниен с менее квалифицированными.

— У нас есть бригада, которая первой освоила единый наряд. Побывайте в этом коллективе, побеседуйте...

Александр Большаков в бригаде прогона ЧПУ уже одиннадцатый год. После службы в армии был монтажником, настройщиком, окончил техникум и сейчас радиомонтажник самой высокой квалификации. На мой вопрос он ответил, что в бригаде каждый получает по труду. Для этого коллектив создал совет, который решает в конце месяца, кто и как работал. При этом учитывается буквально все: разряд, качество, затраченное время и многое другое.

— Я состою в совете бригады и знаю, как важно никого не обидеть, быть объективным. Теперь каждый болеет за общий конечный результат. Мы по-другому уже работать не можем. Были случаи, когда кто-то уходил из бригады, но быстро возвращался обратно.

Есть в нашем цехе бригады, где девушки собирают только мелкие детали и росту производительности там мешает однообразный и, я не боюсь этих слов, монотонный ритм. Но вот иду я недавно по цеху и вижу: девушки надели наушники, работают и слушают музыку. Тут и приемник и магнитофон. Теперь уставать стали меньше, а значит, и производительность более высокая. Этому даже научное название есть — функциональная музыка.

— Наша бригада, — продолжает Большаков, — благодаря новому методу выполнила пятилетку еще в марте прошлого года, а с июня вместе со всем цехом работаем под девизом: «XXVI съезду партии — 26 ударных недель».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 3 (2792)

17 ЯНВАРЯ 1981

© Издательство «Правда», «Огонек», 1981

ОТВЕЧАЮ ЗА ВСЕ

Надежда ГУБАНОВА,
свинарка колхоза
имени Жданова,
член Октябрьского
райкома КПСС
Челябинской области

В 1979 году наш колхоз справлял свой «золотой» юбилей. Много было сказано добрых слов об успехах, о выполнении и перевыполнении планов по продаже государству хлеба, молока, мяса. Вспомнили знатных земляков, минутой молчания почтили память тех, кто не вернулся с войны. Выступали ветераны, молодые механизаторы и животноводы, руководители района, почетные гости из других хозяйств области. Но особенно сильное впечатление на меня, да, по-моему, и на других молодых колхозников, произвело выступление нашего тогдашнего парторга Николая Родионовича Загребельного — с прошлого года он персональный пенсионер. В старых сводках, в районном и областном архивах он отыскивал любопытнейшие данные о мощности нашего колхоза в первый год его существования. Оказывается, в 1929 году обобщественную собственность хозяйства составляли 23 лошади, 7 коров, 3 свиньи и 11 овец. На наш и два соседних колхоза «делился» один пятнадцатисильный трактор.

Вслед за этими давнишними цифрами Николай Родионович назвал сегодняшние: 11 тысяч гектаров земельных угодий, 1100 голов крупного рогатого скота, 2800 свиней, 31 трактор и 25 комбайнов...

После того юбилейного вечера я стала пристальнее приглядываться к окружающим переменам в родном Чудинове, к односельчанам. Ведь как обычно бывает? За работой, общественными делами, домашними заботами не замечаешь, вернее, не обращаешь внимания на новые жилые дома в селе, новый магазин, новую больницу. Точнее, все это видишь, но оценить по-настоящему не торопишься.

Спору нет, колхоз наш не так уж и велик, даже в областном масштабе не очень значительная

величина. Но разве в этом дело? Я, повторяю, и сама раньше считала: небольшая беда, если один колхоз, бригада, механизаторский экипаж, одна свинарка или доярка не справится с планом. Подумаешь, для такой огромной страны, как наша, это капля в море. Но из капель рождаются и река и море. Сегодня я не справилась с планом, завтра — другая колхозница, послезавтра — кто-то третий, например, комбайнер. И каждый уверен, что урон общенародному хозяйству наносится незаметный. А ведь потери эти, если посчитать по стране, в миллионы рублей сложатся.

Надо критически взглянуть на свое отношение не только к тому делу, которым ты конкретно занят, но и в целом посмотреть, как ты относишься к труду, каково это отношение у твоих товарищей и подруг, у односельчан. Ну, например, к XXVI съезду партии я взяла такие обязательства: получить на основную матку по 9 поросят, на разовую — по 7, добиться, чтобы сохранность молодняка составляла 98 процентов. Но это социалистические обязательства, взятые свинаркой Надеждой Губановой. А коммунист Надежда Губанова — удовлетворяют ли ее такие обязательства? Прямо скажу, нет. Не потому, что это низкие показатели, нет. Производственные рубежи, которых я постараюсь достичь к съезду партии, одобрены колхозными экономистами, они подсчитали, что, если я выполню обещанное, денежный эффект получится немалый. Но труд, особенно наш, сельский, не только рублем мерится. Есть еще и такие чувства и понятия, как совесть, любовь к своей профессии, увлеченность делом, радость коллективного труда, уважение подруг, восхищение трудом замечательных передовиков. Какими словами записать эти чувства в строгие разделы социалистического обязательства?

Пошла я тогда со своими вопросами к секретарю партийной организации, к Николаю Родионовичу.

Внимательно выслушал меня парторг, улыбнулся и спрашивает: — А ты, Надежда, какое партийное поручение выполняешь на ферме?

— За работу красного уголка отвечаю... Я уже наметила, какие лекции, беседы, встречи к съезду провести.

— Понятно. Ну, и кого ты наметила лекции-беседы проводить?

— Разных людей, — отвечаю я. — Вас, например, председателя колхоза, товарищей из района...

— Это все хорошо, только почему у тебя одни руководители

на примете? А ты свою мать пригласи. Чего глазами захопала? Мать у тебя — государственный человек. Не смотри, что говорит не красно. Зато работает от сердца. За семью, за бригаду, за колхоз, за всю Россию ответственной себя чувствует. Не шумит, не кричит — трудом своим отвечает. Вот пусть и расскажет вам о своей жизни. Нелегкая она у нее — сама знаешь, но счастливая — об этом тоже знаешь. А ты, Надежда, так и запиши в свои обязательства: «Работать и жить, как Губанова-старшая»...

Вначале мне показалось неловко брать такое обязательство к съезду партии: какая-то семейственность получается. Но когда я перебрала в уме всю мамину жизнь, то поняла, что ничего в этом зазорного нет. Сколько забот и бед легло на ее худенькие плечи, сколько добрых дел сотворила она своими крестьянскими руками! И никогда не жаловалась. Войну пережила, семерых детей на ноги подняла. Копают дома огород и поет, стирает белье на озере — опять поет, приду к ней на ферму еще девчонкой — снова песню слышу. «Устала, мама?» — спрашиваю ее. А она улыбнется и говорит мне: «Ничего, доченька. Я сильная. И работу нашу крестьянскую люблю. А любимая ноша не тянет плеч».

Папа у нас инвалид — много ли мог заработать в колхозе. Дом, усадьба, скотина тоже каждый день заботы требуют. А руки в доме — пока братья не подросли — одни, мамыны. И на свиноферме, где мама уже больше четверти века трудится, она всегда в передовиках ходила. Сколько грамот, благодарностей — не счесть. Медали за труд, орден «Знак Почета». Я ведь тоже свинаркой стала по маминой подсказке. И сейчас — не маленькая уже: 24 года, муж, дочь, своим домом живу, четыре года депутатом сельсовета была — частенько бегу к маме за советом. Так что, выходит, и впрямь на нее мне в жизни и в работе равняться нужно.

Я ведь после того, как окончила восемь классов в Чудинове, тоже уехала городского счастья искать. Поступила в Магнитогорске в профтехучилище, закончила его неплохо, получила специальность токаря. Начала на заводе работать, но чувствую, что не мое это дело, не могу привыкнуть. Нет, думаю, не ко двору я здесь, надо в деревню ехать. Девчонки, вместе с которыми я училище окончила, смеются надо мной. «Неужели, — говорят, — опять поедешь грязь месить, за свиньями присматривать? Ты посмотри, какой город, какие двор-

цы культуры и кинотеатры, магазины, асфальт, людей сколько! Отработала смену — и гуляй себе»...

Попробовала я себя переселить, еще месяц пожила в Магнитогорске — нет, немоготу: пусть не обидятся на меня магнитогорцы...

Приехала в Чудиново, пошла к маме на ферму работать подменной свинаркой, потом набрала свою группу свиноматок. И как-то сразу на месте себя почувствовала. Это же дело такое: кого токарный станок манит, а кого свиноферма. Мама поддержала: «Работай, доченька, каждый человек на земле свое дело исполнять должен». Здесь, в колхозе, я и в партию вступила, здесь меня, еще, в сущности, девчонку, народным депутатом избрали.

Взять хотя бы последнюю пятилетку. Народ не только из нашего колхоза не уходит, а еще и просятся к нам из других районов и областей. Почему бы и нет? Среднегодовой заработок у нас, животноводов, — 148 рублей в месяц, у механизаторов — 187 рублей. В Чудинове 50 личных автомобилей, в каждом дворе мотоцикл. За эти годы колхоз построил 32 жилых дома — сто семей справили новоселье. Построен свинарник на 300 голов, водопровод, теплотрасса, гараж, магазин, промтоваров, амбулатория с современной техникой. Дом культуры наш — один из лучших в районе. Выступают артисты из Челябинской да и из Московской филармоний. Но самым большим успехом пользуются самодеятельные артисты, а у нас в художественных коллективах — полсела. И что интересно, посмотришь на сцену — кто поет и пляшет, кому аплодируют? Да, те поют, кто и на работе себя показать умеет, тем аплодируют, чьи портреты на Доске почета. Колхоз наш — такая форма ведения хозяйства, где никак нельзя обособиться, замкнуться только на своем участке работы. Тот памятный разговор со мной парторг закончил такими словами: «И еще, Надежда, учись у матери хозяйкой себя чувствовать. Не только в доме, а во всем хозяйстве. Не на председателя кивать, у него, мол, пусть голова за колхоз болит, а своей головой думать. Спроси мать: кто она такая? Скажет: член колхоза. Заметь, сначала колхозница, а потом уж свинарка...»

Вскоре после этого разговора я прочитала опубликованный в газетах проект «Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года». Есть там немало радостных для нас, сельских тружеников, цифр. Но особенно запомнились мне такие строчки: «Развивать инициативу, творческую активность трудящихся в управлении хозяйством». Я понимаю эти слова так: партия рассчитывает не только на добросовестную работу каждого из нас, но и на ответственность, горячую заинтересованность в общем деле рядового труженика. А это значит, жить напряженно и активно, чтобы постоянно чувствовать, что в большой работе пятилеток есть и моя работа, что здесь, в колхозе, я отвечаю за все.

...Развивать производство и обеспечить широкое применение автоматических манипуляторов (промышленных роботов), встроенных систем автоматического управления с использованием микропроцессоров и мини-ЭВМ, создавать автоматизированные цехи и заводы.

Из Проекта ЦК КПСС к XXVI съезду партии.

РОБОТЫ—В ПРОИЗВОДСТВО

Не так давно слово «робот» не употреблялось в официальных документах, это было привилегией авторов научно-фантастических романов. В наши дни это слово фигурирует в государственных программах: роботы рассматриваются как важное средство повышения эффективности производства.

Промышленные роботы — это машины, которые по своим функциональным возможностям способны имитировать ручной труд человека. Что касается внешнего вида роботов, то никакого сходства с человеческим телом они не имеют. Об этом следует сказать, поскольку в свое время навязанный фантастической литературой стереотип о роботах как неких стальных подобию человека (что-то вроде гоголевского Вия), которые придут в цехи и станут к станкам, вызывал недоверие у производственников к робототехнике в целом. Правда, первые же практические применения промышленных роботов сломали этот психологический барьер. Теперь количество заявок от предприятий во много раз превышает плановые задания, план производства роботов в десятой пятилетке существенно перевыполнен.

Чем же объясняется возрастающий спрос на манипуляторы?

Сейчас, когда образовательный и культурный уровень советских людей, особенно молодежи, значительно изменился, возросли требования работников к культуре производства. Все меньше людей, желающих заниматься неквалифицированным ручным трудом. Роботы в первую очередь должны заменить человека на таких участках, которые ему вредны, опасны, на быстроутомляющих, однообразных, монотонных, наконец, попросту неинтересных. Благодаря роботизации производственных процессов человек оставит себе такие формы физического труда, которые непосредственно сопряжены с интеллектуальной деятельностью, с творчеством, с искусными действиями человеческих рук. Роботизация, таким образом, способствует преодолению различий между умственным и физическим трудом, достижению социальной однородности нашего общества.

Робототехнические системы дают и существенный экономический эффект. Прежде всего легкая перенастройка робота с одного цикла операций на другой позволяет более быстро, чем при традиционной автоматике, модернизировать технологию и выпускаемое изделие, а также переходить на производство новой продукции. Это требует значительно меньше времени и затрат, чем смена обычной технологической

оснастки. Кроме того, повышается производительность труда и качество изделий, улучшается ритмичность производства, облегчается организация двухсменной и трехсменной работы. Понятно — робот к тому же всегда внимателен, не знает усталости.

Но в роботизации производственных процессов есть еще немало трудностей.

Сейчас получило распространение первое поколение роботов с программным управлением. Их применение будет развиваться в широких масштабах и далее, но они не могут воспроизвести многие ручные операции, например, с перемещающимися предметами, с их сборкой, с дуговой сваркой. Поэтому, кроме программных, нужны еще роботы, способные адаптироваться, приспосабливаться к не строго определенной обстановке. Основная проблема, в которую сейчас упирается разработка таких роботов, состоит в том, что промышленность пока еще не выпускает датчиков осязания, необходимых для восприятия агрегатом обстановки в различных условиях.

Ныне создано более сотни моделей промышленных роботов различного назначения, часть из них выпускается серийно. Несколько тысяч эксплуатируются на многих заводах страны. Кроме того, начат выпуск не только отдельных манипуляторов, но и роботизированных производственных комплексов. Разработка ведется буквально во всех министерствах небольшими творческими коллективами. Общегосударствен-

ная программа предусматривает такие единичные разработки отдельных групп, но, к сожалению, между группами очень слаб обмен информацией. Нет организации, которая бы эффективно координировала деятельность всех этих разрозненных коллективов. В результате такой децентрализации может возникнуть, да это уже и сейчас случается, нежелательный параллелизм. Создавать отдельно многие десятки моделей манипуляторов различного назначения экономически нецелесообразно, это вытекает из специфической способности роботов перенастраиваться на различные операции.

Важным вопросом является и подготовка кадров, которые будут создавать и применять робототехнику на предприятиях. Уже имеется целевая программа Минвуза СССР по проблеме «Роботы и робототехнические системы», ее выполнению нужно уделить очень большое внимание для того, чтобы создать научно-технический задел, без которого дальнейшее развитие робототехники может оказаться в тупике. На этой базе надо существенно расширить и подготовку кадров.

В связи с этим мне кажется целесообразным дополнить соответствующий пункт проекта «Основных направлений» следующим предложением: «Ввести в действие новую систему подготовки кадров по робототехнической специальности; существенно расширить систему переподготовки инженеров, работающих в промышленности, с целью создания таких кадров в промышленных регионах».

Е. ПОПОВ,
член-корреспондент Академии наук СССР,
лауреат Государственных премий СССР

А ПОРТ КРУГЛЫЙ ГОД

Проблема, которой я занимаюсь на протяжении пятнадцати лет, прямо не обозначена в проекте «Основных направлений», но лежит в русле развития агропромышленного комплекса. Она — составляющая обширной продовольственной программы, призванной еще более улучшить жизнь советского человека. Это проблема сохранения фруктов и овощей на длительный период, в идеале — до нового урожая.

Возьмем для примера яблоко. Сорванное с дерева, оно продолжает активно жить и после этого, питаясь накопленными запасами

веществ. Это и приводит к ранней порче продукта. Значит, решение проблемы в том, чтобы затормозить каким-то образом жизнедеятельность яблока, заставить его как бы впасть в летаргический сон, а в нужный момент пробудить. Традиционное средство для достижения этой цели — холод, но эффективность его не столь высока, как бы хотелось. Наш Казахский НИИ плодоводства и виноградарства в союзе с некоторыми московскими институтами осуществил новый метод хранения плодов в регулируемой газовой среде (хотя теоретически он был известен давно). На этом принципе несколько лет назад впервые в стране было построено в совхозе имени Джандосова фруктохранилище на 500 тонн. Сейчас можно сказать с полной уверенностью, что жизнь под-

твердила научную идею. В мае или июне следующего года даже такой нежный сорт яблок, как знаменитый алма-атинский апорт, или еще более нежная груша кажутся только что снятыми с дерева.

Сотрудники института несколько лет экспериментировали, чтобы найти наилучшие параметры газовой среды. Оказалось, что разные сорта яблок требуют различных температурных и газовых режимов. Теперь все эти режимы найдены и поддерживаются в нашем фруктохранилище автоматически, а за приборами следит лишь дежурный оператор. Кстати, оборудование несложно. Это обычные газогенераторы, но в настоящее время найдены и другие способы. Дело в том, что ученые, с которыми мы работаем в тесном контакте, придумали так называемую селективную пленку, кото-

рая способна из обычного атмосферного воздуха создавать нужный нам газовый режим в камере. Стало быть, задача сводится к тому, чтобы просто закачивать в хранилище воздух с улицы, остальное сделает пленка. Первые опыты прошли успешно...

У нас в республике сейчас строятся еще несколько хранилищ с регулируемой газовой средой емкостью от пятисот до тысячи тонн. Возможно, идеальным вариантом было бы сооружение крупных межхозяйственных или даже межрайонных фруктохранилищ (до 10 тысяч тонн), потому что они окупятся быстрее (наше окупилось за два года). То есть речь идет о создании крупных агропромышленных комплексов, где будут соединены производство, хранение, переработка и доведение продукции до потребителя.

В. ГУДКОВСКИЙ,
кандидат сельскохозяйственных наук

Алма-Ата.

Рассказываем о делегатах XXVI съезда партии

новой и новой рабочей силы. Маленькие слободки вокруг заводских стен с годами превратились в большое заводское село, село выросло в город, а завод до сих пор остается его центром; и огромное озеро Ломпадь рядом с Людиновом тоже образовалось благодаря заводу, плотина которого еще два столетия назад перекрыла речку с былинным названием Неполоть; и все сколько-нибудь причастные к истории государства жители Людинова, среди которых есть и ополченцы войны 1812 года, и руководители рабочих забастовок начала нашего века, и герои-подпольщики времен Великой Отечественной войны, — все они так или иначе были связаны с этим заводом.

Сейчас Людиново все больше освобождается от деревянного своего прошлого, тесня асфальтом и железобетоном новых кварталов тихие, сельского вида улочки. На одной из них и жил человек, к которому мы ехали. Он открыл скрипнувшую калитку во двор острокрышного голубого домика, крикнул на лениво таякнущую собаку, распахнул дверь в сени, в домашнее печное тепло и пригласил: «Проходите».

Николаевич рассказывал об этих годах очень коротко. Было трудно, и пришлось поэтому оставить дневную школу, чтобы идти на завод. Я спросил: хорошо ли учился в школе? «Да», — ответил Петрухин, — учителя были довольны. Так я же не бросил, закончил вечернюю десятилетку. Потом учился в техникуме...» Конечно, исключительности в этом факте искать не стоит, но для первого проявления характера совсем немало.

Сейчас в семье Геннадия Николаевича Петрухина двое сыновей. Старшему восемнадцать, учится в том же техникуме, который закончил отец, младшему — четырнадцать. «Трудный возраст?» — хотел посочувствовать я, но Петрухин возразил: нет, особых беспокойств парни не доставляют. Учатся без понуканий, свобода действий, само собой, полная. Что они — несмышленные, чтобы во вред себе ее употребить? — читалось в спокойном удивлении моего собеседника. Я понял: все дело в том, что ребята избрали пример отца.

— Когда я впервые пришел на завод, мне сказали в отделе кадров: иди на укладку шпал. Пошел. Тогда не то что сейчас, из таких, как я, была целая очередь на завод устроиться... — рассказывал

слились для Петрухина в единое, общее, как соединились в Людинове понятия «город» и «завод».

ЕГО ДЕЛО

Недавно завод получил очередной заказ — на этот раз от одной из западноевропейских фирм — на изготовление партии тепловозов. Когда заказ был готов, из-за границы приехали приемщики, долго придирчиво осматривали каждый тепловоз, гоняли по испытательному кольцу на всех режимах и остались довольны. Старший из приемщиков в конце концов высказался в том смысле, что сделать хорошо лишь одну партию тепловозов невозможно, что здесь видна культура труда... Я видел только один цех — 2-й тепловозомеханический, где работает бригада Петрухина. Цех далеко не новый, станки стоят плотно один к другому. Вокруг чисто, как может быть в металлообработке, — белые халаты, скажем, рабочим надевать пока не следует. И вообще каких-то особых внешних атрибутов культуры труда на заводе нет. Но ведь не зря предприятие считается одним из лучших в своей отрасли, не зря бо-

ПОКОРИТЕЛЬ МИКРОНОВ

**Б. СМЕРНОВ,
фото М. САВИНА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»**

ЕГО ГОРОД

Город Людиново есть далеко не на каждой географической карте, расположен он вдалеке от главных магистралей страны, и даже добираться отсюда до областного центра — Калуги — втрое дальше, чем до соседнего Брянска.

Людиновская летопись берет начало с 1745 года, с закладки в глухих калужских лесах одного из многочисленных в России демидовских заводов. История его почти во всем предопределила историю города. Прошлое Людиново — это лес, который стал дешевым топливом для заводских печей и, конечно, строительным материалом для жилья. Жилье возникает там, где для людей есть работа, а растущий выпуск чугунного литья, паровых машин, вагонов, железнодорожных платформ требовал все

Геннадий Николаевич Петрухин, шлифовальщик Людиновского тепловозостроительного завода, избран калужской областной партийной конференцией делегатом на XXVI съезд КПСС. Мы видели его портрет на заводской Доске почета, слышали о нем рассказы его товарищей — все это давало представление о каком-то обобщенном образе рабочего-передовика. Наконец, встреча с Петрухиным в его доме, неторопливый разговор, после которого мы вместе пошли на завод к началу рабочей смены...

ЕГО ЖИЗНЬ

Петрухин рос в военные годы, и хотя это обстоятельство само по себе ничего не решает, для многих оно значило немало. Здесь — два года фашистской оккупации да еще лет пять послевоенных, особо тяжелых... Конечно, самой войны он не помнит — осталось лишь в памяти мгновение, когда наши танки, освобождая Людиново, с ревом пронесли по их улице. Но то, как делили краюшку хлеба, как плакал от голода младший брат, сколько запладал было на бессменной одежке — этого не забудешь, это тоже война, и она продолжалась гораздо дольше той, настоящей... Впрочем, Геннадий

Петрухин. — Через несколько месяцев перевели во второй механический цех, учиться на токаря. Выучился. Хорошая специальность, интересная, если с душой подойти, а меня, спасибо, только так и учили работать. После службы в армии вернулся в свой цех. А начальник, Степичев Алексей Сергеевич, говорит: «Есть для тебя, мол, специальность интересная — шлифовщик, вот так нужна! Ты подумай, походи по цеху, если понравится — оформим». Я и решился. Ведь что такое шлифовка? Вершина металлообработки. Лучший из токарей, токарь-ас, может только подшлифовать деталь, а уж микроны ловить — наша забота. Знаете, я убежден, что это не у каждого получится. Бывает, придет к нам человек, старается, мается — и бросает. Нервы не выдерживают, склад характера у него, значит, иной. Очень тонкая, кропотливая у нас работа, я бы назвал — щепетильная...

Собственно, тема «о жизни» в нашем разговоре на этом закончилась, вернее сказать, полностью перешла в тему «работа». Как и в жизни. Я не хочу сказать, что жизнь Петрухина ограничилась работой — нет, он веселый, компанейский человек, у него масса друзей, у него полно книг, он с гордостью показывал мне целую коллекцию самодельных мормышек и подробно объяснял, где, когда и какая рыба водится в здешних водах. Все дело в том, что слова «жизнь» и «работа»

более восьмидесяти процентов его продукции отмечено почетным Знаком качества, не случайно завод по ряду показателей досрочно завершил свою пятилетку...

Впрочем, слово сейчас не о заводе, а об одном лишь Петрухине. Стоит посмотреть, как он работает! Ни одного лишнего движения, все продумано, удобно, рационально. Работа действительно кропотливая: через каждую минуту-другую станок отключается, и рабочий по шаблону, с микрометрами в руках проверяет точность шлифовки. Обработывается большой, тяжелый вал для тепловоза, но лишний металл сходит с детали не стружкой, а снопом оранжевых искр. Обточить его до микронной точности — большое искусство.

— Вот работаю я с деталью, — говорит Петрухин, — и все время помню, что до меня ее уже и обтачивали, и сверлили, и зубофрезеровали. Если я ошибусь — весь труд, вложенный в этот вал, пойдет насмарку. Понимаете, нельзя нам ошибаться... Станок надо чувствовать, инструмент надо чувствовать, выходить на работу спокойным, сосредоточенным, иначе толку не будет.

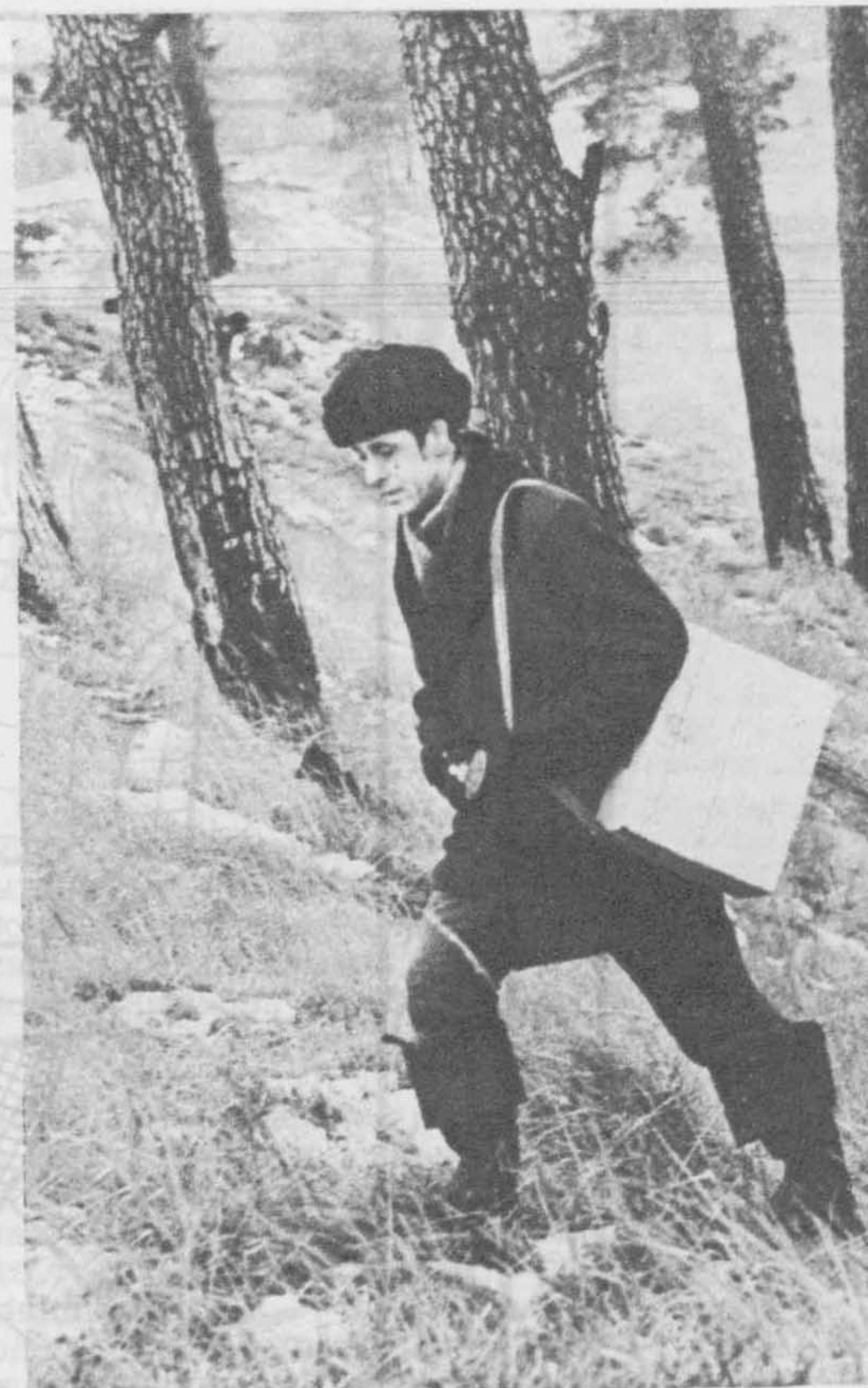
Геннадий Николаевич работает на одном и том же станке уже более двадцати лет — как встал к нему тогда, после службы в армии, так и содержит его в порядке, без сбоев, без серьезных ремонтов.

Правда, с мая у этого станка он уже не один: по инициативе Петрухина шлифовщики цеха объединились в бригаду. Что это дало? До минимума сократились простои, возросла занятость, насыщенность труда, каждый из членов бригады стал просто вынужден работать на самом высоком уровне — на том уровне, который, как я понимаю, задает бригадир Петрухин. Его не смущает, что в бригаде есть новички, — при новой, бригадной системе труда мастерство растёт быстро.

— Мы добиваемся полной взаимозаменяемости, детали у нас теперь не залеживаются, — продолжает Петрухин. — Скоро будем работать на станках с программным управлением — думаю, бригада готова к этому новому этапу. Вот Ваня Федулов пришёл на завод после армии, все на лету схватывает, просто прирожденный шлифовщик. Никитонов Андрей — ему легко наша наука далась, у него за плечами техникум. Сережа Чекаленков перешёл с фрезерного станка, Сергей Мачихин обучался фрезерному делу в ГПТУ — я все это к тому говорю, что люди в бригаде подобраны не случайные. Знающие и любящие металл. Теперь все от меня зависит: смогу ли я

Геннадий Николаевич Петрухин и его товарищ, токарь, Герой Социалистического Труда Валентин Акимович Борискин.

На рыбалку.

ГЕННАДИЙ ПЕТРУХИН

направить их энергию, их способность в верное русло...

Позже, разговаривая с одним из лучших рабочих завода, Героем Социалистического Труда Валентином Акимовичем Борискиным, я услышал такие слова:

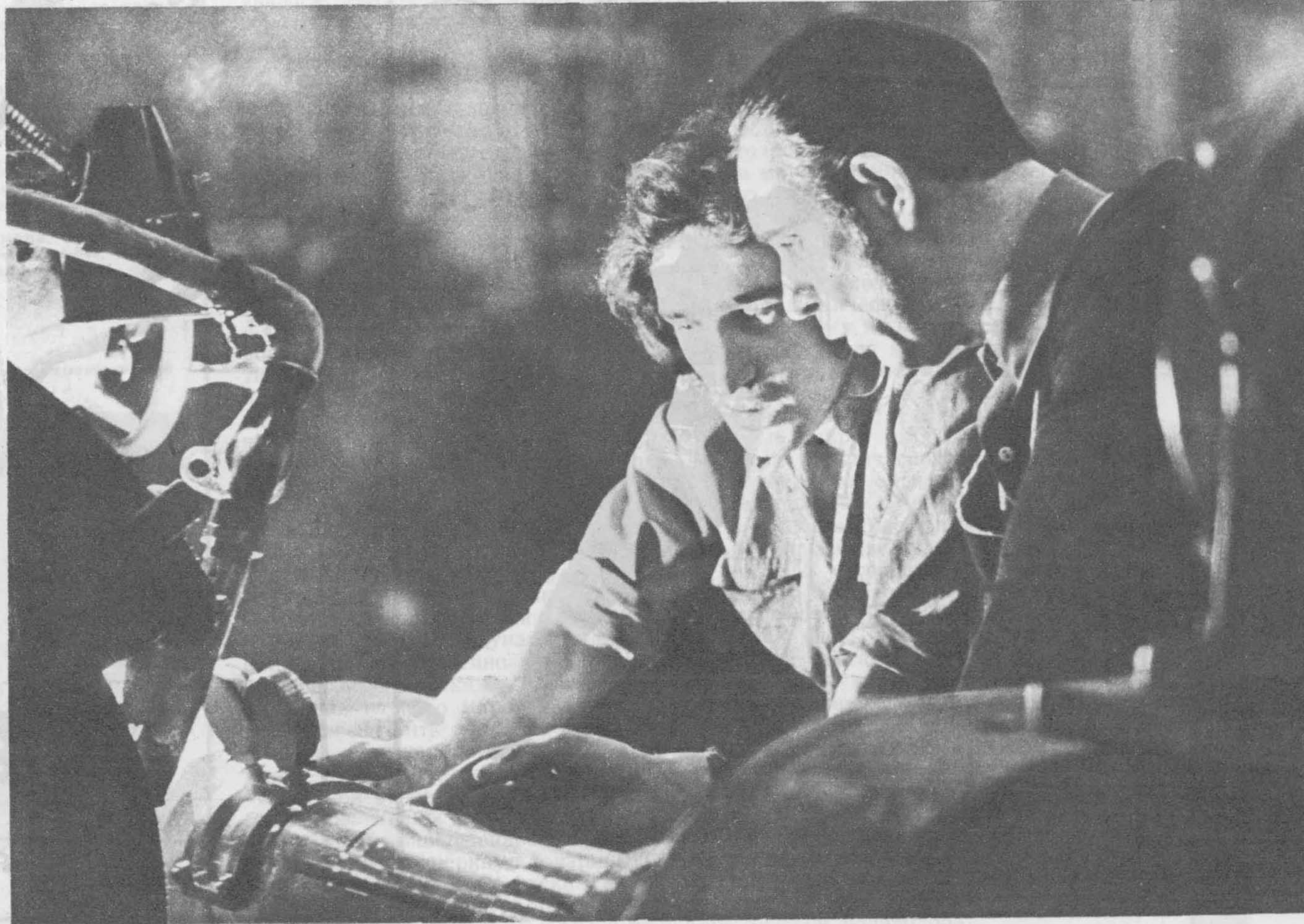
— В том, что большинство пришедших к нам в цех мальчишек и девчонок сегодня работают с мастерами на равных, и его, Петрухина, заслуга. Я был делегатом XXIV съезда КПСС и понимаю, какая это высокая честь, какое большое доверие. За Петрухина голосовал двумя руками: достоин быть нашим делегатом!

— Геннадий Николаевич? Да я хоть сейчас могу поручить ему в цехе любое дело. Всегда собранный, всегда отзывчивый, всегда надежный работник. Лучшего примера для нашей молодежи и не пожелаешь! — сказал начальник цеха Александр Сергеевич Гаврютин.

— По Петрухину можно судить о сегодняшнем уровне мастерства наших рабочих, о культуре производства, — считает директор Людиновского тепловозостроительного завода Игорь Владимирович Никифоров. — Он награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, медалями. Он, без преувеличений, лицо нашего завода, достойный посланец коммунистов города и области на XXVI съезд партии.

Людиново.

Геннадий Николаевич со своим учеником Сергеем Чекаленковым

Сдача дел.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рисунки Бор. ЕФИМОВА

Кто кого преследует!

Трещит антинародный режим.

Др. Е.-81.

Гнев народный

...«Поднимемся же на борьбу без всякого колебания в этот решающий для дела освобождения сальвадорского народа момент. Положим конец зверским убийствам, выбросим на свалку истории фашистскую диктатуру». С такими словами обратился к сальвадорскому народу по радио Шафик Хорхе Хандаль, Генеральный секретарь ЦК Компартии Сальвадора, член верховного командования Фронта национального освобождения имени Фарабундо Марти. Эта речь была приурочена к началу всеобщего наступления прогрессивных сил сальвадорского народа против реакционной хунты.

Последние дни сообщения различных информационных агентств из Сальвадора изобилуют названиями городов, захваченных патриотами в ходе этого наступления: Дельгадо, Сояпанго, Амаатепек, Гваделупе и многие другие. Ожесточенные уличные бои вспыхнули и в Сан-Сальвадоре, столице страны. Инициатива в боевых действиях полностью принадлежит Фронту национального освобождения (ФНО).

Уже много раз история подтверждала тот факт, что диктаторским режимам свойственна переоценка собственных сил и возможностей. Совсем недавно министр обороны Сальвадора Гильермо Гарсиа хвастливо заявлял о полном превосходстве армейских частей над партизанами ФНО: «О предполагаемом наступлении партизан говорят уже с декабря 1979 года. Но это не что иное, как психологическая война». Теперь же обширные территории настолько надежно контролируются отрядами ФНО, что правительственные войска не осмеливаются появляться там. Точно так же, как и молодчики ультраправых террористических организаций, таких, как «Эскадрон смерти», «Антикоммунистический освободительный фронт — война на уничтожение». Банды с этими мрачными названиями были созданы с благословения высших правительственных инстанций для запугивания населения страны.

Не запугали! Наступление ФНО поддерживают самые широкие слои населения Сальвадора. Жители городов и населенных пунктов вместе с бойцами ФНО возводят на улицах баррикады, берутся за оружие. Десять католических организаций Сальвадора в распространенном здесь заявлении признали «законное право сальвадорского народа на восстание как последнее средство достижения мира». «Когда сальвадорский народ ведет подготовку к восстанию», — говорится в этом документе, — католическая церковь желает идти с ним рука об руку и признает справедливость его дела». Происходит раскол и в войсках правящей хунты: дезертирство военнослужащих приобрело массовый характер, нередко целые боевые подразделения во главе со своими командирами переходят на сторону восставших.

В этой ситуации хунта опирается лишь на поддержку олигархии, органов безопасности и помощь Соединенных Штатов, которые собираются предоставить в распоряжение сальвадорского правительства наступательную военную технику. Существуют доказательства того, что наряду с сальвадорскими наемниками в боевых действиях против ФНО принимают участие и военнослужащие вооруженных сил США. Так, американец Томас Брейкен, который был убит в перестрелке с раненым партизаном, официально числился «техническим советником национальной полиции». Он участвовал в охоте на партизан. Органы безопасности вначале признали этот факт, но затем опровергли его.

Еще один вариант опоры для диктаторского режима — войска Гондураса и Гватемалы: подписан договор о совместных действиях войск этих стран против повстанцев в Сальвадоре.

Справедливый гнев сальвадорского народа, вылившийся в столь широкие формы вооруженной борьбы, находит отклик в сердцах всех честных людей нашей планеты.

А. СОКОЛОВ

Стражи диктаторского режима... Сколько времени им осталось?

РАЙОНУ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА — МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ!

Юрий КОРНИЛОВ

Тревожные, очень тревожные сообщения приносят редакционные телетайпы из зоны Персидского залива! Из США и некоторых других стран НАТО идут и идут в этот район мощные авианосцы и другие военные корабли — ныне здесь уже сосредоточена небывалая по численности военно-морская армада, насчитывающая более 60 судов. Суверенным странам, расположенным на берегах залива, открыто грозят интервенцией переброшенные в регион части американских жандармских «сил быстрого развертывания».

Причины, по которым именно район Персидского залива оказался в прорези прицела империалистических кругов США, секрета не составляют: этот район — одна из крупнейших на планете «кладовых нефти», здесь находится 70 процентов разведанных в несоциалистической части мира запасов «черного золота», отсюда Запад получает половину потребляемого им жидкого топлива. Запах нефти — вот что влекло и влечет к заливу империалистических хищников.

Да, зона Персидского залива — это сегодня одна из самых накаленных, самых взрывоопасных точек планеты. Тем более важно сделать все, чтобы ликвидировать созданный империализмом очаг напряженности, обеспечить спокойствие странам региона, устранить угрозу для мира и безопасности народов. Эти важные и благородные цели и преследует новая инициатива СССР, выдвинутая товарищем Л. И. Брежневым в декабре прошлого года в его выступлении в Дели.

В чем суть, стержень советской инициативы? Советский Союз, являющийся твердым сторонником идеи превращения Индийского океана в зону мира, не раз подчеркивал, что и весь этот океан и его часть — Персидский залив, как и любой район мира, — сфера жизненных интересов находящихся там государств и никто извне не вправе вмешиваться в их дела, выступать в роли самозванных «стражей порядка». Исходя из этой принципиальной позиции, наша страна предлагает США, другим западным державам, Китаю, Японии, всем государствам, которые проявят к этому интерес, договориться о ряде взаимных обязательств, направленных на упрочение мира в регионе. Речь идет об обязательствах не создавать иностранных военных баз в районе Персидского залива, не размещать там оружие массового уничтожения, не применять и не угрожать применением силы против стран района. Речь идет, далее, об уважении статуса неприкосновенности, избранного государствами района, о том, чтобы не вовлекать их в военные группировки, уважать их суверенное право на свои природные ресурсы, о всеобщей и глубокой обоснованной программе нейтрализации и демилитаризации зоны Персидского залива, основанной на советской внешнеполитической доктрине мира и безопасности народов.

Предложения СССР с огромным интересом и вниманием восприняты на разных континентах, и прежде всего — на Ближнем и Среднем Востоке. Широко обсуждая и комментируя эти предложения, видные государственные и общественные деятели разных стран подчеркивают, что реализация советской инициативы означала бы важный шаг на пути укрепления мира и безопасности в регионе и за его пределами, что важность и актуальность советских предложений особенно очевидны сейчас, когда в результате сепаратной кэмп-дэвидской сделки создалась обстановка, способствующая усилению вмешательства США в дела стран Ближнего и Среднего Востока.

Так восприняли советскую инициативу миролюбивые страны и народы, но совершенно иначе реагируют на нее те империалистические круги, прежде всего в США, которые основывают свою внешнюю политику не на доктрине мира, а на доктрине агрессии и диктата. Разумеется, эти круги не могли просто «не заметить» советских предложений. Однако они всячески стремятся путем разного рода неблагоприятных трюков преуменьшить значение советских предложений, извратить их суть, дезинформировать общественность. Как, какими методами это делается, продемонстрировал, например, государственный секретарь США Э. Маски, во всеуслышание объявивший недавно в интервью французской газете «Фигаро», что, дескать, Советский Союз, выдвигая предложения о демилитаризации зоны Персидского залива, в действительности стремится лишь к тому, чтобы... «разоружить США» и даже «предоставить залив в распоряжение русских». Послушать г-на Маски, так можно подумать, будто не США, а Советский Союз посягает на ближневосточную нефть, будто не США, а СССР угрожающе и нагло бряцает оружием у берегов суверенных нефтедобывающих государств!

Сопоставляя сегодня позиции, занятые по проблемам Персидского залива СССР и США, международная общественность вновь и вновь убеждается, что налицо два совершенно различных политических курса, две полярно противоположных политических доктрины. С одной стороны — это линия Советского Союза, линия глубоко миролюбивая, принципиальная, последовательная, цель которой — обеспечить мир, укрепить независимость государств и народов. С другой стороны — империалистическая политика агрессии, откровенно гегемонистский курс США, творцы которого, повторяя «азбуку Бжезинского» о несуществующей «советской угрозе», хотели бы под прикрытием этих вымыслов вернуть нефтедобывающие страны к временам колониализма.

«Наша приверженность идеалам свободы, справедливости и прогресса непоколебима», — подчеркнул товарищ Л. И. Брежнев в новогоднем поздравлении советскому народу. — Советский Союз решительно выступает за разрядку, за укрепление сотрудничества и говорит твердое «нет» гонке вооружений, осложнениям и конфликтам, вызываемым империалистической политикой».

ТАМ, ЗА СИНИМИ ГОРАМИ

А. КРИВЕЛЬ

До сих пор не могу забыть, как однажды в детстве на таежном перевале под Иркутском увидел в голубой дымке голые, каменистые, покрытые вечным снегом Саяны. Они были как чудо — синие и в ледниках. Через много лет подъехал я к заветным синим горам с другой, южной стороны.

Прихубсугулье... Трудно найти более красивое место в Монголии. Голубые озера, прозрачные, как хрусталь, реки, покрытые эдельвейсами горы. Богатейший это край. На здешних лугах пасется около двух миллионов овец, коров, яков, лошадей.

За последние годы получило «прописку» в Прихубсугулье и земледелие: выращивают пшеницу, овес, овощи. В тайге на южных склонах Саян водится много оленей, пушного зверя. Самые опытные охотники Монголии живут и трудятся в этом удивительном крае. Развит рыболовный промысел. В озерах, расположенных здесь и объединенных общим названием Цаган-Нур — Белые озера, обитает знаменитая белорыбца, та самая, которую некогда живой поставляли в Петербург на царскую кухню. В Шар-Нуре водится красная форель. А в Хубсугуле — омуль. Да-да, потомок знаменитого байкальского!

Давно волнует ихтиологов вопрос: почему бы не разводить эту ценную рыбу в других водоемах? Предпринимались попытки акклиматизировать ее в Иссык-Куле, Севане, Онежском озере. Икринки из глубин Байкала путешествовали в Чехословакию, Англию, Японию. В целом омуль, увы, не прижился. Исключение — Хубсугул.

Вероятно, немалое значение имело сходство «биографий» Байкала и Хубсугула. Оба озера, как предполагают ученые, одновременно возникли в гигантской системе разломов земной коры, протянувшейся от Центральной Азии к берегам Тихого океана. Если посмотреть на карту, то сразу заметишь, что форма Хубсугула напоминает байкальскую. В Байкал и Хубсугул впадают по многу рек, а вытекает только по одной. Да и расположены они друг от друга недалеко.

Идею переселить сюда байкальского старожилу первым выдвинул монгольский профессор А. Дашдорж. Двадцать с лишним лет назад он возглавил инициативную группу из научных сотрудников Монгольского и Иркутского университетов. Около пятнадцати миллионов вызревших икринок были выпущены в Хубсугул. Омуль прижился, начал давать потомство. А из маленькой инициативной группы выросла крупная монголо-советская экспедиция.

— Мы занимаемся сегодня не только ихтиологией, — рассказывает ее научный руководитель, доктор биологических наук Ольга Михайловна Кожова. — Задача экспедиции — всесторонне исследовать природные условия и ресурсы некоторых районов МНР с тем, чтобы дать рекомендации народному хозяйству. Например, мы рекомендовали соорудить в районе Хубсугула рыбопромысловый комбинат, а также рыбоперерабатывающий завод. Разработана пятилетняя программа совместных комплексных исследований минеральных источников Монголии. Она больше чем наполовину уже выполнена: определены бальнеологические компоненты целебных вод, выданы рекомендации по строительству санаториев и домов отдыха. Совместно проводим исследования в области повышения эффективности использования пушных ресурсов Монголии, улучшения товарных качеств пушнины. Все эти темы имеют важное народнохозяйственное значение. В Монгольском государственном уни-

15 ЯНВАРЯ — 35 ЛЕТ ДОГОВОРУ О ДРУЖБЕ, СОТРУДНИЧЕСТВЕ И ВЗАИМНОЙ ПОМОЩИ МЕЖДУ СССР И МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ.

верситете сформировался коллектив, состоящий из опытных, всесторонне подготовленных, способных ученых и преподавателей. Сотрудничество выгодно обеим сторонам.

Год от года укрепляется материальная база экспедиции. Необходимое оборудование и инвентарь предоставляют оба университета. В процессе совместного труда растут квалифицированные научные кадры. Важный плод сотрудничества — общие научные публикации. За время деятельности экспедиции кандидатские и докторские диссертации защитили десятки человек. По темам, подсказанным экспедицией, монгольские и советские студенты подготовили около двухсот курсовых и дипломных работ, среди них немало таких, которые представляют серьезный научный интерес. Тяга студентов обоих университетов к участию в совместной экспедиции настолько велика, что приходится объявлять специальный конкурс для желающих ехать летом в Прихубсугулье.

— Это место очень любопытно тем, — рассказывает начальник монгольской части экспедиции доцент Цэдэнгийн Жамсаран, — что здесь на сравнительно небольшой площади можно обследовать все зоны, имеющиеся в Монгольской Народной Республике. Геологи обнаружили огромные запасы фосфоритов. При разработке месторождения в крупных масштабах, естественно, может в какой-то степени нарушиться экологическое равновесие края. Мы работаем над тем, чтобы этого не произошло. Предложено, например, создать несколько заповедников.

...Происхождение фосфоритов на Хубсугуле связывают с легендой. Жили тут старик со старухой, и пришел однажды к ним странник. Попросил напиток. Старик говорит — подними камень. Поднял пришелец камень — вода потекла, да столько, что образовалось целое озеро. «Закрой, — просят старики, — совсем затопит нас!» Взглянул пришелец на вершину горы, оторвал ее и закрыл воду. Так появился в середине Хубсугула остров, а на макушке горы огонь запылал...

Зовут гору эту Уран-Туш и всегда рисуют ее со шлейфом огня и дыма. По ориентировочным данным, гора хранит в своих кладовых полтора миллиарда тонн фосфоритов — это одно из самых крупных в мире месторождений горючего камня.

Основная продукция, получаемая из него, — фосфорные удобрения. Если, скажем, азотные удобрения можно вырабатывать из нефтепродуктов, из атмосферного азота, то фосфориты как сырье пока ничем заменить нельзя. Недавно на Хубсугуле находилась группа ученых, участников международного симпозиума, организованного ЮНЕСКО и посвященного монгольским фосфоритам.

В подписанном в Москве летом 1980 года соглашении об экономическом и техническом сотрудничестве между Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой на 1981—1985 годы намечено завершить геологическую разведку месторождения и составить техническое обоснование на первую очередь строительства.

...Поселок Их-Ул, центр самого крупного в аймаке кооператива: авторемонтные мастерские, гаражи, добротные дома, Дворец культуры. Когда стемнело, я решил прогуляться по улицам самостоятельно. «Можно у вас спросить?» — вдруг услышал я. Оглянулся: ко мне несмело приближались двое подростков. «Вы, наверное, оттуда, с Уран-Туш, где горящие камни, — сказал тот, что был постарше, — как там? Мы хотим после школы поехать туда работать...»

Им тоже, как и мне когда-то, очень хотелось узнать, что там, за синими горами.

Улан-Батор.

КРАЯ НЕФТЯНОГО ГЕРОЯ

Портрет Героя Социалистического Труда нефтяника Дмитрия Ивановича Михайлова представлен на республиканской художественной выставке «Советская Россия». Автор полотна народный художник РСФСР, лауреат Государственной премии Башкирской АССР имени Салавата Юлаева Рашид Мухаметбареевич Нурмухаметов рассказывает:

— Помню первую встречу с Дмитрием Ивановичем. Это было около тридцати лет назад — тогда я, дипломник Московского института имени Сурикова, был направлен в башкирский город нефтяников Октябрьский. Поездки к буровым мастерам произвели на меня огромное впечатление, и я тут же решил: моей дипломной работой будет цикл картин о нефтяном крае. Все лучшее, что увидел я в те дни, вся красота и мощь нефтяного края воплотились для меня в образе бурового мастера Михайлова. Конечно, не один час и не один день пробыл я с бурами, сделал много набросков, этюдов и убедился, что не ошибся в своем впечатлении: волевой и энергичный бригадир во всем задавал тон. И в работе и в жизни. К нему тянулись рабочие, с него старались брать пример. Такой не отступится от своей цели. Это — личность!

Дипломная работа была принята очень хорошо. Но я считал не менее важным приобретением для себя те добрые отношения, которые сложились у меня с замечательными людьми — нефтяниками Башкирии. И в первую очередь с Дмитрием Ивановичем. Он стал моим большим другом. Часто встречаясь с ним, я все больше и больше находил в нем необыкновенно привлекательные человеческие черты. Надо сказать, Михайлов не любил позировать: неподвижность — совершенно несвойственное для него состояние, такой это деятельный человек. Но годы идут... Портрет, который я написал несколько лет тому назад, должен был, по моему замыслу, изобразить того же сильного, волевого и в то же время доброго человека, умудренного жизнью, опытного и проникательного, с какой-то усталостью, которая хоть и скрыта за прежней уверенностью взгляда, но невольно проступает в натруженных руках рабочего человека... Впрочем, что говорить, все, что я хотел сказать, я постарался передать на полотне.

Что можно добавить? Я остался верен своему «нефтяному» пристрастию, много раз ездил на тюменский север, писал портреты сибирских «нефтяных королей», среди которых много моих земляков. Скоро собираюсь лететь в приполярье. Мы по-прежнему дружим с Дмитрием Ивановичем, он сейчас работает заместителем начальника Уфимского управления буровых работ. Уверен, что радость общения с этим человеком подарит мне еще не одну творческую удачу.

С. БОРИСОВ

Р. Нурмухаметов. Род. 1925. ПОРТРЕТ БУРОВОГО МАСТЕРА, ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА Д. И. МИХАЙЛОВА. 1979.

„НАСТАНУТ ДНИ...“

У нас на хуторе Чумаки живет баба Оля. До войны ее муж, Самсонов Алексей Гаврилович, работал учетчиком в бригаде, был очень активным комсомольцем, редактором стенгазеты и карикатуристом, и его в колхозе все лодыри боялись. На фронте с первых дней войны. Служил связистом, писарем, разведчиком. Награжден орденом Славы III степени и медалью «За отвагу». Погиб он 21 марта 1945 года под Будапештом.

Ольга Федоровна хранит все фронтовые письма Алексея Гавриловича. Их у нее около тысячи. Это удивительные документы. Они не должны бесследно исчезнуть для будущих поколений. Я выпросил у Ольги Федоровны для «Огонька» 264 письма... С единственной фотографией своего Алеша она не может расстаться. Пусть некоторые из писем прочтут те, за кого сражался и погиб ее Алеша.

А. ЧЕРНУХИН,
участник Великой Отечественной войны

хутор Чумаки,
Ростовская область

31.I.42.

Здравствуй, горячо любимое мое семейство! Мама, цветочек-незабудочка Олечка и дорогие крошки Ленечка и Томочка!

Я по-прежнему жив-здоров, по-прежнему люблю вас всей душой и готов всю свою кровь капля за каплей отдать за ваше счастье и благополучие. Нет для меня дороже вас ничего в мире. Поэтому я собрал все свои силы, чтобы пережить эту великую освободительную войну и выйти из нее победителем, чтобы еще пришлось пожить нам всем вместе, вскормить и воспитать наших детишек, а тогда хоть и помереть.

Находясь в рядах Красной Армии, я честно и добросовестно выполняю приказы командиров, так же, как я честно трудился в колхозе. Мне дали звание командира отделения. В отделении у меня ребята хорошие, служат образцом для всего взвода.

Только сегодня ночью прошли пешим строем за 3,5 часа 26 километров. Очень утомились. Сейчас чувствую себя превосходно, пишу вам письмо, то есть говорю с вами, да еще и курю. Дорогая Олечка, не забудь сохранить табак к моему приходу и не отчаивайся ни на минуту. Твердо верь в то, что мы еще поживем, и тогда на сердце всегда будет легче. А мы еще поживем! И не так, как жили раньше, а гораздо лучше. Мы жили и не постигали глубины нашего счастья. А теперь, после постигшего нас и нашу Родину несчастья, одна улыбка, веселый взгляд будут для нас большим счастьем. Поэтому, Олечка, будь тверда, как гранит, и верь в наше

будущее. Старайся всеми силами сохранить свое здоровье и здоровье моей дорогой мамы. А за меня не беспокойся. Я привык ко всем трудностям и стал настоящим солдатом.

5.V.42.

Здравствуй, дорогое мое семейство!

Пока нахожусь жив-здоров. Пишу с маленького хуторочка недалеко от Сталинграда... А сейчас, дорогая Оля, напрягай свои силы и умей, чтобы честно справиться с ответственной работой животновода, которую тебе доверило колхозное общество. Дорогая Олечка, пиши, как проходит весенняя посевная кампания, сколько чего посеяли и сколько осталось сеять, кто работает в тракторной бригаде и что насадили на своем огороде и как распускаются деревья, которые я сажал, и обо всех ребятах, где кто.

До свидания. Целую вас всех несчетно раз.

Ваш Леша.

6.VII.43.

Живу я, Оля, по-прежнему, побоевому. Переживал такие сабантуи на днях, но вышел как миленький. А почему? Да потому, что я тебя люблю. И хочу еще раз поцеловать тебя. Да и бить врага немного научился, да еще и умирать-то неохота. Правда, стал немного злой, но без этого здесь нельзя, на то и война, чтобы ненавидеть врага. А раньше-то я и поросенка жалел резать!

Оля, увидишь няню Таню, прости ее и передай мой привет. Раздору не надо. Не то время сейчас. Следует только ненавидеть одного общего врага — фашиста. В настоящий момент я всех люблю и всем желаю счастья.

Целую еще раз всех вас.

Леша.

16.VII.43.

Здравствуй, Олечка! С первой моей строчки прими мой фронтовой привет, привет советского разведчика и, кроме того, поцелуй, поцелуй, поцелуй. Я на них не скуплюсь и посылаю их просто пачками. И не только в письмах, а даже как попало. Дует ли с запада ветерок на восток, уже я думаю: «Надо послать!» И, не сходя с места, посылаю. Или, смотришь, летит птица какая-нибудь, летит, крыльшками машет. Возьмешь и к ней приспособишь поцелуев десяток или два, смотря по ее силе. А вчера так послал просто с пулей автомата. Думаю, 800 метров пролетят, а там как-нибудь и пешие дойдут. Они в меня — выносливые и живучие. Только одно меня интересует — доходят ли они до тебя? Если доходят, то и работать, пожалуй, не дают.

А мне здесь трудно пережи-

вать, когда ничего из дому не получаю. Иду в бой и думаю: хоть бы строчку прочесть от Оли. Самую последнюю строчку: «Целую тебя, твоя Оля».

Оля, я живу очень хорошо. И почет разведчикам хороший. Вчера пришел с передовой и отдыхаю, как кот на мягкой кровати. Хозяйка все постирала, ухаживает, как за родным братом. Только не подумай ничего дурного. Я живу честно и только мыслью скорей разбить фашистов и вернуться к тебе.

9.XII.43.

Здравствуй, дорогие мои детки, сыночек Ленечка и дочка Тома!

Ваши письма я получил, был им очень рад. Особенно понравились ваши картинки. Просто настоящая война: летят самолеты, бегут танки, бьют фашистов куда попало. Просто смотреть страшно. Так и здесь мы бьем фашистов. Скоро всех перебьем, уже трошки осталось, по одному фашисту на бойца. А это сущие пустяки. Я очень рад, что вы занимаетесь хорошо, и у меня на сердце хорошо. А пока до свидания. Завтра и я вам чего-нибудь нарисую.

Остаюсь любящий ваш папа.

30.XII.43.

Привет с фронта Оле! Здравствуй, дорогая моя Оля, целую тебя!

Пишу из освобожденного нами от фашистских бандитов села. Пишу письмо, а вокруг рвутся мины и снаряды. Ребята засели в щелях, но я надеюсь на провидение. Неужели здесь моя судьба? Нет! Я еще тебя увижу, еще прижму к сердцу свою любовь, свою мечту. Врешь, фашистская рожа, не возьмешь!

Пишу после небольшого перерыва. Мина попала в соседнюю хату. Но фриц уже не выдерживает могучих ударов наших бойцов. Скоро снова пойдем вперед.

Оля, чувствую себя хорошо, только писем от тебя долго нет. До свидания, голубка. Остаюсь горячо любящий тебя

твой Леша.

11.I.44.

Здравствуй, дорогая моя мама! Примите мой горячий привет и сыновний поцелуй.

Я, дорогая мама, все еще жив и здоров. Может быть, еще придется с вами пожить хоть немного, похозяйничать, как раньше хозяйничали и планивали, что где посеять и какое деревцо посадить. Ну, а теперь не то, уже третий год пошел, как вы меня проводили сражаться за Родину, и я с тех пор бьюсь с фашистами, честно выполняю свой долг Отечеству. Но уже немного осталось, недолго ждать, еще увидимся.

А пока, дорогая мама, до свидания. Целую крепко вас.

Ваш сын Леша
Привет Оле, Ленечке и Томочке.

15.II.44.

Привет с фронта! Здравствуй, дорогая моя Олечка! Как и всегда, целую тебя горячо и крепко. Сегодня получил два твоих письма.

Знаешь, Оля, как легко бывает на сердце, когда прочитаешь дорогие письма. Я, моя кроша, читаю твои письма и словно вижу вас — тебя, Леню, Тому и как вы сидите за столом и каждый из вас пишет письмом. Леня сидит и пишет сосредоточенно и глубоко-мысленно, наклонившись над листком бумаги. А Томочка, та не может сосредоточиться, часто отрывается от своего письма и поглядывает с завистью на Ленинины рисунки. Ты пишешь задумчиво и с волнением. После окончания работы просматриваешь письма — свое и моих птенцов с материнской гордостью. Старенькая мама сидит на скамеечке и о чем-то думает.

Так вы вырисовываетесь в моих мечтах.

Как бы я был счастлив, если б в этот момент вошел к вам в комнату! Но, моя Оля, я надеюсь, что это когда-нибудь случится, а пока жди и не горюй.

До свидания, целую тебя сотни раз крепко-накрепко. Передаю свой привет и горячий поцелуй дорогой маме и детям — сыночку Ленечке и дочке Томочке.

Горячо любящий тебя Леша.

19.IV.44.

Привет с фронта! Здравствуй, дорогой мой сыночек Ленечка! Только сейчас получил я твое письмо. Как я был рад ему! Я его поцеловал во все четыре уголка. Кругом пушки гудят, снаряды свистят, а я стою и читаю твое письмо, даже и о смерти забыл. Я из мамкиного письма узнал, что ты отличник. Придется и мне подтянуться, а то перегонишь ты меня, ведь ты теперь на самолете сидишь, а я все еще пешком хожу, на одиннадцатом номере. Но ничего, до Берлина как-нибудь дошагаю!

Живу я, сынок, хорошо, скоро полностью освободим свою Родину. Вернусь к вам, и тогда подведем итоги нашего соревнования, а пока, дорогой сыночек, до свидания. Уже стемнело и нельзя больше писать. Передай привет Томочке, мамке и всем бабушкам.

Остаюсь твой папа

А. Самсонов.

6.V.44.

С фронтовым приветом дорогой маленькой дочке Томочке!

Здравствуй, Томочка! Целую тебя крепко и желаю скорой нашей

Сергей ПОДЕЛКОВ

ГЕРБ ГОРОДА БАКУ

Ночь на щите.
И три куса огня.
О этот триптих пламени
над бездной,
влекущий
и волнующий меня
в ночи остро-загадочной и тесной,
он — знак неопалимый,
он — тавро
на временах, идущих чередой.
И мнится
это Каспий на ребро
поставлен перед городской
чертою.

Тут скрыт Баку.
Скрыт мглой навесной.
Дыхание роится нефтяное.
И все
подсвечено голубизной,
оттенено мерцанием прибоа.

Дрожат языческие пламена,
мысль видит их и в первобытной
рани.

И слышно:
третя о волну волна,
как будто пишется повествование.

Вода играет.
Крутятся валы.
Тут черный клад, нацеженный
веками,
течет по горлам труб в Сангачалы,
в Песчаный остров,
в Нефтяные Камни;

течет, как кровь,
как дым —
струись, бурли! —
течет наверх,

пульсирует, как жила,
то вытянутая из нутра земли
горючая
и аспидная сила.
Что ж, homo sapiens, в атомный
век
лишь мыслью поведи —
и, с ветром спорясь,
она колесам даст кипящий бег
и крыльям разрезающую
скорость.

И ум и руки,
свет и тьма в ладу,
и глубь и высь,
буруны буревые,
как памятники древнему труду —
над скважинами вышки буровые.

Мне по сердцу
и новь
и старина,
волна, как скачущий с известьем
конник,
над Каспием златые пламена...
Баку, Баку, я твой огнепоклонник!

ГЕРБ ГОРОДА ВЛАДИМИРА

Вл. Солоухину.

В красном поле
лев на задних лапах,
желтый зверь с улыбкой на губах,
корпус мощи в теневых
накрапах —
как восстанье мысли —
на дыбах!

Головы спокойное величье,
и в глазах лукавства доброта,
львино-мужиковское обличье,
кольцами струится борода.
Он не порешен огнем,
отравой,
не един был варваров наезд,
держит лев в передней лапе
правой
длинный-длинный
серебристый крест.

Звон стрелы,
и меч,
и щит,
и посох,
и благословенье, и печаль.
Помнит зверь
на клязьминских откосах

гик ордынцев,
рубку — сталь о сталь.

Помнит зверь
кольчужные оплечья,
он на стяге
был всегда вблизи,
он, возникший далеко-далече,
в зарево время на Руси.

Веси гибли,
и пожары висли,
город звал набатом правоты,
и, одною связанные мыслью,
рати шли,
как по реке плоты.

Герб Владимира тому свидетель,
образ смердов, не приявших плен.
И на поворотах
всех столетий,
на зигзагах царств и перемен

тихо
в будущее из былого
переходит зверь издалека...
В красном свете —
битвы,
гулы,
зовы,

Русь,
Россия,
свет и ярость слова, —
и перекликаются века.

ГЕРБ ГОРОДА БОЛХОВА

Я тебя заприметил
среди орловских земель,
город Болхов,
ты светел,
плещет Нугрь, что купель.
Летописец,
он веки
слов расставил, любя,
он в тринадцатом веке
помянул и тебя.

В небе чисто и тихо,
миром воздух нагрет,
в древнем поле гречиха,
бело-розовый свет.

Придан девичий нрав ей —
удивительный знак.
Это ж твой стародавний
геральдический знак;

он как страдная доля,
что творит доброту;
во серебряном поле,
во серебряном поле,
во серебряном поле —
гречиха в цвету!

Здравствуй, Болхов,
попотчуй
тем, что есть на столе;
я не гость, мы на отчей,
на родимой земле;

здесь судьбы моей полоз
шел в войну
немцу встреч...
Мне отвечает голос,
маслом по сердцу речь:

«Не погребуй ты нашим
угощением, друг,
вот гречишная каша,
сытный, ласковый дух».

Ты такой, видно, сроду —
хлебосольством пригож,
ты гречишного меду
четверть рамки кладешь.

Яство — дар,
но не богов,
от щедрот мужиков.
Благодарствую, Болхов,
благодарствую, Болхов,
благодарствую, Болхов,
дай утрусь рушником.

ГРОЗА

Памяти учителя И. М. Якусевича.

...И напряглись стволы тайги
органом.

Рывками ветер дул, макушки гнул,
вверх взметывалась молния
арканом,
валил — как светопреставленья
гул.

Все что-то ширилось
и приближалось,
с величьем грозным плыли
небеса,

и звери в ужасе друг к другу
жались,
иссякли в жути птичьих голоса.

встречи. Я живу хорошо, здо-
ровье отличное, так что фашисту
не совладать со мной. Осталось
совсем немного ждать. Скоро
приду к вам. Как раз в то время,
когда поспеет виноград. Вишни-то
не придется кушать. А пока я еще
добываю врагов. Ты не забывай
папку и шли хоть изредка своих
куколок и домики, а то я уже
очень давно не получал от вас
писем.

Шлю тебе в этом письме от-
крытку «Голубые цветочки», кото-
рые растут здесь под Альпами.
Они означают мою грусть и ску-
ку по тебе, маленькой.

Остаюсь твой папа

А. Самсонов.

11.VI.44.

Здравствуй, моя Олечка! Сего-
дня для меня день счастливый и

радостный. Так всегда бывает,
когда я получаю твое письмо...
Ты пишешь, что ожидается хоро-
ший урожай виноградных садов.
Это меня искренне обрадовало.
Ведь я еще не теряю надежду
попить хорошего донского вина,
которое вам советую приготовить
для встречи победителей. Только
ты чего-то не написала за наш са-
док — хорошо ли завязалась яго-
да? И про детей ничего не напи-
сала... Я почему-то стал часто и
много думать о них. А вчера ве-
чером так мне просто показав-
лось, что двоих мало. После вой-
ны будут еще двое. Это уже обя-
зательно. Я знаю, что тебе и с
этими тяжело. Но, несмотря на
это, дети являются целью даль-
нейшей жизни.

Еще я рад, что Шурик жив.

Признаться, я погоревал за него —
всю войну по госпиталям.

А пока, Олечка, до свидания.

Целую твои губки.

И передаю привет маме и де-
тям Ленечке и Томочке.

Остаюсь всегда верный тебе
твой Леша.

31.VIII.44.

Привет с фронта! Здравствуй,
дорогая и любимая Олечка!

Вчера, или, вернее, прошедшей
ночью, видел тебя во сне, пред-
ставь, очень явственно. И потом
после долго не спал. Думал о
тебе, о матери, детях и вообще
о родном крае. Как бы где ни
было хорошо, какие бы места ни
восторгали взгляд, а все равно нет
милей сердцу родного уголка.
Каждое дерево, каждый бугорок
земли или ярушок, запечатлев-

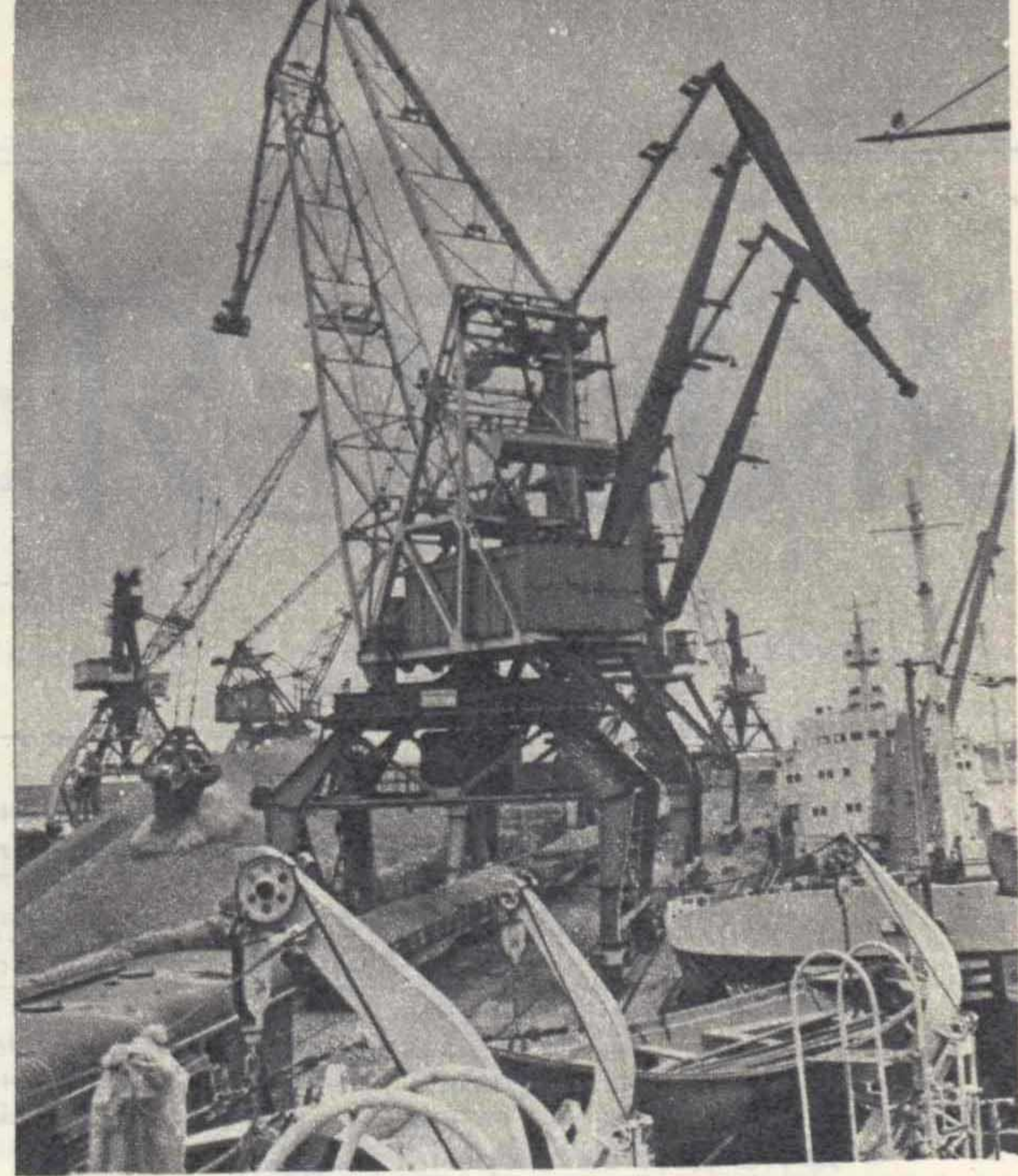
шийся в памяти, кажется родным
и хорошим. А я уже много за три
года войны прошел по родной
земле. Есть о чем будет расска-
зывать после... Если только суж-
дено будет вернуться к тебе, моя
голубка.

Много приходится скучать о
своих прежних желаниях и при-
вычках. С каким бы наслажде-
нием порыбалил бы бреднем на
речке.

Не так давно тоже пришлось
рыбальить. Но скажи, правда, что
за удовольствие бросить гранату
в реку, а потом ловить полужи-
вую рыбу, это просто ерунда,
гранатой можно убить и слона.
А уж порыбалил бреднем — это
сплошное удовольствие. Во-пер-
вых, в воде и в грязи по горло,
во-вторых, утомишься до бессоз-
нания и, в-третьих, рыбине пред-

Привокзальная площадь столицы Дагестана.

В Махачкалинском порту.

ДАГЕСТАНСКОЙ АССР — 60 ЛЕТ

Первый секретарь Дагестанского обкома КПСС Магомед-Салам Ильясович УМАХАНОВ отвечает на вопросы корреспондента «Огонька» Н. КРЫЛОВОЙ
Фото И. ГАВРИЛОВА

ОДИН ОЧ

М.-С. И. УМАХАНОВ,
член ЦК КПСС, первый секретарь
Дагестанского обкома КПСС

— Магомед-Салам Ильясович, сначала немного истории вашего горного края.

— В Кремле, в кабинете Ленина стоит чернильный прибор из абрикосового дерева с серебряной насечкой, сделанный мастерами аула Унцкуль. Прибору этому столько лет, сколько сегодня нашей республике. Его привезли в подарок Ильичу дагестанцы в 1921 году. Имя Ленина каждый горец произносит с глубокой благодарностью и любовью, потому что с ним связаны все самые важные, самые светлые перемены в стране гор.

20 января 1921 года был подписан декрет ВЦИК РСФСР об образовании Дагестанской АССР. В апреле того же года по распоряжению Ленина в Дагестан были отправлены мануфактура, сельскохозяйственные орудия, хлеб, лекарства. Тогда здесь фактически не было промышленности.

— А теперь?

— Сегодня наша промышленность — это современное машиностроение, металлообработ-

ка, приборостроение, гидроэнергетика, химия, нефть. Например, судовое оборудование Махачкалинского завода имени М. Гаджиева поставляется почти на все верфи СССР. Весомая доля термических установок в подшипниковой промышленности, термические узлы на ВАЗе и КамАЗе, агрегаты на заводе «Электросталь» — все это изготовлено Избербашским заводом электротермического оборудования. Известны в стране и сварочные агрегаты «Дагэлектромаша». Нефть и газ Дагестана идут в соседние братские республики на переработку, в систему магистральных газопроводов Северного Кавказа. На долю нашей республики приходится сорок процентов вырабатываемых в РСФСР виноматериалов, значительное количество консервов.

«Сделано в Дагестане» — 253 изделия с этой маркой удостоены государственного Знака качества.

— В этом году в республике собран рекордный урожай винограда. Но сельское хозяйство республики — это не только виноград?

— Да, конечно. «Огонек» уже писал о наших виноградарях. Это большие мастера своего дела. В проекте ЦК КПСС к XXVI съезду партии говорится, что в Российской Федерации к 1985 году среднегодовое производство винограда составит не менее одного миллиона тонн. И наша республика наметила в производстве солнечной ягоды высокие рубежи: до 700 тысяч тонн к концу одиннадцатой пятилетки, а в перспективе — миллион тонн.

В завершающем году пятилетки государству продано 120 тысяч тонн овощей, 75,4 тысячи тонн плодов — значительно больше, чем по плану. Перевыполнено на восемьдесят с лишним тысяч тонн и задание десятой пятилетки по продаже зерна.

Традиционное занятие горцев — овцеводство. В республике выведены новые породы овец. Госплемовцезавод «Червлёные буруны» стал опорно-показательным хозяйством. В нем проходят практику студенты из различных областей и республик, приезжают сюда и зарубежные специалисты. Ряд стран закупил здесь племенное поголовье.

Радует нас и то, что пятилетний план по продаже государству мяса, яиц, шерсти и молока перевыполнен.

— Очаг и родник издревле почитаются горцами. Огонь и вода — можно перевести на современный язык одним словом: энергетика. Каковы достижения республики в этой области?

— Всего полвека назад единственным источником света в сакле горца был масляный светильник — чирак. Ныне более сорока процентов электроэнергии, вырабатываемой в нашей республике, передается в объединенную энергосистему Северного Кавказа, а теперь и Закавказья.

Дагестан располагает богатейшими гидроэнергетическими ресурсами. В письме коммунистам Кавказа от 14 апреля 1921 года В. И. Ленин советовал «сразу постараться... начать крупные работы электрификации...». Следуя его заветам, трудящиеся республики под руководством областной партийной организации развернули работы по освоению энергии рек. Первенцем была Гергебильская ГЭС. В 1961 году введена в действие первая станция каскада на реке Сулак — Чирьюртская ГЭС имени В. И. Ленина.

Гордостью советской гидроэнергетики стала Чиркейская ГЭС мощностью один миллион киловатт. Это уникальное сооружение с бетонной арочной плотиной высотой 232 метра. Возведена станция в сложных геологических и сейсмических условиях. На берегах буйного Сулака родился и окреп многотысячный интернациональный коллектив гидростроителей, объединивший представителей более пятидесяти наций и народностей.

Освоение ресурсов Сулака продолжается: возводятся Миатлинская и Ирганайская ГЭС. Их общая мощность составит миллион киловатт.

Благодаря строительству гидроэлектростанций сформировались крупные промышленные комплексы, возникли современные города и рабочие поселки — Кизильюрт, Дубки, Бавтугай... В горных районах появились новые заводы, комбинаты, насосные станции. Для энергетического строительства в республике создана мощная индустриальная и техническая база.

Теперь немного о перспективах развития нашей энергетики. На одиннадцатую и последующие пятилетки предусмотрено продолжить строительство каскада электростанций на притоках Сулака — Аварском и Андийском

Аул Кубачи.

Гюзель Казиева — ткачиха Дербентской ковровой фабрики.

АГ, ОДНА СУДЬБА

Койсу. Четырнадцать гидроузлов будут вырабатывать в год более шести миллиардов киловатт-часов. Еще пять гидроузлов намечено создать на реке Самур.

Дагестан располагает громадными запасами термальных вод, на базе которых будут построены теплоэлектростанции большой мощности. С целью комплексного изучения и использования тепла подземных вод недавно в Дагестанском филиале Академии наук СССР создан Институт геотермии.

— В сентябре 1980 года в Махачкале проходила всесоюзная конференция по энергетике. А всего несколько десятилетий назад у горцев не было алфавита. Как произошел такой скачок в развитии науки, техники и культуры?

— Это была конференция об опыте строительства гидроэлектростанций в районе сейсмической активности. Она проводилась в рамках Совета Экономической Взаимопомощи. Такие встречи — обычное явление для нас. Так же как и недавний VI советско-западногерманский симпозиум по проблемам биохимии, как многие другие встречи ученых и специалистов.

До революции в Дагестане образованных людей были единицы, а сейчас в полтора тысяч школ учатся около 430 тысяч детей, у нас 28 техникумов, пять вузов.

В республике издаются 57 газет на десяти языках, четыре журнала. Республиканские издательства выпускают книги на одиннадцати языках.

В 1945 году была создана Дагестанская база Академии наук СССР, реорганизованная в 1949 году в филиал АН СССР. Все народности горного края дали стране своих ученых. Среди них известный физик, член-корреспондент Академии наук СССР, академик АН Азербайджанской ССР Хабибулла Амирханов, член-корреспондент АМН, хирург Рашид Аскерханов. Есть у нас крупные историки, математики, этнографы.

Такой гигантский скачок был невозможен без Октябрьской революции, без партии коммунистов, без Советской власти, без огромной помощи великого русского и других советских народов-братьев.

Мы уже говорили о помощи, оказанной Красному Дагестану в апреле 1921 года. А еще за год до того Ильич телеграфировал Серго Орджоникидзе: «Уполномочиваю Вас объявить

горцам, что я обещаю провести через Совет Народных Комиссаров денежную помощь им. Выдайте им в счет этого до 200 миллионов». Помощь молодой автономии осуществилась позже в разных формах: финансами, сырьем, оборудованием, кадрами. Возьмите, например, индустриализацию. В двадцатых годах в нашу республику было переброшено оборудование Урюпинского, Самарского, Оренбургского и Ставропольского консервных заводов, обувной и шерстоткацкой фабрик из Москвы и Иваново-Вознесенска. Для работы на предприятиях нужны были подготовленные специалисты — они тоже приезжали из центра, из России и обучали горцев.

В итоге этих преобразований у нас создана крупная современная индустрия, построено свыше двухсот промышленных предприятий. Причем, хотелось бы подчеркнуть, они шагнули уже в высокогорные районы.

— Ваша республика — самая многонациональная из автономных республик Союза. Что роднит и сближает народы Дагестана?

— Без дружбы погиб бы мой малый народ. Великий лишь тем, что любовью живет.

это слова народного поэта Дагестана Расула Гамзатова, которого сегодня знает весь мир. В них — мысли и чувства жителей нашего горного края, где насчитывается более тридцати коренных народностей и этнических групп.

Диалектика развития национальных отношений в республике состоит в том, что идет неуклонный процесс сближения народов Дагестана со всеми народами нашей социалистической Родины. Огромную роль в этом играет русский язык, который стал вторым родным языком для жителей республики, основным средством межнационального общения. Вместе с тем русский язык позволяет дагестанцам приобщаться к достижениям отечественной и мировой культуры.

«Сколько у тебя друзей?» — спросили у горца. «Не знаю», — ответил он. — У меня еще не было беды». Беда случилась у нас 14 мая 1970 года, когда сильным землетрясением был разрушен ряд населенных пунктов. Вся страна пришла тогда на помощь Дагестану.

Если будете в нашем музее, обратите внимание на экспонат с инвентарным номером

19019. Это молоток и рукавицы каменщицы Чувашстрой Л. Гавриловой. Рядом — каска сварщика-монтажника Л. Цвиркуна с его автографом. Автографы друзей не только в музее. Это дома, школы, магазины, построенные ленинградцами, воронежцами, челябинцами на месте разрушенных.

Верность дружбе у горцев в крови, независимо от того, на каком языке они говорят.

...Ночью 16 августа 1919 года у железнодорожного разъезда Темиргое белогвардейцы расстреляли руководителей дагестанских коммунистов — членов подпольного обкома. Среди тех, кто отдал жизнь за Советскую власть в Дагестане, были кумык Уллубий Буйнакский, аварец Абдул-Меджид Алиев, лак Саид Абдулгалимов, даргинец Абдул-Вагаб Гаджимомедов, лезгин Абдурахман Исмаилов, русский Оскар Лещинский. К юбилею республики в Махачкале им открыт памятник. Царизм натравливал народы один на другой. Революция объединила их.

Наши враги не прочь разглагольствовать о том, что национальная культура при социализме «размывается». Что сказать по этому поводу? Так говорят те, кто хотел бы белое выдать за черное. Врага не приглашают в саклю. А гостям с чистым сердцем мы всегда рады. Приезжайте, посмотрите, как мы живем. Прочтите книги наших писателей — аварки Фазу Алиевой, даргинца Ахмедхана Абу-Бакара, кумыка Анвара Аджиева, лакца Юсупа Хаппалаева, лезгина Шах-Эмира Мурадова, табасаранца Муталиба Митарова и других. Побывайте в театре, где под одной крышей играют кумыкская и аварская труппы. Всюду вы своими глазами увидите: сбылась пророческая уверенность Ильича, выраженная им в знаменитом письме коммунистам Кавказа, что они создадут «образец национального мира, невиданного при буржуазии и невозможного в буржуазном строе».

Представители всех народов страны гор называют себя собирательно: «дагестанцы». А все вместе мы — кровная часть новой исторической общности людей, имя которой — советский народ. И в эти дни трудящиеся Дагестана полны решимости вместе со всей страной ознаменовать XXVI съезд партии новыми трудовыми успехами.

НА ЗЕМЛЕ ГОГОЛЯ

Игорь ЗОЛОТУСКИЙ

земля родная

1

16 мая 1848 года Гоголь писал в письме к А. С. Данилевскому: «Ты спрашиваешь меня о впечатлениях, какие произвел во мне вид давно покинутых мест. Было несколько грустно, вот и все. Подъехал я вечером. Деревья — одни разрослись и стали роцшей, другие вырубались. Я отправился того же вечера один степовой дорогой, позади церкви, ведущей в Яворивщину, по которой любил ходить некогда, и почувствовал сильно, что тебя нет со мной. Вероятно, того же вечера я был в Тольстом, но Тольсто пусто, и мне стало еще грустнее... Чувство непонятной грусти бывает к нам ближе, чем что-либо другое. Василия Ивановича я, однако же, видел и у него плотного ремонтера средних лет, Николая Васильевича, которого прежде видел делающим микроскопические дрожечки вместе с братьями».

Письмо это отбрасывает несколько ответов и в сочинения и в жизнь Гоголя. Вспомним для начала такой эпизод из «Ревизора». Петр Иванович Добчинский на приеме у Хлестакова. Он рассказывает Хлестакову о своем старшем сыне: «Мальчишка-то этакой... большие надежды подает: наизусть стихи разные расскажет и, если где попадет ножик, сейчас сделает маленькие дрожечки, так искусно, как фокусник-с...» Способности ремонтера из сельца Тольсто, принадлежавшего отчиму А. С. Данилевского В. И. Чернышу, Гоголь отдал своему герою. Воспоминание то было взято из детских лет, стало быть, и плотный ремонтер Николай Васильевич (тезка Гоголя) был в то время ребенком, по годам под стать сыну Петра Ивановича Добчинского.

Гоголь всегда так: будто и сочиняет, выдумывает, берет все из своего воображения, но шкапулка памяти подбрасывает кое-что и из своих запасов. То фамилия выглянет знакомая (бабка Гоголя была Лизогубиха, Пульхерия Ивановна в «Старосветских помещиках» Товстогубиха), то дом, в котором живет один из приятелей Поприщина («Записки сумасшедшего»), оказывается домом, в каком жил в Петербурге сам Гоголь, то невеста в «Женитьбе», переделанных потом в «Женитьбу», получит родовую примету сестер Гоголей — длинный нос.

Искали и до сих пор ищут пасеку, на которой жил Пасичник Рудый Панько. Ищут ее вблизи Диканьки, ищут в других местах — не могут найти. А надо встать лицом к востоку и отправиться из Васильевки той самой степовой дорогой, которую поминает Гоголь. Менее чем через час ходьбы очутишься в густой роцше яворов (так на Украине называют разновидность тополя), кленов и дубов, там, где стояла когда-то пасека Гоголей и где жил когда-то пасечник, но не Рудый Панько (его Гоголь выдумал), а какой-нибудь старик из Васильевки, знавший много сказок про эту местность, полную чудес и преданий. И сейчас, когда вступаешь под сень деревьев, окунаешься в их густую тень, и земля начинает уходить вниз в овраг, на дне которого громко — в мертвой тишине уснувшего леса — гремит ручей, кажется, переступаешь границу реальности иходишь в предание.

Дорога мимо Яворивщины ведет далее, в Диканьку, по ней не раз ходили и ездили Гоголи на богомолье. В Диканьке было две церкви — Троицкая, стоящая посреди села, вся увитая резной лепкой, нарядная, парадная и — строго красивая, с гладкими стенами и широким приплюснутым куполом, церковь Николая Диканьского, родовая церковь владельцев Диканьки Кочубеев, фамилия которых образовалась от имени их татарского предка Кучум-бея. Были Кочубеи широколицы и узкоглазы, их азиатское происхождение сказывалось и в характерах. Они были дерзки, решительны. Василий Леонтьевич Кочубей сложил голову на плахе по навету Мазепы. Его дочь, увековеченная Пушкиным в «Полтаве», Матрена Кочубей назначала гетману свидания ночью под дубом, встречалась с ним в околдованном диканьском

лесу (Диканьку потому и называли Диканькой, что леса вокруг нее были «дикие»), а кончила монашеством и похоронена была, по рассказам, на кладбище Крестовоздвиженского монастыря в Полтаве. Монастырь тот стоит на горе и поныне (остались стены, колокольня, реставрируется церковь), но могила дочери Кочубея затерялась.

Была церковь и в Васильевке. Строительство началось еще при бабушке и дедушке Гоголя и окончилось, когда он вырос. Сначала Афанасий Демьянович хотел поставить деревянную церковь, что обошлось бы дешевле, но полтавское духовное начальство запретило. На каменную денег не было, и Татьяна Семеновна велела повертеть в своем сундуке дырку и стала бросать туда медяки.

Три года понадобилось, чтоб, наконец, на высоком месте села, там, где раньше гоняли скот на пастбище, у выхода в Яворивщину, граничащую с имениями Кочубея, встала церковь. Она была маленькая, белая, с зеленой луковичной-куполом и единственным крестом. Но она сразу организовала вокруг себя и господский дом и хаты и всю местность как бы приподняла, освятила своим присутствием. Дом стоял напротив, и надо было перейти лишь дорогу, чтоб попасть из усадьбы на церковный двор.

Васильевская усадьба делилась на две части прудом. По ту сторону пруда, на возвышении, ничего не было — одна голая земля. Гоголь насадил там маленькие клены, липки, дубки. Он брал в руки пригоршню камней и разбрасывал их — где камень упадет, там и расти дереву. К концу века, когда Гоголя давно уже не было в живых, парк разросся, и в нем построили дом, в котором поселился сын сестры Гоголя Елизаветы Васильевны Н. В. Быков. Судьба свела ветви Пушкина и Гоголя — внучка поэта Мария Александровна стала женой Н. В. Быкова.

Дочь Н. В. Быкова Софья Николаевна Данилевская рассказывала мне в 1979 году в Полтаве, что на их — быковской — стороне по просьбе Гоголя крестьянами был насыпан невысокий холм, с которого, если подняться на самый его верх, была видна соседняя усадьба Черныша. А еще говорили, что в нем спрятал Николай Васильевич перед отъездом из Васильевки свои рукописи. Мы детьми часто играли возле этой насыпи, рассказывала Софья Николаевна, и даже пытались разрыть ее, прорыли глубокую нору, но ничего не нашли. «Когда поэта спрашивали, — писал приехавший много лет спустя в Васильевку киевский журналист В. Чаговец, — зачем он насыпает этот холм, он, говорят, ответил: «Когда-нибудь люди будут очень благодарны мне за это». Эти таинственные слова Гоголя и дали повод для слухов о зарытых в холме рукописях».

2

Таинственна глубина лесов на родине Гоголя. И невелики они, а темны, глухи. Мерцает сквозь листву остекленевшая вода прудов, затянута по краям ряской, в лунную ночь так и кажется, что появятся на берегу пруда русалки, кто-то завоет в чаще, кто-то откликнется. Стоят вдоль дороги в Диканьку тысячелетние дубы-великаны — осталось три (когда-то, во времена Кочубея и Мазепы, было пять), — и о чем-то перешептываются их поредевшие кроны.

От Яворивщины рукой подать до Жуков (там стояли на постое шведы в 1708—1709 годах), а от них уже и до Диканьки. Мимо Яворивщины проезжал маленький Гоголь с отцом, когда отец отправлялся в коляске посмотреть на полевые работы или навестить пасеку.

Отец Василия Афанасьевича Афанасий Демьянович сам пробивал себе дорогу в жизни. Хватка человека, привыкшего все устраивать самому, сочеталась в нем с неким ухарством и удалью безрассудного казака, хотя ни в каких битвах он не участвовал, а — по окончании Киевской духовной семинарии — служил в канцеляриях и дослужился до войскового канцеляриста. Зато знал он пять языков и мог блеснуть цитатой, книжным оборотом, премудрым силлогизмом, а то и чтением наизусть целой поэмы, чем, вероятно, и пленил юную Татьяну Семеновну. История их любви отчасти описана Гоголем в «Старосветских помещиках».

Верстах в тридцати пяти от Васильевки находилась деревня Олиферовка. Там в местной церкви священствовал дядя Гоголя — двоюродный брат Василия Афанасьевича. Сам род Гоголей-Яновских происходил из духовного звания. Прадед поэта, отец Иоанн (Ян) Гоголь,

ведший свою родословную от некоего полковника Гоголя, тоже имел свой приход в селе Кононовка. Вот почему в сочинениях Гоголя так много дьяков, поповичей (вспомним поповича, который перелезает к Хивре через плетень). Читатель знает, конечно, и дьяка диканьской церкви Фому Григорьевича, автора «Вечера накануне Ивана Купальи», «Пропавшей грамоты» и «Заколдованного места».

«Заколдованные места» встречаются и сейчас еще на Яновщине. Стоит выехать из бывшей Васильевки в сторону Шишак, простучать колесами по бревнышкам каменных мостков (по ним не раз ездил Гоголь) и взять немного влево, мимо села Малокивщина, как вскоре за селом откроется вид, который, как любил говорить Гоголь, трудно сыскать в природе. Кругом необозримая даль степи, впереди виднеется лес, спускающийся вниз, к реке. Лес тот загадочно синее, наплывает по мере приближения к нему, и темная его стена становится все выше и выше, она встает до неба, и когда въезжаешь под ветви деревьев, лес сразу поглощает тебя, проглатывает, и ты оказываешься во власти его безмолвия, его пугающего безлюдья.

Этот лес называется Стенкой, и принадлежал он Гоголям. Под Стенкой, неясно мерцающая Голтва — речка, которая в иных местах уже пересохла, а некогда была полноводной и разливалась так, что весной нельзя было через нее проехать. Какая-то серебристая нитка блестит вдаль, когда смотришь на нее сверху, с острого «гоголевского шпиля», как называют самое высокое место Стенки, с небольшой поляны, откуда открывается вид на все четыре стороны света. И действительно, как писал Гоголь в «Страшной мести», далеко видно вокруг. Стоит на той стороне речки ширококупное дерево — одно-одинешенькое, как бы отбежавшее от своего прародителя-леса, а за ним расстилается даль — та даль, которую можно лишь вобрать душой и умилиться ей, поклониться.

Дорога бежит дальше, тонущая в наплывающих сумерках. Стенка остается позади, и через некоторое время вы въезжаете в Ярьески — большое село, где сейчас самый крупный в Шишацком районе колхоз, а когда-то было имение Д. П. Трошинского.

В Ярьесках Мария Ивановна Гоголь провела все свое детство и юность. Сюда стал наезжать к ней ее будущий жених Васюта Гоголь, сначала мальчик, потом юноша, бурсак, потом помещик.

Ярьески стоят на высоком берегу Псла — реки рек Полтавской губернии. От бывшего дома Трошинских две сотни шагов до обрывистой кручи, с высоты которой открывается не менее волшебное зрелище, чем с высоты «гоголевского шпиля». Тоже река внизу, но зеркало ее шире, берега песчано-белы, ветви ив свешиваются в воду. Псел извивается крупными кольцами, все тонет в дымке, бог знает что чудится за этой дымкой — и Новороссия, и Крым, и Карпатские горы.

В виду этой бесконечности, этой нерукотворной красоты и протекала любовь матери и отца Гоголя.

3

Летом 1832 года Гоголь после четырех лет отсутствия прибыл в родные места уже автором «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Радость и сожаление охватили его, когда он ступил за порог родного дома. Умерла бабушка Татьяна Семеновна, опустел ее домик, ее ласковый голос уже не звучал в знакомых стенах. Одиноко висели на них пучки зверобоя, ромашки, мяты, которыми бабушка лечила крестьян, в сундук улеглись ее платья и акварели. Но запах бабушки остался. Он веял из старого шкафа, где когда-то висела ее одежда, от аккуратно застеленной постели, от ковровиков и трав, от длинного железного сундука, где, кроме нарядов, хранился и дедовский архив. Письма деда Афанасия Демьяновича, его награды, дворянская грамота, счета, записки, которые дедушка писал бабушке, когда она была его невестой...

В следующий раз Гоголь навестил Васильевку в 1835 году.

...Минуло еще тринадцать лет. Прожив почти все эти годы за границей, он не видел родных пенатов и приехал сюда 9 мая 1848 года. Гоголь поселился в небольшом флигеле, стоявшем отдельно от дома, где у него было две

комнаты. «В одной комнате стояла кровать и конторка, — пишет В. Чаговец, — перед которой он занимался (Гоголь писал всегда стоя); убранство другой комнаты было так же просто, как и первой; в ней находился стол, заваленный книгами, этажерка, диван, перед которым стоял небольшой круглый столик, два кресла и ничего больше». Три окна выходили в сад, навес над верандой подпирался тоненькими деревянными колоннами — здесь Гоголь отдыхал, здесь слушал шум дождя, как слушает его рассказчик в «Старосветских помещиках».

Впрочем, дожди редко выпадали в то лето. Гоголь ходил вместе с сестрой Ольгой по крестьянским хатам, они раздавали бедным деньги, травы, интересовались хозяйством. Он работал в саду, сажал деревья, а тем крестьянам, которые ему помогали в этих работах, платил особо, потому что это был труд сверх барщины.

В отношениях Гоголя с народом не было ни заискивания, ни лицемерия. Он, рассердившись на своего слугу Яким Нимченко, как вспоминает П. В. Анненков, мог простодушно сказать, что побьет ему рожу, но он же и заботился об этом Якиме, женил его на девке Матрене и поселил обоих в своей квартире в Петербурге. Позже Яким по его завещанию был отпущен на волю.

«Один старик-крестьянин, — рассказывает В. Чаговец, — на наши расспросы о Николае Васильеве только мог ответить: «О, что то був за паньч добрый, Николай Васильевич, нехай его душенька царствуе! бывало мене малого распытают, що роблю, що обидаю; иноди пья-така давали, а раз то подарували черевычки, таки легеньки, та крипеньки; и то довго я в них ходив; и людям теж богато помагали. Дай им Бог царство небесное!» И старик снял шляпу и перекрестился».

В Васильевке не слышно было ни о телесных наказаниях на конюшне, ни об унижении крепостных, ни о глухоте и страданиях мужа. В своем завещании Гоголь писал, что он хочет, чтоб Васильевка, свою долю во владении которой он отдал матери, превратилась в приют для бедных, для старых, для больных.

4

В лето 1848 года Гоголь жаловался С. Т. Аксакову: «Полнота жизни от меня уходит; запаха свежести, первой весенней свежести, я не слышу».

Тем не менее Гоголь решил перестроить в Васильевке дом, купил лес, и сам наметил бревна, расчертил план будущего дома, выделив в нем и для себя две комнаты. Он хотел жить и собирался жить, может быть, переселившись совсем в свои теплые края. В народе говорят, что в семье, где берутся за строительство нового дома, кто-то (чаще хозяин, мужчина) должен умереть. Отец Гоголя тоже хотел перестроить дом, который был ветх, пропускал зимой холод и стал уже тесен для разросшейся семьи. Но Василий Афанасьевич так и не успел осуществить своего намерения.

Старые фотографии и рисунки, один из которых принадлежит перу Т. Г. Шевченко, доносят до нас атмосферу васильевской усадьбы — на них виден широкий пруд, аллея кленов, которую особенно любил Гоголь, невысокий дом с белыми колоннами, с узенькими окнами, с верандой и клумбой у входа. «Пред домом, — пишет В. Чаговец, — росли деревья и кусты, заднее крыльцо выходило в сад, а за

садом тянулся пруд, огромный, глубокий и рыбный, через пруд был перекинут мост, соединявший обе стороны, «ту» и «эту». Конечно, жаль, что дом не сохранился до наших дней, тем более что в нем многое было сделано по указаниям и даже рисункам поэта, как, например, венецианские окна, дверь с цветными стеклами и т. д.»

Заботы о перестройке дома относятся к последним посещениям Гоголем Васильевки летом 1850-го и весной 1851 года.

В 1851 году он приехал сюда из Одессы, где дописывал уже почти готовый второй том «Мертвых душ». Он привез его с собою в портфель и по утрам, выпив кофею и прогулявшись по парку, принимался за отделку написанного. Никто не видел, как Гоголь работает, но листы и листочки, исписанные его мелким почерком, видели сестры, когда заходили во флигель, у него на конторке. «Что второй том «Мертвых душ» умнее первого, — писал он П. А. Плетневу, — это могу сказать, как человек, имеющий вкус и притом умеющий смотреть на себя, как на чужого человека».

В конце мая 1851 года Гоголь покинул места своего детства. В последний раз окинул он взглядом дом, флигель и сад, строения вблизи дома, поклонился кресту церковки Рождества Богородицы и сел в коляску. Возница взял путь на Полтаву.

5

Время и войны не пощадили усадьбы Гоголя. Исчезли и дом, и парк, и сад. Не стало церкви, возле которой похоронены родители Гоголя, а также его брат и сестры. Летом 1979 года ЦК КПУ и Совет Министров Украины приняли постановление о возрождении бывшей Васильевки. Вновь встанут на свое место и дом и флигель, зашелестит за домом густой парк, и гостеприимно распахнутся ворота, ведущие к пенатам Гоголя.

Я верю: это будет. Но пока на месте гоголевской усадьбы пустырь. Прошел год со времени принятия постановления, но ни одна былинка не шелохнулась на этом пустыре. Более того, полтавская контора стройбанка наложила запрет (!) на финансирование проекта восстановления дома Гоголя в селе Гоголево. Проект этот есть, он составлен группой архитекторов, работающих при Полтавском инженерно-строительном институте. Руководит этой группой Л. С. Вайнгорт, в нее входят молодые архитекторы А. Белецкий и Т. Шевченко.

Созданный ими проект поразил меня исторической достоверностью и бережной любовью к памяти Гоголя. Все учтено в нем: и свидетельства современников, и письма самого Гоголя, где имеются указания на то, как строился и перестраивался дом в усадьбе, и иконографический материал, и архитектурные вкусы эпохи.

Проект выходит за пределы одной только усадьбы. Он учитывает и интересы села, ин-

ресы находящегося в Гоголеве колхоза. Ведь им — музею-усадьбе и колхозу — жить вместе.

В постановлении ЦК КПУ и Совета Министров Украины говорится не просто о создании музея-усадьбы, но и о необходимости превратить территорию будущего музея в заповедник. Это значит, что все здесь должно быть возрождено в том виде, в каком оно было при Гоголе. Это означает, что и клуб и административное здание, которые сейчас расположены на земле усадьбы, должны быть перенесены в другое место. «Сдвигать» границы усадьбы ни в коем случае нельзя, это ломает гоголевский пейзаж. Ибо пейзаж (пруд, деревья над прудом) остался тем же — и он тут же откликнется на насилие над ним, обнаружит подделку и неправду реставрации.

Все это учтено в проекте группы Л. С. Вайнгорта.

Создание музея-заповедника предполагает создание заповедного настроения, заповедной тишины. Заповедное место — это место чистое, неприкосновенное. Это место, заповедующее нам что-то, проповедующее. В данном случае проповедующее уважение к предкам.

Вот почему и могила родителей Гоголя — Марии Ивановны и Василия Афанасьевича Гоголь-Яновских — должна быть восстановлена в том виде, в каком она была в XIX веке. Возле нее должны вырасти холмики над могилами брата и сестер Гоголя. Где-то рядом, на Косяривщине, ждут того же могилы деда Гоголя Ивана Матвеевича Косярковского и бабушки Анны Ильиничны Косярковской. Вот почему и церковь Гоголей и колоколенка возле нее должны встать на возвышении напротив усадьбы.

Все вокруг будущего дома-музея должно быть очищено для обзора, для восстановления всех служб, а также цветника и парка. И парк надо насаживать новый — такой, какой разбивали отец Гоголя и он сам.

У нас есть примеры создания заповедников такого рода — это пушкинское Михайловское и Ясная Поляна Толстого.

Я говорил об этом в Полтавском обкоме КПУ с первым секретарем обкома Ф. Т. Моргуном. Он с чрезвычайным вниманием отнесся к делам гоголевской усадьбы. «История не простит нам, если мы этого не сделаем», — сказал он. Такое же понимание я встретил и со стороны первого секретаря Союза писателей Украины П. А. Загребельного и министра культуры С. Д. Безклубенко. Это внимание и понимание внушают надежду.

Но пока еще не определена даже категория музея, нет штата. Не может быть сомнения в том, что это должна быть первая категория (какую же еще категорию давать Гоголю?), так как от нее зависят и уровень, на который будет поднято дело о восстановлении, и оплата работников. Нужны люди, нужны деньги, нужно и вмешательство Министерства культуры СССР.

Побывал я и в Нежине. В Нежинском педагогическом институте имени Н. В. Гоголя, находящемся в здании бывшего Нежинского лицея, на кафедре русской и зарубежной литературы работают филологи, которые могли бы помочь организаторам гоголевской экспозиции. Почти все они занимаются творчеством Гоголя, а в апреле 1979 года в институте прошла всесоюзная научная конференция, посвященная 170-летию со дня рождения Гоголя.

Пока проектировщики и филологи никак не связаны друг с другом. Историки литературы как будто делают свое дело, а архитекторы и художники-экспозиционеры — свое. Меж тем дело гоголевского заповедника должно стать их общим делом. Это касается и ученых Киева и Москвы.

Побывав в Нежине, я понял, что нужно объединение сил, занимающихся Гоголем, нужен единый центр по изучению жизни и творчества Гоголя, которого у нас пока нет. Проводятся Пушкинские чтения в Болдине и Москве, Толстовские чтения, устраиваются праздники поэзии в Михайловском и Шахматове. У Гоголя пока нет такого места, где в день его рождения собирались бы почитатели его гения.

Думаю, что восстановленная и обновленная Васильевка (которой, кстати, хорошо было бы вернуть ее прежнее имя) могла бы стать одним из таких мест.

Полтава — Киев — Нежин — Москва.

«...Повысить эффективность использования научного потенциала высших учебных заведений для решения народнохозяйственных задач».

Из Проекта ЦК КПСС к XXVI съезду партии

С. КАЛИНИЧЕВ
Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Бедному студенту всегда некогда. Но, рассматривая доску объявлений, похожую на лоскутное одеяло, второкурсник Валерий Карпов подумал о том, что математический кружок хоть и потеснит все его прочие увлечения, зато поможет в учебе. Однако на первом же занятии кружка преподаватель предложил Валерию задачу, которую до него еще никто не решал. Правда, и другие кружковцы не изучали уж кем-то изученное, а искали свое! Преподаватель разговаривал с ними на равных, помогал им, но и сам прибегал к их совету и помощи.

Задача, которую получил Валерий, была в общем-то простенькой: рассчитать одно из сопряжений экрана телевизора. Но, чтобы ее решить, пришлось покопаться в книгах, освоить программирование, научиться свободному общению с ЭВМ.

А потом кружковцев повели в цеха производственного объединения «Кинескоп». Вале-

зывала ему тему и для курсовой и для диплома. К этому времени во Львове на общественных началах было организовано научно-производственное объединение «Экран» и ряд других подобных объединений. В него вошли ученые отраслевых и академических институтов, конструкторы, технологи, представители вузовской науки. Их совместная работа была скреплена договорами, утвержденными в соответствующих министерствах и ведомствах.

Сотрудничая в объединении, Валерий Карпов, уже начиная с третьего курса, кроме стипендии, получал и полставки — для студента да и аспиранта это немаловажно. Но главное, при защите диплома он мог представить комиссии свои разработки и расчеты не только на бумаге — они уже действовали в цехах, были приняты на вооружение производственными ками. И в том, что в цехах «Кинескопа» пропал «треск», повысилось качество изделий, что в многотысячном коллективе значительно возросла производительность труда и притом был получен многомиллионный экономический эффект, имелась совсем небольшая, но четко определенная доля и его, Карпова, усилий.

Те, кто трудится в объединении «Экран», как и в прочих, ему подобных, встречаются на семинарах и ежегодных конференциях. Здесь в одном зале можно встретить академика и студента, инженера и партийного работника, социолога и конструктора. Здесь они все коллеги. Они подводят итоги сделанному, изучают узкие места на опекаемом производстве и намечают новые точки приложения научных сил.

Недавно на такой конференции по итогам 1980 года был прочитан доклад — один из шестидесяти, — в котором давался оптимальный расчет важного производственного процесса. Авторы — В. В. Карпов, А. Ю. Токарь, В. Н. Зубов. Первая фамилия нам знакома. Валерий Карпов после окончания университета остался на научной работе. А Виталий Зубов и Андрей Токарь — студенты четвертого курса, которые под его руководством уже познали вкус

техническом институте. Курсовые и дипломные проектирования студенты ведут, как правило, на базе тех предприятий, где они проходят практику. Внедрение дипломных работ политехников только в 1977—1979 годах дало экономический эффект почти в два миллиона рублей.

Ученые института и около двух тысяч студентов решают важные задачи целевых объединений и комплексов. «Львовский политехнический институт», — отмечал президент Академии наук СССР академик А. П. Александров, — на своем подсобном производстве выпускает цифровые электроизмерительные приборы гораздо лучшего качества, чем те, которые мы покупаем за границей».

Студентам-политехникам, работающим в учебно-научном производственном объединении «Строитель», в прошлом году предложили присмотреться к производствам, где они проходили практику, и дать свои соображения о внедрении малой механизации. 250 из поданных предложений было рекомендовано практически использовать.

Можно приводить сотни примеров тесного сотрудничества многочисленных лабораторий и кафедр института с промышленными предприятиями Львовской, Закарпатской и других западных областей Украины. В десятой пятилетке объем научных исследований в институте достиг 45 миллионов рублей, а экономический эффект от их внедрения — свыше 140 миллионов рублей.

И пусть не все студенты станут учеными. Главное в другом — они вырастут грамотными, широко осведомленными специалистами, для которых законом жизни стало сотрудничество практики и теории.

* * *

...Заводского инженера заедает текучка. Бесконечные хлопоты о плане, добычании сырья, запчастей, нехватка рабочих — все эти во-

ЛЬВОВСКАЯ ГОРИЗОНТАЛЬ

рия удивило, что преподавателей университета да и некоторых студентов-старшекурсников здесь встречали как давних знакомых. Они пришли в цех, где велась откачка газа из кинескопов. Огромные стеклянные колбы проплывали по конвейеру, скрываясь в камерах подогрева. Время от времени раздавался оглушительный треск: это лопались, не выдержав давления, колбы. Однако никто особого беспокойства по этому поводу не проявлял; бой стекла возвращался в плавильную печь, а «треск» вполне укладывался в допустимые нормы брака...

Как мне недавно пояснил Адольф Борисович Пионтковский — начальник одного из отделов объединения «Кинескоп», — еще несколько лет назад в их производстве многое делалось так называемым методом постепенных приближений. Это по-научному. А мастера выражались проще — «методом тыка»: ткнул отверткой в одно место, ткнул в другое, смотришь — стало лучше.

В цехе студенты убедились, что их расчеты нужны живому делу, нужны немедленно. Работа в кружке увлекла Карпова. Она подска-

приложения высокой науки к насущным производственным нуждам.

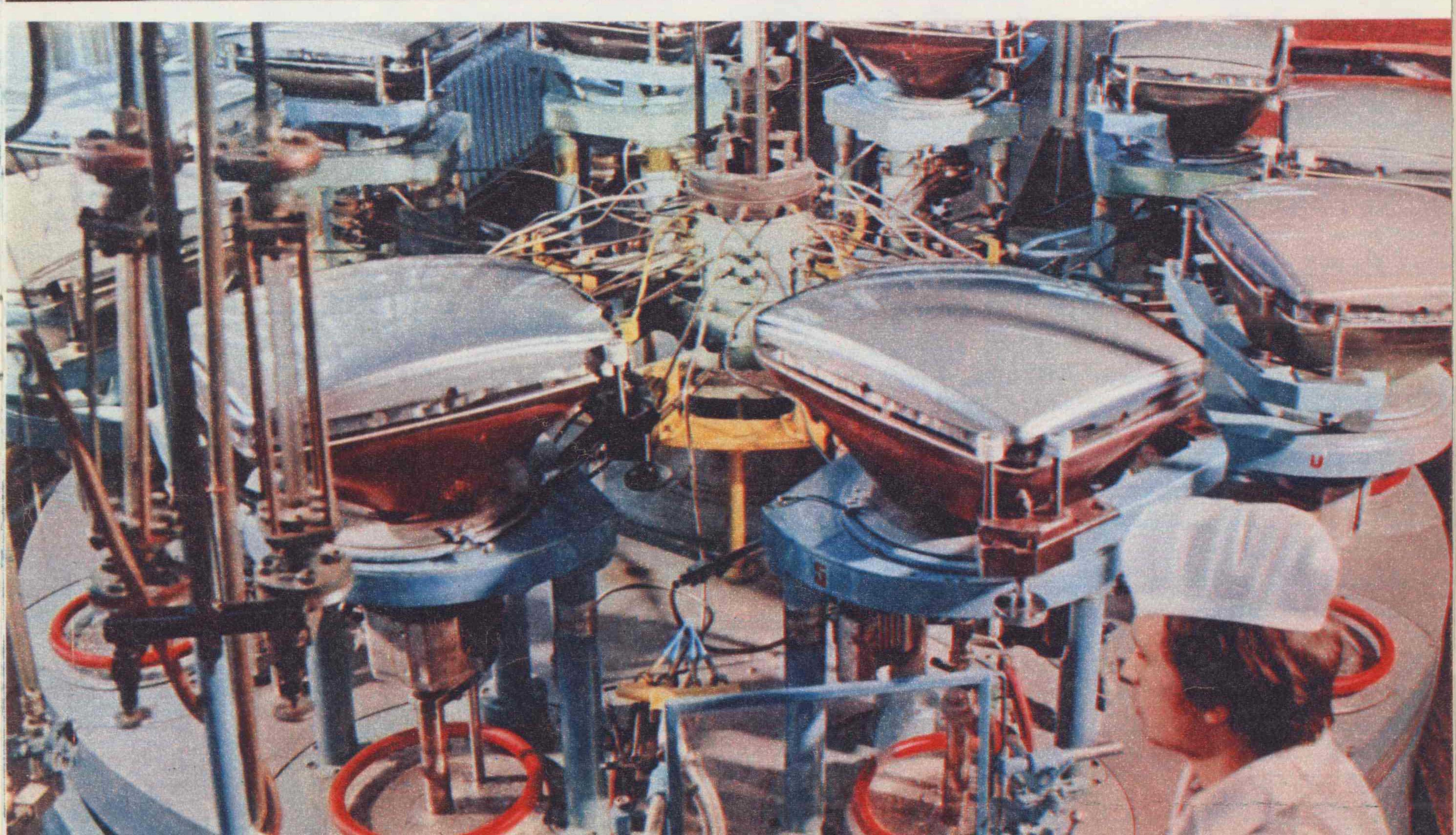
С конференцией почти совпало и другое событие в жизни Валерия Карпова — он представил ученому совету свою кандидатскую диссертацию. Подготавливая ее, Карпов разработал около семи тысяч перфокарт, которые уже переданы производству, заложены в хранилище памяти ЭВМ, стали неотъемлемой частью САПР — системы автоматизированного проектирования и конструирования электронно-лучевых приборов. Ныне, чтобы сделать расчет нового кинескопа, надо лишь заложить в машину требуемые данные. Для этого оператору достаточно научиться манипулировать всего лишь двадцатью перфокартами (их разработал, разумеется, Карпов). Эти двадцать являлись своего рода ключом к тем семи тысячам. Отпадает необходимость в многомесячных обсчетах — важно грамотно поставить вопрос машине.

Сотни, а возможно, и тысячи такого рода работ выполняются преподавателями и студентами львовских вузов для нужд производства. Особенно широко организовано это дело в поли-

просы, решенные сегодня, завтра снова нависают над ним. Свою студенческую занятость он теперь вспоминает с грустной иронией. Где уж тут заниматься наукой?.. Но приходит время, когда, хочешь или не хочешь, надо рвать замкнутый круг текучки и принимать кардинальные решения. Так случилось и в трико-тажном объединении «Луч». Одно из круп-

Академик АН УССР Я. С. Подстригач (справа) и начальник отдела АСУ объединения «Кинескоп» А. Б. Пионтковский * Цех электронно-лучевых трубок.

На развороте вкладки: Бригадир сборщиков Львовского автобусного завода Герой Социалистического Труда Н. И. Милан * В цехе трикотажного объединения «Луч» * Одна из кафедр политехнического института.

нейших в республике, оно выросло на базе полукустарных фабричонков. Его цеха разбросаны по городу. Ежегодно наращивая выпуск пользующихся огромным спросом изделий, трикотажники своими силами достраивали цеха, обновляли технологию, латали поизносившееся оборудование.

Одним из узких мест, где уже никакие полимеры не могли помочь, оставалось сушильное отделение. В тесное помещение было напихано 14 машин, и возле каждой — свой вентилятор. Теснота, темнота, перенасыщенный влагой воздух. Полотно не успевало просыхать, брак приносил внушительные потери.

— Наши конструкторы, — рассказывает директор объединения Владимир Григорьевич Бойчук, — предложили план реконструкции отделения: поставить более мощные вентиляторы, чтобы один обслуживал две машины, сделать некоторую перестановку... Но все это напоминало шток. Да и не было уверенности, что сушилка станет работать лучше. А нам ее и на день останавливать нельзя. Все работы предполагалось произвести за две недели, когда рабочие уйдут в отпуск. А к этому времени, — продолжает директор, — бюро Львовского обкома партии утвердило комплексные планы межведомственного сотрудничества производителей и ученых. В газетах писали о творческих связях «по горизонтали» — когда соседи приходят на помощь друг другу, заключают договоры, минуя долгие соглашения «по вертикали» — через главки и министерства. Да и сами-то мы живем не в безвоздушном пространстве, слышаны о таких работах на соседних предприятиях. Решили обратиться к большой науке... Нет, отраслевые институты нам здорово помогают, но у них там в основном специалисты по вязальным машинам, сырью, а нам нужны были теплофизики, а возможно, и аэродинамики! О таких науках мы в своей текучке и не вспоминали раньше.

В политехническом институте отослали трикотажников на кафедру теплогазоснабжения и вентиляции. Пришел к ним ассистент кафедры Стефан Семенович Жуковский, посмотрел их сушилку, что-то замерил. И вскоре принес проект: все вентиляторы убрать, заменить их одним, на целый порядок более мощным, переконфигуровать оборудование, распределить газовые потоки. В общем, все было сделано не «методом тыка», а на основе точного расчета.

И когда рабочие после отпуска пришли в новое сушильное отделение, они с трудом узнали его: так оно посветлело, стало вроде просторнее, а главное, исчез брак и значительно возросла пропускная способность.

К сожалению, легкая промышленность традиционно остается где-то на втором плане большой науки. Но и тут есть сдвиги. За последние годы в том же объединении «Луч» по договорам с учеными в дело пошли 25 важных разработок.

На ведущих же предприятиях, таких, как автобусный, электроламповый, завод автопозвонок, «Электрон», творческие связи с учеными стали частью повседневной работы. Вот характерный пример. На ЛАЗе недавно освоен выпуск автоматической коробки передач. Это целый этап в автобустроении. Облегчается труд водителя, он избавляется от доброй тысячи переключений скорости в течение смены, повышается безопасность движения, экономится горючее и т. п. В создании и налаживании производства этой коробки принимали участие, как мне сообщили на заводе, семьдесят шесть научных и проектно-конструкторских организаций, в том числе зарубежные (ЛАЗ кооперируется с венгерским «Икарусом»). И, конечно же, добрая половина разработок осуществлялась «по горизонтали» — по договорам с местными научными и проектно-конструкторскими коллективами вне зависимости от их ведомственного

подчинения. Завязывались личные контакты, шло взаимное обогащение идеями.

Опыт этот получает все большее признание. И когда во Львове проходило расширенное заседание бюро Западного центра Академии наук УССР, которое обсуждало вопросы ускорения научно-технического прогресса, то сюда прибыли президент Академии наук СССР академик А. П. Александров, кандидат в члены Политбюро ЦК КП Украины, секретарь ЦК Я. П. Погребняк, президент АН УССР академик Б. Е. Патон, президент Белорусской Академии наук член-корреспондент АН СССР Н. А. Борисевич и большая группа ученых, партийных и хозяйственных руководителей.

Львовский опыт интересен тем, что еще в начале десятой пятилетки бюро обкома партии утвердило комплексный план развития научных исследований, которые отвечали бы насущным нуждам производства. В его основе была заложена четкая согласованность отраслевых и территориальных принципов. Контроль за выполнением этого плана был возложен на бюро Западного центра АН УССР, совет ректоров Львовского вузовского центра и, что имеет немаловажное значение, на соответствующие отделы обкома партии.

В ходе выполнения плана возникли новые формы сотрудничества науки и производства: межведомственные комплексы, такие, как «Автопром», «Недра», «Химмаш» и другие. В каждом из них несколько целевых научно-производственных объединений. В приборостроительный комплекс, который возглавляет руководитель Западного центра АН УССР Ярослав Степанович Подстригач, входят пять таких объединений. В их работе принимают участие около девяти сот человек, в том числе 25 докторов и 110 кандидатов наук. Реальный экономический эффект такого совместного труда — около двадцати миллионов рублей.

Я. С. Подстригач, академик АН УССР, — это известный ученый и блестящий организатор. И коль мы начали статью рассуждениями о нехватке времени, то нелишне напомнить о предельной занятости Ярослава Степановича. Его день расписан по минутам. Но в этом расписании всегда находится окошко для насущных нужд производства.

— Наши многогранные формы сотрудничества науки и производства, — увлеченно говорит он, — организованные на общественных началах и оформленные официальными договорами между коллективами многих ведомств, выгодны с различных точек зрения. Ну, прежде всего ускоряется научно-технический прогресс, обе стороны получают несомненную экономическую выгоду, научные разработки находят прямой выход в цеха, на производство. Рабочие и инженеры в постоянном общении и личном сотрудничестве с учеными обогащаются передовыми научно-техническими идеями. Скажем, в последние годы многие заводские инженеры с блеском защитили кандидатские диссертации. На том же «Кинескопе» инженеры Пионтковский, Малкиель, Воженюк, ставшие кандидатами наук, сейчас имеют столь солидный научный багаж, что могут защищать и докторские звания. А какой выход к живому делу получила вузовская наука! Ведь в наших вузах — тысячи блестящих специалистов. Под их руководством и студенты обретают вкус к живой науке, они приносят несомненную пользу государству уже во время учебы.

«Львовская горизонталь», перешагнув ведомственные барьеры, давно уже вышла за пределы города и области. Сейчас в деятельности научно-производственных комплексов и объединений активно участвуют коллективы промышленных предприятий, научных и учебных заведений Тернопольской, Закарпатской, Черновицкой, Ивано-Франковской, Ровенской и Волынской областей.

Разносторонние связи науки и производства заботливо опекают Львовский областной и городской комитеты партии, и прежде всего их секретари. Опыт этот одобрен ЦК Компартии Украины, Президиумом АН УССР. Многие видные ученые имеют постоянные пропуска на заводы и нередко пользуются ими.

Проект ЦК КПСС к XXVI съезду партии требует «усилить взаимные связи науки и производства». Под знаком укрепления этих связей и набирает силу «львовская горизонталь».

ДУШОЙ УСЛУШУ И... СПОЮ

ТЕНЬ ЗВУКА

Когда читаешь эту небольшую книгу, с первых же стихотворений невольно ловишь себя на том, что написаны они удивительно чуткими людьми с почти безукоризненным поэтическим слухом, которым улавливаются не только основные голоса, но и еле слышимые подголоски. 23 автора представлены в коллективном сборнике «Тень звука», вышедшем в издательстве «Московский рабочий». И удивительны его авторы. Их удивительность заключается не в том, что это люди самых разных профессий — от студента до художника-мультипликатора, от рабочего до кандидата технических наук — нет, подобными профессиями нашего читателя не поразишь. Поразило другое — все они члены общества глухих! И оформил книгу также член ВОГ, художник-график Николай Банников. Оформил, прямо скажем, удачно.

Чем подкупает читателя эта книжка? Безусловно, распевностью слова, ритмическим разнообразием, свободным, раскованным словотечением в стихе.

Вот строки Ларисы Голубевой:

Раз тебя полюбила —
и пребуду такою:
Утверждающей радость,
отводящей беду.
Позови —
и без слова
пойду за тобою,
Даже если узнаю,
что на смерть иду!..

Стихотворение приведено целиком. Всего лишь одна строфа, но в ней зримо видится образ русской женщины, верной в любви, готовой на самопожертвование... Об этом же пишут и Елена Смирнова («Быть такою, чтоб стать вашей совестью») и Ирина Анисимова («И мне, одолевшей высокий порог, только в хорошее верится»).

Иван Исаев представлен здесь не только лирикой, но и переводами башкирки Зайтуну Попковой, а также интересной поэмой «Малиновая Грива». Производительны его строки о матери:

Ясно солнышко,
травка,
володей,
водица, —
куролесь, матерей!..
И платить нам —
и не расплатиться
за божественный дар матерей.

Стихи всех без исключения авторов очень добры, действенны, и даже грусть в них — просветленная, приподнимающая, какая-то теплая...

Гражданская и любовная лирика, философское осмысление жизни — все это органично сочетается со зримой живописью и пластичностью. Звучный, звонкий, сочный стих... И это при том, что большинство авторов не профессиональные поэты. Это студент Юрий Грум-Гржимайло, учительница Ольга Дмитриева, рабочий Владимир Опойков, бывший рыбовод Юлия Силантьева, Светлана Копылова и Исаак Рубин — председатели областных правлений ВОГ и другие.

Хочется подчеркнуть вслед за составителем Иваном Исаевым, что подобное издание — уникально в своем роде. А издательство «Московский рабочий» радуется любителей изящной словесности уже вторым сборником, в котором наиболее полно показано мастерство глухих поэтов.

Александр ГОВОРОВ

ТЕНЬ ЗВУКА. Сборник стихов. Сост. Н. А. Исаев. «Московский рабочий», 1980, 88 стр.

В зале пищевых предприятий областного Дома качества * Младший научный сотрудник политехнического института Елена Шевченко.

СЛОВО О ЗЕМЛЯКАХ

Что-то уже знакомое, читанное ранее предстает на страницах этой книги, а что-то приходится открывать для себя впервые, но так или иначе этот сборник воронежской писательницы Ольги Кретовой заставляет заново прожить и пережить все, что выпало на долю ее героев. А биография их — отражение общенародной судьбы: трудное детство, первые уроки освобожденного труда, первые колхозы, борьба с кулачеством, первые победы в мирном строительстве, вероломное нападение фашистов, фронтовые пути-дороги, послевоенные годы восстановления, уверенная поступь пятилеток...

Писательнице удалось убедительно показать, как вместе с молодой страной росли люди, ее строившие, как приходит к человеку мудрость — не обычная, житейская, что накапливается с годами, а то общественное самосознание, которое возвышает личность, делает ее нравственно зрелой для участия в руководстве государственными делами.

Особенно ясно это звучит в повести «Хозяина своей судьбы» — о депутате Верховного Совета СССР председателе воронежского колхоза М. Ф. Тимашовой.

Ценность рассказов Кретовой о земляках — и это не раз отмечали критики — в том, что в них живет яркая мысль простого человека нашего русского края, в народной мудрости, рассыпанной по страницам. И еще в юморе и в том умении ввести оборот народной речи в повествование, когда и мера соблюдена и диалоги получаются естественными.

Вот старушка мать, придя зимой 1946 года в МТС к сыну и видя, что слесари обогриваются и освещают свои станки чадящими фитилями в гильзах из-под мин, заявляет: «Вот он где, ад!» А сын ей в ответ: «Нет, мама, когда я в танке горел, там, точно, жарко было. А тут у нас — рай. Скоро цветочки зацветут». Запоминаются эпизод на ферме, где одна из доярок величает подопечных коров собственной фамилией («Якимовы!.. Долго вас приглашать?»), или сцена на свадьбе, где разошедшийся старик просит его «в спутник запечатать, для всемирной науки», и многие другие...

«Трудолюбимый» — не единственный эпитет, свидетельствующий о пристальном внимании писательницы к кладезю народных речений. Много черточек русского характера тонко подмечено и высвечено в книге, но, боюсь, любая цитация может выглядеть случайной, произвольной, поэтому хочу просто порекомендовать читать эту книгу от начала до конца.

А в ней, помимо повести и рассказов, есть и написанный с добросовестностью исследователя очерк о литовском поэте и революционе-

В. Е. БАСКАКОВ,
доктор искусствоведения,
директор Всесоюзного
научно-исследовательского
института киноискусства

предсъездовские раздумья

Из всех искусств, быть может, именно кино с наибольшей наглядностью — прежде всего в силу своей массовости, умноженной ныне средствами телевидения, — отражает духовный климат жизни людей. Отражает и образ и самую сущность социального бытия народа.

Аудитория искусства экрана поистине безгранична. Воздействие его на становление человеческой личности переоценить невозможно. И если обозначить главную черту киноискусства в тот период, итоги которого мы подводим накануне XXVI съезда партии, то в первую очередь нужно говорить о новом уровне социальной и политической активности нашего кино.

Кинематограф никогда не был наблюдателем и «протоколистом» жизни. В таких важнейших событиях века, как Октябрьская революция, как Отечественная война советского народа с фашизмом, кинематограф был непосредственным участником. Подобно тому, как С. Эйзенштейн, В. Пудовкин, А. Довженко, братья Васильевы отразили в своих фильмах события Октябрьской революции и гражданской войны, так и режиссеры нынешнего периода создали впечатляющие фильмы о борьбе против гитлеровской Германии. Не случайно тема Великой Отечественной войны не стала и сегодня принадлежностью исторического жанра: она входит в современное сознание, влияет на формирование новых поколений народа.

Точно так же темы, непосредственно связанные с современностью, не становятся для советского кино лишь источником интересных, занимательных сюжетов, какими всегда полна жизнь, но материалом для своеобразного общественного обсуждения жизни средствами искусства, а значит, дальнейшего воздействия на жизнь. Кстати, и сами современные темы не существуют обособленно, вне единого поступательного движения социалистического общества. Историзм художественного мышления — одна из родовых черт советского кино — пронизывает фильмы, созданные и на материале современности.

Существенные изменения произошли за последние годы в самом составе киноаудитории: вырос культурный уровень, расширился кругозор, повысилась степень сознательного участия людей в общественных процессах, а значит, изменились, стали сложнее и многообразнее

требования к киноискусству. В то же время и кинематограф, постоянно совершенствуя свой стиль, язык, ставил перед собою все более сложные творческие задачи, накапливал опыт и мастерство, не только отвечая потребностям массовой аудитории, но и формируя ее. Усложнились взаимоотношения между киноискусством и зрителем, усложнились и сами функции кинематографа в современном обществе. Но по-прежнему основной традицией советского кино остается активная роль, стремление реально участвовать в движении эпохи.

Эта главная, определяющая весь строй советского искусства жизненная позиция получила теоретическое обоснование в документах партии, указывающих на важнейшую роль литературы и искусства в духовной жизни советского человека, в его нравственных убеждениях, внутренней культуре. Современный этап существования советского киноискусства с особой наглядностью выявил и преемственность традиций — их огромный творческий потенциал — и особенности развития в нынешний период, когда сама роль кинематографа в жизни становится — хочу это повторить — многосторонней и более сложной.

Внимание художников по-прежнему приковано к явлениям современной жизни, которые определяют ее существование, к тем чертам современного человека, которые так или иначе связаны с жизнью всего общества: помогают или мешают движению вперед. Художественный анализ неизменно ведется в этих координатах.

Разумеется, здесь возможны как удачи, так и поражения. Но произведений нейтральных, безразличных к социальным проблемам времени практически нет.

Кино 70-х годов продолжило традицию, ведущую для советского искусства, — рассказ о человеке, наиболее полно выражающем в своей судьбе, в своем характере главные особенности времени и жизни общества.

Кино может многое. Но огромный импульс дает кинематографу общение с литературой — и классической и современной. Чтобы убедиться в этом, достаточно назвать имя Михаила Шолохова, вспомнить экранизации его произведений: от рассказа «Судьба человека» до глав романа «Они сражались за Родину», воссозданных Сергеем Бондарчуком. Режиссеру удалось передать не только глубокое шолоховское понимание жизни народа, любовь к человеку, вчерашнему труженику, взявшему в руки оружие, но и шолоховский язык, шолоховскую эпичность, шолоховское лирическое начало.

Михаил Шолохов, а вслед за ним Сергей Бондарчук в фильме «Они сражались за Родину» наполняют живой плотью, новым содержанием слова, ставшие привычными: марш, привал, боевой рубеж, высота... И происходит чудо подлинного искусства. «Боевой рубеж» становится не абстрактным понятием: мы видим, что это люди, вставшие наперекор врагу в желтой, каменистой степи. И «высота» — тоже не просто топографическая точка на карте, а опять же люди, которые здесь жили, возделывали землю... Шахтер Лопахин, комбайнер Звягинцев, агроном Стрельцов не «винтики» войны, а личности со своим сложным духовным миром и жизненным путем, чувствующие огромное значение тех идейных и нравственных ценностей, которые защищают. Центр фильма — по праву таланта — Василий Шукшин. Роль шахтера Петра Лопахина была последней работой в кино этого замечательного мастера.

Плодотворным стало прикосновение кинематографа к творчеству Ю. Бондарева, А. Иванова, П. Проскурина, К. Симонова, Б. Васильева и других писателей. Советский кинематограф 70-х годов убедительно показал, что материалы войны с фашизмом позволяют делать боль-

ре Ю. Янонису, жизненный путь которого прошел через Воронеж; об интересном человеке — писателе, охотнике, ученом и воине Борисе Глебовиче Песнове рассказывается так полно и живо, что очерк о нем может поспорить с изданиями серии «ЖЗЛ»; наконец, примечательный факт из биографии писателя А. С. Серафимовича содержится в новелле «Похищение» Серафимовича.

Сборник «Жил человек» — весь о народных судьбах, и вряд ли обнаружится читатель, если ему не безразлична история родного края, в чьей душе не найдет отклика эта талантливая, добрая, искренняя книга.

Ю. НОВИКОВ

О. Кретова. Жил человек. Центрально-черноземное книжное издательство. Воронеж, 208 стр.

ПОСТУ

шие художественные открытия. Именно потому эта тема и не иссякает: экран позволяет художникам находить все новые и новые грани ее воплощения. Вспомним неистощимый зрительский интерес к фильму-эпопее «Великая Отечественная», созданному под руководством Романа Кармена и удостоенному Ленинской премии.

Явлением не просто значительным, а далеко выходящим за рамки кино и телевидения стал фильм Л. Кулиджанова «Карл Маркс. Молодые годы», получивший широчайшее общественное признание.

Стремление вести разговор о категориях нравственных — вот что чрезвычайно характерно для нынешнего советского кино. Именно нравственно-этический анализ событий, явлений, характеров, позиций становится главной задачей художника.

Это сложная задача. Она обусловила и интенсивный поиск в области киноязыка и повышенное внимание к опыту других искусств. Выразительные средства литературы, живописи, театра, музыки все более смело берутся киноэкраном на вооружение.

Очень характерна — в этом именно смысле — деятельность такого замечательного художника, каким опять-таки был Василий Шукшин: писатель, режиссер, актер... Его творческая биография, к сожалению, была короткой, но влияние, оказанное Шукшиным на советское искусство, огромно. Шукшин достиг нового уровня правды в творчестве. С редкой достоверностью раскрыл он целый пласт современного сознания, выразил важнейшие социальные процессы через сложность нравственного мира человека наших дней. В своих фильмах он оставил нам как бы некую «диаграмму» напряженного — порой мучительного — поиска, дав образцы истинно авторского кинематографа...

Важнейшая особенность нынешнего периода — стремительное развитие киноискусства во всех советских республиках.

Кинематограф, как и вся советская культура, интернационален по своей природе. Он не просто объединяет различные национальные школы, но является продуктом сложного взаимодействия, взаимообогащения, братского сотрудничества. Каждая из национальных кинематографий, основываясь на художественных традициях своего народа, развивает их с учетом исторического и культурного опыта всей многонациональной страны.

Конечно, не всегда и не во всех фильмах бывает достигнута желаемая удача. Есть слабые, «проходные», вялые фильмы. Но очень важно, что кино стремится глубоко осмыслить то новое, что характерно для нынешней жизни советского общества.

Освоение проблем, возникающих в связи с научно-технической революцией, с задачами сохранения окружающей среды, с вопросами морали и этики, становится основой фильмов, охватывающих различные сферы жизни, различные судьбы...

Приветствие Л. И. Брежнева деятелям кино в связи с 60-летием искусства кино с предельной четкостью определило его задачи.

«Искусство кино, — сказано здесь, — призвано отвечать возросшим духовным запросам народа. Это предполагает высокую требовательность мастеров кино к своему творчеству, глубокий критический анализ процессов киноискусства, подлинно новаторский поиск творческих решений в целях создания произведений, достойных нашей эпохи».

На пятнадцать языках создаются в СССР кинопроизведения — сто пятьдесят художественных фильмов киноэкрана (и сто для экрана телевизионного), а также документальные, научные, учебные фильмы (почти тысяча в год). И очень важно отметить, что среди этого пото-

ка нельзя найти ни одной картины, которая не отвечала бы духу высокого миролюбия нашей страны, духу хельсинкских соглашений, не утверждала бы высоких гуманистических ценностей или была бы создана вопреки им.

На советских экранах идут лучшие фильмы зарубежных стран. Это фильмы стран социалистического содружества, это и фильмы капиталистических и развивающихся стран гуманистической ориентации. За минувшее пятилетие киностудии Москвы, Ленинграда, Киева, Ташкента и другие сделали ряд совместных картин, сотрудничая с Болгарией, Венгрией, Польшей, ГДР, Чехословакией, Румынией, Югославией, а также с Финляндией, ФРГ, Швейцарией, США и другими странами. Московский международный кинофестиваль принял кинематографистов более чем из 80 стран мира. Среди лауреатов были художники различных политических взглядов и творческих почерков, но их произведения неизменно отвечали девизу фестиваля: «За гуманизм киноискусства, за мир и дружбу между народами».

Борьбу за социальный прогресс и свободу народов отразил фестиваль стран Азии, Африки и Латинской Америки, проведенный нынешней весной в Ташкенте...

Но, к сожалению, всем известно и то, что есть киноискусство созидующее и есть разрушающее... Кино может служить прогрессу, служить человеку и человечеству. Однако кино служит и реакции. Силы империализма широко используют кинематограф в своих целях, пытаются привить массовой аудитории культ жестокости, аморализма, агрессивности или же отвлекая сознание масс при помощи сложного камуфляжа от реальных процессов современности.

Антисоветская, антикоммунистическая кампания, развернутая монополистическим капиталом, не что иное, как лихорадочная, истерическая попытка разрушить дружбу народов, затормозить процесс разрядки, процесс развития прогрессивных сил.

В борьбе против социализма, против коммунистической идеологии сегодня применяются средства литературы и искусства: в антисоветскую кампанию капитал пытается втянуть всех, кого можно, — писателей, артистов, кинорежиссеров, художников, театральных деятелей, критиков, искусствоведов... И, разумеется, такое могущественное оружие воздействия на общественное сознание, как кино, используется беззастенчиво и в полной мере! При этом основной упор делается на обработку творческой интеллигенции. Именно ей пытаются впрыскивать антикоммунистические бактерии, именно ее стремятся использовать в борьбе с реальным социализмом, его наукой, культурой, идеологией.

Империалистические круги и их пропагандистский аппарат используют не только кинофальшивки, чтобы обогатить сущность социалистического образа жизни. Они стараются исказить героический путь истории, пройденный нашей страной и другими социалистическими странами, приуменьшить роль СССР в борьбе с фашизмом. В этих же целях они отрицают созидательную сущность социалистического киноискусства, подсовывают нам свою систему оценок явлений советской кинематографии.

Советский кинематограф — огромная творческая сила. И тщетны усилия буржуазных идеологов, пытающихся навязать советскому киноискусству свою ориентацию — чуждые ему ценностные представления, свои правила массового и «элитарного» подразделений; сказать нам: вот это, мол, хорошо, а вот это — плохо. Нет!.. У нас существует своя система идейно-художественных ориентиров. И она жива, она находится в постоянном развитии. Мы обойдемся без помощи таких советчиков и «доброжелателей», авторов издаваемых на Западе тенденциозных книг об истории и совре-

менном состоянии советского кино. Эти «произведения» так и хочется сравнить с писаниями иных «советологов» и сторонников «холодной войны». Да по сути-то дела они все «холодной войной» и заняты: несмотря на некое «разделение труда», все они выполняют одну социальную функцию, один классовый заказ: ведут борьбу с социалистическим обществом, а значит, всячески искажают природу социалистической культуры и искусства.

В постановлении июньского (1980 г.) Пленума ЦК КПСС прямо сказано: «Пытаясь навязать свою волю другим государствам, правящие круги США стали на путь экономических «санкций» и свертывания научно-технических, культурных и спортивных связей...»

Рвать связи — это они умеют... Но ведь правду не скроешь! Искусство, основанное на справедливых, разумных и гуманистических началах, обретает всепобеждающую силу.

Недавно мне довелось побывать с группой советских кинематографистов — режиссеров и критиков — на Международном кинофестивале в итальянском городе Пезаро. Программа была составлена только из советских фильмов. С помощью широкой общественности организаторы фестиваля сумели провести его как смотр сил советского кино. Сумели, несмотря на сопротивление реакционных сил! В течение десяти дней в фестивальном центре и двух главных кинотеатрах города шли лучшие советские фильмы последних лет и ретроспектива 30-х годов. Картины, разнообразные по проблемам, жанрам, стилю, тематике, привлекли внимание кинематографистов, критики и публики. Важное значение имел показ фильмов «Ленин в Октябре», «Чапаев», «Юность Максима», «Мы из Кронштадта»... Фестиваль отверг широко используемую на Западе «теорию», что, мол, достижения советского кино двадцатых годов были утрачены в тридцатых и последующих годах из-за «догм социалистического реализма». Камня на камне не осталось от этой нелепой схемы, хотя фестиваль проходил на фоне антисоветской кампании, которую развернули сегодня империалистические круги. Итальянская общественность и пресса поддерживали идею широкого показа советских фильмов; в декларации фестиваля говорилось, что научные исследования и обмен идеями «не должны подчиняться состоянию международной обстановки, какой бы она ни была. Внесение вклада в дело разрядки мы понимаем не только как наше неоспоримое право, но и как наш прямой долг».

Итак, попытка сорвать фестиваль не удалась; тогда некоторые английские и итальянские критики попытались повернуть ход проводимых дискуссий в сторону проблем «советской цензуры», «свободы творчества» и т. п., однако и эта затея не была поддержана. «Фестиваль разрушил мифы о советском кино», — заявил в ходе дискуссии известный режиссер Джузеппе Де Сантис.

Главным итогом этого представительного смотра советского многонационального киноискусства стали заметный рост и укрепление связей, стремление широкой общественности вопреки американскому нажиму и реакционной пропаганде проводить и дальше углублять эти культурные связи с СССР. Попытки же гальванизировать традиционные буржуазные и ревизионистские штампы в трактовке социалистического реализма и свободы творчества в советском искусстве сорвались. В выступлениях видных итальянских деятелей кино и критиков подчеркивалось, что кинопродукция СССР последних лет убедительно свидетельствует о благоприятных социально-культурных творческих условиях художников советского кино.

Так оно и есть! Советские кинематографисты работают сегодня особенно активно. Многонациональное советское кино находится в развитии, в поисках.

ПЬ ВРЕМЕНИ И КИНО

Лыжные соревнования в колхозе «Искра».

ОБЫКНОВЕННОЕ

В. ВИКТОРОВ

Фото А. БОЧИНИНА

Когда это было, чтобы город ездил учиться в деревню, а если точнее, чтобы городские спортсмены набирались опыта и мастерства у своих сельских товарищей? А вот мы можем рассказать о таком «чуде»...

В пяти километрах от города Котельнича и в ста двадцати от Кирова находится поселок Ленинская Искра, выросший из обычной северной деревеньки. Славится этот поселок колхозом «Искра», в котором умеют увеличивать надои молока. Но теперь «Искра» стала еще и известным спортивным центром.

Вот уже десять лет при колхозе работает специализированная детско-юношеская школа двоеборцев добровольного спортивного общества «Урожай». И сюда ездят учиться прыгать с трамплина и бегать на лыжах ребята из Котельнича, а теперь отделение колхозной школы двоеборцев открылось и в самом Кирове.

Прыжки на лыжах сами по себе требуют исключительно высокой технической выучки и бесстрашия, но хороший прыжок для двоеборца — это лишь полдела: победу в этом сложнейшем виде спорта после самых удачных прыжков приносит и успешное выступление на лыжне. Всему этому и учатся сельские ребята.

Все началось с того, что в 1965 году искровские мальчишки сделали снежную кочку, как здесь называют небольшую горку, с которой можно совершать прыжки на 10—12 метров. А спустя пять лет по инициативе председателя колхоза, страстного любителя лыжного спорта Андрея Мироновича Ронжина была открыта школа двоеборцев. Теперь над рекой Вяткой поднялись четыре трамплина, с которых можно совершать прыжки на 15, 30, 40 и

60 метров. Сейчас в искровской школе занимаются 220 ребят в возрасте от 8 до 18 лет. Впрочем, эти данные не совсем точны: недавно в школе двоеборцев открылось отделение для взрослых. Бывшие питомцы школы, ныне механизаторы, шоферы, полеводы колхоза «Искра», попросили выделить им тренера. А если учесть, что каждый колхозник и житель поселка может получить в сельском коллективе физкультуры лыжное снаряжение на всю зиму и охотно проводит на лыжне свое свободное время, то счастье энтузиастов двоеборья не так-то просто. Но, конечно, основной контингент спортивной школы составляет средняя искровская школа. Отсюда каждый год приходят осваивать сложнейшее мастерство двоеборья восьмилетние мальчишки. Лыжи все они освоили уже давно, но дальше «кочки» их в первые два года все равно не пускают. Они проходят общефизическую подготовку и лишь на третьем году обучения переходят в учебно-тренировочные группы и поднимаются на вершины трамплинов.

В распоряжении учеников школы триста пар прыжковых лыж, роллейры, с помощью кото-

На колхозных трамплинах.

Энтузиасты двоеборья: колхозник Николай Тонтаев, инструктор физкультуры колхоза «Искра» Вениамин Сычев, директор спортивной школы Геннадий Брюзов, учитель Виталий Котряхов и колхозник Сергей Горский.

ЧУДО

рых можно проводить лыжные тренировки летом на шоссе, а сейчас началось строительство нового 60-метрового трамплина с искусственным покрытием. Колхоз отпустил миллион рублей для строительства двух спортивных залов и бассейна.

Геннадий Константинович Брюзов, директор детско-юношеской школы двоеборцев, в прошлом первоклассный лыжный гонщик, с гордостью называет имена лучших своих питомцев. Александр Пектубаев завоевал бронзовую медаль на первенстве ВЦСПС, Владимир Алалыкин вошел в сборную команду добровольного спортивного общества «Урожай» и учится в Минском институте физкультуры, а сейчас подрастает новое поколение двоеборцев. Ученик 8-го класса Владимир Чертилов чувствует себя на 60-метровом трамплине совершенно уверенно, колхозный мальчишка Сережа Селезнев, которому всего 11 лет, тоже прыгает уже с большого трамплина.

Большие спортивные дела творятся в маленьком северном поселке, недаром к колхозным двоеборцам идут учиться городские спортсмены. И в этом нет никакого чуда.

Костя Плюснин — самый юный ученик спортивной школы.

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР

ПОЧЕМУ ТЯЖЕЛЕЮТ ОЧКИ?

«Огонек» не раз публиковал материалы об очках. О тех, что повседневно носят люди, страдающие близорукостью или дальнозоркостью. Я тоже решил написать об очках. Но о защитных.

...Двадцать седьмой год я занят обработкой металлов. Нам, станочникам, без защитных очков никак не обойтись. За это время мне приходилось пользоваться очками разных моделей.

Когда нам выдавали очки весом в 30 граммов, то приятно было работать: ни на переносице, ни на ушах никаких следов не оставалось. До конца смены не чувствовали усталости. Но вот уже несколько лет пользуемся очками модели «02-76-У» — их делает Суксунский оптико-механический завод. Они весят почти 60 граммов.

Поработаешь смену, и, честное слово, порою кажется, что они весят вдвое больше. На переносице, на ушах и даже на лице остаются следы-отпечатки. Сбоку у очков имеются щитки. Думаю, что именно из-за них стекла запотевают, а это создает большие неудобства. Получит металлист такие очки, и сразу же отламывает боковые щитки. Спрашивается: для чего их делают на заводе? Видимо, чтобы как-нибудь дотянуть до шестидесяти граммов?

Нам, станочникам, нужны добротные защитные очки — легкие, удобные. Тяжелые утомляют человека, снижают производительность труда, влияют на настроение.

Кто же займется разработкой модели легких, удобных, добротных защитных очков? Кто?

С. ЧИНАЕВ,
фрезеровщик Ташкентского авиационного
производственного объединения имени
В. П. Чкалова, ветеран труда.

Ташкент.

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО?

«ХОЖДЕНИЕ ЗА МЕТАЛЛОМ»

Под таким заголовком в «Огоньке» (№ 35 за 1980 год) была напечатана статья А. Щербакова. Речь шла о поставках металлопроката Макеевским металлургическим заводом. Его задолженность ряду предприятий Министерства черной металлургии стала регулярной, накапливалась от квартала к кварталу. Минскому рессорному заводу было недодано за 1979 год более двух тысяч семисот тонн проката. Отмечалось, что перебои в поставке металла были вызваны объективными трудностями, которые переживает макеевский завод: задержкой реконструкции, низкими темпами технического перевооружения.

Редакцией получено письмо заместителя министра черной металлургии СССР А. В. Жигулы, в котором говорится, что поставки металла Минскому рессорному заводу в 1980 году выполнены на 100 процентов.

Приняты меры по улучшению работы Макеевского металлургического завода. Минчермет СССР рассмотрело и утвердило ряд мероприятий по ускорению его модернизации, часть их уже успешно осуществлена.

С 1 января 1981 года намечен вывод из эксплуатации устаревших агрегатов — крупносортовый стан «850» и второй участок мартеновского цеха. Все это должно способствовать стабилизации работы Макеевского металлургического завода.

ПОЛИГОН

Евгений
РЯБЧИКОВ

РАССКАЗ

Рисунок И. ПЧЕЛКО

В белой рубашке, чесучовом пиджаке и таких же брюках, с развевающейся на степном ветру темной бородой, Курчатов выделялся на полигоне среди военных своим подчеркнuto «гражданским» видом. Ему были подчинены войсковые части, научные лаборатории, институты и конструкторские бюро, все называли его «генералом», но он старался показать своим внешним видом вынужденность намеренной военной операции.

До взрыва первой атомной бомбы оставалось мало времени, и Курчатов в сопровождении «свиты» старался побыстрее обходить квадрат за квадратом основные участки раскаленного августовским солнцем атомного полигона. Шагая по горячей земле, он нет-нет да и поглядывал на металлическую башню высотой с десятиэтажный дом. Башня словно царил над степью, где все было тайной. Увенчанная атомной бомбой, она как бы дирижировала всем на полигоне: и армейскими подразделениями, и лабораториями, и водителями танков и грузовиков. Башню окружали специально возведенные каменные и деревянные строения, артиллерийские орудия и танки, самолеты и железнодорожные вагоны. И башня и все, что было возведено вокруг нее, предназначалось для уничтожения от атомного взрыва. Для определения его силы на земле разместились регистрирующие приборы, на сотни и на тысячи километров удаленные от башни.

Приблизившись к башне, Курчатов вскинул голову и посмотрел на верхнюю площадку, где трудился в те минуты «хозяин башни» Кирилл Иванович Щелкин. Вместе со своим помощником Георгием Павловичем он ведал подрывной аппаратурой. На минуту задумавшись — тревожить ли ему еще раз Щелкина, — Курчатов поднялся на башню.

Увидев его, Щелкин не удивился и не обиделся; он знал, насколько тщательно проверяет Игорь Васильевич всех и все, и деловито доложил ему:

— Все идет как положено. От графика отклонений нет. Правда, тут вот пришлось подчистить контакт реле. — Щелкин показал Курчатову, что пришлось ему сделать.

Слушая Щелкина, Курчатов обратил внимание на натруженные руки человека, который держал «ключи от бомбы»: это были рабочие руки ученого, хорошо знавшие металл и инструмент. Скоро они подключат детонаторы, и, когда все будет сделано, Щелкин последним уйдет с башни.

Курчатов оценил и внешнее спокойствие Щелкина, и его деловитость, и то, что Кирилл Иванович не обиделся на него, — опять проверяет, не дает покоя... Щелкин принял контрольный визит как должное, и это успокоило Курчатова.

Перед тем как уйти с башни, Курчатов

остановился на ее вершине и посмотрел на территорию, отведенную под испытания атомной бомбы. По всему полигону, словно перед сражением, вздымая тучи пыли, двигались машины, шли солдаты, саперы рыли окопы, танкисты устанавливали на выбранных позициях танки.

На мгновение Курчатов представил себе гигантский огненный гриб, который взметнется на месте башни, на вершине которой он сейчас стоит, и неистовая сила взрыва разметет и танки и пушки, повалит железнодорожные вагоны, испепелит дома. Невидимая радиация умертвит все живое. Отогнав мрачные картины, нарисованные воображением, Курчатов посмотрел на часы.

— Время! Время! — воскликнул он. — Пошли дальше.

Когда спустились с башни, Игорь Васильевич, хитро улынувшись, сказал с некоторой укоризной:

— А вот один важный объект мы с вами едва не пропустили.

Ускорив шаг, Курчатов направился к «кинохате». Открыв ее дощатую дверь, весело крикнул:

— Физкульт-привет!

На топчане сидел, поджав под себя ноги и засунув по локоть руки в черный перезарядный мешок, озабоченный Ратиков. Увидев в дверях председателя Государственной комиссии, он заволновался и явно нарочито громко провозгласил:

— Здравствуй, Игорь Васильевич! Добро пожаловать. — Ратиков глазами показал гостю, куда ему можно сесть — на кофр, ящик из-под съемочной аппаратуры.

Игорь Васильевич снял белую кепку, вытер платком лоб и сел на ящик.

— Как дела? — спросил он Ратикова.

— Все в норме, только вот бы погоду заказать получше.

— Вам и погоду подай на голубом блюдецке с золотой каемочкой, — отшутился Курчатов. — Как с пленкой? Есть?

Из-за фанерной перегородки вышли Афанасин и Шубов, они приветствовали Курчатова и сразу же заговорили о своих делах:

— Наши мудрецы из Главка не знают, что тут мы снимаем, и все урезают, протестуют: и пленки-то мы много выписываем, и все требуем ее высшего качества, и, не думая, срезают метраж. Спасибо, вы, Игорь Васильевич, вмешались, теперь пленки навалом.

— Ну, ладно. Хорошо, что хорошо. — Курчатов обвел глазами «кинохату» и собравшихся в ней кинематографистов. — А кто доложит о готовности? — В стиле Курчатова было спрашивать не руководителя работы, а рядовых исполнителей, желая тем самым узнать, насколько точно все они представляют себе поставленную задачу.

Ратиков вытащил руки из перезарядного мешка и принялся рассказывать, какие выбраны «точки» и кто будет с них снимать. При этом оператор не упустил случая побранить погоду — вот ветер усилился, тучи ползут — и посоветовал на то, что взрыв назначен на ночное время, когда темно, а для кино нужен свет.

— Будет тебе свет, будет... — горько усмехнувшись, заметил Курчатов. — Не ослепни только и пленку не засвети.

Курчатов заметил разложенные на столе фотоснимки, опубликованные в журналах и газетах. На них был запечатлен взрыв первой американской атомной бомбы в горах Аламогордо. Перехватив взгляд Курчатова, оператор пояснил:

— Смотрим, как они тогда снимали: опыт...

— Опыт, опыт... — тяжело вздохнул Курчатов. — Аламогордо... Потом Хиросима... Нагасаки...

Курчатов подержал в руках снимки взрыва

первой американской атомной бомбы на тридцатиметровой стальной башне и задумался. В который раз одолевали его горькие мысли о вероломстве бывших союзников по совместной борьбе с фашистской Германией: тайно, скрывая свои атомные планы, окутав Манхэттенский проект созданием сверхсекретного оружия завесой строжайшей конспирации, американские генералы готовили бомбу сокрушительной силы. Готовили ее в расчете на утверждение своего превосходства в послевоенном мире. Даже испытание своей первой атомной бомбы приурочили к моменту переговоров в Потсдаме. Сразу после победы над фашизмом вчерашний союзник готовился развязать «холодную войну» против Страны Советов.

Курчатов молчал, и все молчали в «кинохате». Нельзя было не думать, как в наитруднейшую для нас пору за океаном, в сытой, не знавшей ужасов сражений на своей территории стране создавалось в полной тайне от нас атомное оружие. Заокеанские политики и генералы тешили себя мыслью, что они заставят советский народ встать на колени, подчинят его своему диктату. Они уверовали в прогнозы своих советологов: Советская страна обескровлена войной, невероятно велики ее жертвы, наука и техника в СССР будто бы находятся на таком низком уровне, что не в силах создать свою, советскую атомную бомбу. Ни генералу Гровсу, руководившему созданием американской атомной бомбы, ни самому президенту Трумэну не приходило в голову: а вдруг русские создадут бомбу?

Она уже находилась на вершине башни, и Щелкин готовил ее к завершению эксперимента.

Курчатов отложил снимки, посмотрел на кинооператоров и, подумав, сказал:

— Вот что, ребятки, побольше снимайте деталей, — все будет иметь большую ценность как для науки, так и для обороны. И, конечно, нужны общие планы, чтобы была видна панорама взрыва. Поняли? — Курчатов в задумчивости погладил бороду, усмехнулся и продолжил уже другим тоном: — Имейте в виду, хлопцы, что бомбу мы сделали вынужденно, а вот атомную электрическую станцию сделаем с радостью: для народа, для будущего. Взорвем бомбу, а потом приглашаю вас на съемки первой атомной электрической. Особый это будет праздник.

— Спасибо, спасибо за приглашение! Обязательно будем снимать, — воскликнул Афанасин.

Его перебил Ратиков:

— Игорь Васильевич, а из-за погоды не может измениться срок?

— Нет! — твердо сказал Курчатов.

— Прошу прощения, Игорь Васильевич, но вот, знаете, нескромный вопрос... — растягивая слова, чтобы собраться с мыслями, заговорил Шубин. — Дело в том, что тут, так сказать, все впервые, а в науке и технике когда впервые, то...

— Да не тани ты! Вопрос ясен. — Курчатов усмехнулся. — В новом деле, конечно, возможны, как говорят, варианты и неожиданности: взрыв, может, и не удастся. Да, может быть такое. По этому поводу я дал указание экстренно подготовить второй экземпляр. Но и в этом случае ваше дело снимать! Взрыв может произойти уменьшенной силы, — снимайте! Если произойдет нерасчетное — взрыв окажется сильнее, — снимайте. Что бы ни происходило — крутите ручку. Все будет, конечно, так, как намечено. Но тем не менее мы должны быть готовы ко всему. А теперь покажите мне ваши «точки».

Курчатов взял лист ватмана с обозначениями мест, где будут снимать операторы, и, слушая их объяснения, водил кончиком карандаша по бумаге.

— Ну, а как, молодцы-храбрецы, вы морально подготовились? — полушутя-полусерьезно спросил Курчатов. — Мы вам доверяем свою работу: по экрану будут судить о взрыве и его результатах.

— Все будет в порядке! — заверил Ратиков.

— Пока! — Курчатов направился к двери. За ним тотчас увязался Ратиков, — он уже успел перезарядить камеру и с запасными кассетами в кофре бросился снимать «Бороду» — так в целях конспирации звали на полигоне Игоря Васильевича Курчатова. Тот закрыл лицо и сердито заметил:

— Пленку оставь для дела.

— Игорь Васильевич! — взмолился оператор. — Не для себя прошу, для истории.

Курчатов недовольно махнул рукой и больше не обращал внимания на кинокамеру. Это позволило оператору видеть через визир своей камеры председателя Государственной комиссии то озабоченным, то улыбающимся, то грозным, то насмешливым и даже нежным. Вот он сел в машину и поехал к мощному танку. Около бронированной громадины его встретил конструктор танка Духов. Оператор снял момент, когда Курчатов подошел к Духову, улыбнулся ему, крепко пожал руку, и оба они стали наблюдать за тем, как танкисты устанавливали стальную машину на отведенной для нее площадке.

— Сдюжит? — сверкнув глазами, спросил Курчатов Духова. — Очень уж у тебя здорова машина, а я думаю, и ее перевернет вверх тормашками.

Духов неопределенно пожал плечами: дескать, всякое может случиться, но вряд ли.

Курчатов посмотрел на часы, сел в «газик» и направился в отдаленный квадрат; оператор — за ним. И тогда не на шутку рассердился Курчатов:

— Хватит! Другой работы нет? Заданий не знаешь? Кати-ка ты, братец, до дому, до своей хаты. И погода портится... — Курчатов изменил

тон. — Что-то тучи набегают, ветер крепчает. Смотрите, учтите плохую погоду.

Перед общим сигналом — всем занять рабочие места, уйти в укрытия — кинооператоры на своем «газике» помчались по всему полигону — снять с движения безлюдное, словно затаившееся степное пространство с пустыми домами, безлюдной железнодорожной станцией, онемевшими танками и самолетом. До атомной бомбы они снимали запуски ракет, артиллерийские стрельбы, ходовые испытания подводных лодок — словом, повидали всякое. Но никогда и нигде не открывалась их взору столь мрачная картина, как на атомном полигоне. Трудно было подавить в себе чувство тревоги, предчувствие чего-то страшного и небывалого. А тут еще небо заволокло тучами, подул резкий степной ветер, черная даль пригрозила ливнем и бурей.

Закончив объезд, операторы направились на свои «точки». Курчатов занял место в железобетонном КП и занялся сводкой погоды. В степной дали лил дождь, свирепела буря. К вечеру ветер окреп. Над полигоном собрались грозные тучи, стали проскакивать молнии, все теснее стягиваясь, словно к центру, к тридцатиметровой стальной башне. Курчатов посмотрел на пляшущие вокруг башни молнии и заметил: под ударами ветра башня стала чуть покачиваться.

Буря с молниями беспокоила Курчатова. В своем чесучовом костюме он хотя и выделялся среди военных, но на командном пункте выглядел настоящим полководцем, решительным и смелым, взявшим на себя всю полноту ответственности за испытания. Он позвонил начальнику полигона, и генерал услышал мягкий баритон ученого:

— Погода не радует... Я говорил с метеослужбой: ближе к семи они ждут просвет. Как думаете, генерал, если провести взрыв на часик раньше? Подумайте. Сколько времени надо на размышления?

— Полчаса, — сказал генерал.

— Доложите о своем решении.

Курчатов посмотрел на офицеров и научных работников, собравшихся на КП. Все они прислушивались к каждому его слову, ловили каждое его движение — он был для них признанным руководителем, непререкаемым авторитетом.

Через полчаса генерал доложил, что взрыв переносится на час раньше намеченного времени. Курчатов тотчас написал письменное распоряжение: произвести взрыв в 7.00 утра 29 августа 1949 года.

Решительно поставив точку, Курчатов распорядился:

— Срочно известите операторов, что мы пойдем им навстречу. Хотели они получить погоду получше — вот ради них и перенесли время.

Над башней клубились тучи. Цепочкой взбегавшие к ее вершине электрические лампочки то и дело затягивало дождевой хмарью.

Курчатов посмотрел в стереотрубу на башню и нахмурился. Против воли начался нервный озноб. Нужно было взять себя в руки, успокоиться, не выдавать волнения. В силу исторической необходимости он, Курчатов, стал на новом рубеже жизни и смерти, и, как бы ни свирепела природа, посылая громы, молнии и ветры, он должен выполнить задуманное, осуществить небывалое.

Щелкин установил со своим помощником Георгием Павловичем на бомбе несколько десятков капсюлей-детонаторов. Отверстия для взрывателей были закрыты заглушками; Георгий Павлович снимал их, а Кирилл Иванович брал из коробки капсюль-детонатор, вставлял его в бомбу. Работали оба молча, понимая меру опасности и ответственности.

Закончив работу, осмотрев капсюли, Щелкин и Георгий Павлович молча спустились с башни на землю и, торопя шаг, поспешили на КП.

В шесть часов утра на наблюдательном пункте собрался генералитет, теоретики и экспериментаторы, ответственные каждый за свою часть проекта сотрудники Курчатова. На КП находились Курчатов с членами правительственной комиссии и несколькими своими сотрудниками. Игорь Васильевич расписался в папке об исполнении эксперимента, достал из нагрудного кармана ключ, вставил его в скважину бронированной крышки, которая тотчас же откинулась. На пульте вспыхнула красная лампочка, означавшая: включен автомат инициирования взрыва и синхронного пуска регистрирующей аппаратуры. Метроном начал отсчет времени.

Курчатов надел темные очки. Теперь он смотрел на башню и на стрелки: когда большая и секундная сойдутся на цифре «12» — содрогнется земля... Лицо Курчатова словно окаменело. Глаза его стали жесткими и суровыми. Вот и пришла минута, к которой он готовился так страстно и упорно, минута, от которой зависит покой Державы.

Ослепительная вспышка залила жгучим светом землю и темное небо. Тысячи молний, сплетенные воедино, тысячи громов, слитые вместе, вряд ли смогли бы соперничать с всплеском атомного огня, с грохотом, обрушившимся на полигон. Огненный шар, подобно второму Солнцу, сорвал темь, оголил мрачные дали. Вскоре он превратился в грибовидное огненное облако, поверху срезанное густой тучей. Земля конвульсивно вздрогнула. Началось землетрясение. За спящим светом хлынула неистовая воздушная волна.

На железобетонном КП задрожали стойки, под потолком нервно закачалась лампочка. Стало душно и жарко.

Курчатов поблел. Он, несший все эти годы тяжкий груз непомерной ответственности и риска, не щадивший себя, внезапно сник — на мгновение сдали нервы. Но тотчас он взял себя в руки и стал прежним волевым, деятельным, энергичным Курчатовым.

После взрыва бомбы ученые и офицеры, бывшие на КП, бросились к Курчатову. Они обнимали его, кричали «ура». Повеселевший Курчатов, показывая пальцем то на одного, то на другого ученого, кричал:

— Он! Это и он... И он... И ты... Победа общая.— И тотчас Курчатов принялся всех благодарить за работу, пожимал руки ученым и офицерам, всем улыбался, не скрывал, как он счастлив.

Кто-то крикнул:

— Будто гигантская молния!..

Курчатов подхватил:

— Это и есть атомная молния. Теперь она у нас в руках.— Курчатов помолчал, обвел глазами всех, кто был на КП, и сказал очень серьезно: — Теперь у нас есть атомный щит.— И снова замолчал. Он понимал: в минуты наивысшего напряжения от него ждут не только благодарностей и похвал.

Подняв руку, призывая к тишине, Курчатов заявил:

— Друзья мои, мы выполнили свой долг перед Родиной. Нас недруги принудили создать это страшное оружие. Они поверили в монополию своей бомбы. Они не допускали и мысли, что мы сможем тоже создать свое атомное оружие. Ошиблись! Так будет всегда: что бы ни придумывали враги Отечества, мы тоже сможем создавать для защиты Родины новое оружие. Поручкой тому — талант и воля народа, наш социалистический строй.

— Ура! — закричали ученые и офицеры.

Озорно посмотрев на представителей службы безопасности полигона, Курчатов неожиданно предложил:

— Не терпится, ведь не терпится? Не пора ли нам посмотреть на все своими глазами?!

Офицер, представлявший службу безопасности, решительно запротестовал:

— Рано... Там заражение...

В ту пору еще не было полного представления о «невидимой смерти», о грозной и беспощадной лучевой опасности, и ученые, охваченные общим азартным желанием поскорее увидеть результаты своей «работы», немного выждав, устремились за Курчатовым.

Торопливо заняв место в машине, Курчатов открыл окно и посмотрел на груды развалин. От металлической башни, на которой находилась бомба, не осталось и следа, она будто испарилась. Там, где были возведены камен-

ные и деревянные дома, чернели руины; ветер свистел в искореженных балках и сплетениях рельсов. Взрывная волна, сметая все на своем пути, перевернула танки и пушки, сбросила самолет. Даже сверхмощный танк Духова оказался перевернутым.

До эпицентра — места, где стояла башня, было еще далеко, но ехать туда категорически запретил Курчатов. Вдруг он заметил впереди кинооператоров.

— Кто разрешил? — вскипел Курчатов. — Кто позволил? — Но махнул рукой и горько пошутил: — Ничего себе у них профессия, не соскучишься. На науку работают... — Подумав, Курчатов приказал сопровождавшему офицеру немедленно прекратить съемки и операторов отправить на контроль.

Объезд полигона разволновал Курчатова, потряс его последствиями атомной бури. Он пережил войну, под огнем врага занимался в горевшем Севастополе размагничиванием боевых кораблей, видел пожары на судах, взрывы пороховых погребов, но ничего более страшного, чем атомный взрыв и вызванные им опустошения, не наблюдал никогда. Закончив поездку, Курчатов доложил в Москву, в ЦК партии и Советскому правительству о выполнении задания, о первых наблюдениях и первых выводах после взрыва. Потом полусерьезно потребовал от «свиты», чтобы все отправились с ним вместе в специально оборудованный пункт — «искать рентгены». И первым направился к выходу.

— Прибыли в ваше распоряжение... — посмеиваясь и шутя, представился Курчатов дозиметристу. — Проверьте-ка голубчиков на радиоактивное заражение...

Бодрость и веселое настроение вернулись к Игорю Васильевичу, когда приборы просигнализировали: все в порядке, есть, конечно, «загрязнение», но не в опасной дозе. Однако начальник контрольного пункта встревожился и приказал:

— Согласно приказу, всех, кто прибыл с полигона, прошу в баню.

— Это верно: порядок есть порядок! — согласился Курчатов и первым пошел за шайкой и березовым веником.

Его внимание привлек шум в приемном покое — привезли с полигона протестующих, рассыпавших крутые ругательства кинооператоров. Они требовали немедленного освобождения для завершения съемок, доказывали, что сам Курчатов приказал снимать последствия «работы», и они должны выполнить приказ «Бороды», должны доснять «работу». Они осеклись, когда увидели Курчатова со своей «свитой»: подхватив веник и шайку, он шел в парную.

— С легким паром, Игорь Васильевич! — гаркнул Ратиков. — С победой!

— С победой, Игорь Васильевич! — прокричали все операторы и их ассистенты.

— С легким, с легким... Поздравляю вас, бесенята.— Курчатов скрыл добрую улыбку в бороде. — Как же это вы без разрешения и махнули первыми чуть не в эпицентр?..

— Искусство требует жертв... — улыбаясь, твердо сказал Шубов.

— Теперь можно и помыться... — переходя к шутливому тону, заметил Курчатов. — По-русски, с веничком, в парной. Отец мой, на Урале, в Симе, меня мальчишкой в парную брал. А вокруг Сима — тайга...

Пошутив, Курчатов подумал о главном: американские самолеты радиационной разведки наверняка уже доставили пробы воздуха с «осколками» взрыва, и генерал Гровс смотрит на анализы и не верит глазам своим. Ведь он, генерал Гровс, заверил президента и конгресс: русские беспомощны и свою бомбу в лучшем случае создадут через двадцать лет.

— Пусть паникуют... Может, отрезвятся? — Курчатов заулыбался, подхватил пахнувший лесом веник и вошел в клубы теплого пара. Вскоре из банных облаков донесся его мягкий баритон:

— Эх, друзья мои, хорошо бы вот в этом составе, как сейчас, собраться нам на первой атомной электрической станции. А она будет. Теперь обязательно будет! И съест бы нам на станции первую в мире яичницу, приготовленную на атомном огне. Как? Предложение принимается?

— Принимается, Игорь Васильевич, принимается! — дружно откликнулись операторы.

ИЗ ПОЛУТЫМЫ СТАРИННОГО ПОДЪЕЗДА

В центре города, на людной улице меня ограбили среди бела дня...

Грабеж начался с вежливой улыбки солидного вида гражданина, внезапно возникшего из полутьмы старинного подъезда.

— Узнаю ищущую душу коллекционера, — сказал он, одновременно распахнув приветливо золотозубую улыбку и объемистый баул. — Считайте, что вам крупно повезло...

Считать пришлось и в самом деле. «Везение» обходилось в приличную сумму, ибо гражданин искушал с размахом и хорошим знанием спроса. Цены по сравнению с государственными были завышены в 10—15 раз, и подошедшие вслед за мной ребята в студенческих стройотрядовских куртках молча начали выворачивать кошельки, вытряхивая из них требуемое.

Не прихоть — нож острой необходимости ставлял подчиняться финансовому насилию: предлагался дефицит более редкий, чем хорошая книга. Алчный корабейник явно не опасался конкуренции, хоть самое смешное (точнее, печальное) заключалось в том, что торговлишку свою он развернул буквально в трех шагах от магазина, под потолок забитого аналогичным (и более качественным!) товаром.

Магазин этот некогда назывался «Библиотечная техника». Долгие годы он исправно снабжал меня каталожными карточками, формулами, вкладышами, разделителями и прочей, весьма нужной для собирающего книги человека мелочью. Да и не одного меня: его адрес — Литейный, 51 — хорошо знаком не только ленинградцам, но и многим жителям других городов, при случае заглядывавшим сюда за нехитрой, но незаменимой в любом, требующем систематизации деле продукцией — будь то серьезная научная работа или самое легкомысленное коллекционирование.

И вдруг с магазином (сейчас он называется отделом библиотечной техники коллектора массовых и научно-технических библиотек) что-то случилось: еще вчера желанный покупатель попал в опалу, а тесно заставленные полки превратились в своего рода мираж: глазами товар видно, а руками потрогать нельзя.

— Потому что руки частные, — объяснила начальник отдела библиотечного коллектора Наталья Дмитриевна Смирнова. — А согласно приказу Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли (№ 351 от 9 сентября 1976 года) за наличный расчет мы более не торгуем. Обиду людей, конечно, понимаем — кроме как у нас, карточки, разделители и остальное им купить негде. Но помочь, увы, ничем не можем — приказ есть приказ.

Что ж, попытка усекновения спроса единым рошчерком ответственного пера — явление для нашей торговли, к сожалению, не новое. И если где-то вдруг напрочь исчезают мыло, спички, или соль — виновных, как правило, следует искать не в шумных цехах заводов и фабрик, якобы недодавших новоявленный «дефицит», а в тиши ведомственных кабинетов.

Данный случай — очередное тому подтверждение. Предположив, что заботливой первопричиной вышеупомянутого приказа является защита интересов библиотек, у которых мы, читатели, своими покупками отнимаем, ну, например, каталожные карточки, я любопытства ради обзвонил несколько ленинградских типографий. И везде задавал один и тот же вопрос: не могли бы они из имеющихся отходов наладить выпуск этих самых карточек. И везде мне дружно отвечали одно и то же: могли бы... А директор типографии № 2 А. И. Бузак даже сказал, что вел по этому поводу соответствующие переговоры с магазином, но они пока ни к чему не привели.

Типография № 2 (кстати, тоже принадлежащая Управлению издательств, полиграфии и книжной торговли) также находится на Литейном. Всего два дома отделяют ее от бывшей «Библиотечной техники», два дома разделяют возможный спрос и несостоявшееся предложение.

Меж ними, под сенью породившего искусственный дефицит приказа, и пристроился оборотистый спекулянт с объемистым баулом.

О. ПЕТРИЧЕНКО.
Собкор «Огонька»

М. Лихачев. Род. 1919. МАТЕРИ. 1978—1979.

6 республиканская художественная выставка «Советская Россия».

И. Айвазовский. БУРЯ У БЕРЕГОВ НИЦЦЫ. Публикуется впервые.

Ереванская картинная галерея.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

ВОЗВРАЩЕНИЕ АЙВАЗОВСКОГО

Ашот АРЗУМАНЯН

Вспомним великолепную картину «Христофор Колумб», созданную живописцем в 1880 году и подаренную Джинджяном. Сюжетом этого большого полотна является имевший место эпизод из жизни великого мореплавателя. Колумб в одно из своих заморских путешествий на исходе пятнадцатого века потерпел кораблекрушение и спасся на плавающих обломках погибшего корабля, пока не был подобран другим судном. В этом холсте, несмотря на название, основное действующее лицо — разыгравшаяся морская стихия. Луна слабо освещает бурное море. На переднем плане «плот» с Колумбом.

«Писать молнию, порыв ветра, всплеск воды — немисливо с натуры». Эти слова Айвазовского подтверждаются его творческим методом работы. Отличная зрительная память мастера в сочетании с богатым воображением давали ему возможность создавать убедительные полотна, ставшие образцами высокого искусства...

Закончив телефонный разговор, Джинджян вернулся со словами извинения. Наша беседа потекла дальше.

— «Буря у Берегов Ниццы», «Лунная ночь на берегу моря», «Мельница, крытая соломой. Закат», «Волна», «Перед бурей», «Феодосия», «Спокойное море», «Кораблекрушение» — нет смысла перечислять шедевры Айвазовского, которые я подарил моей Армении. Каждый из них имеет свою судьбу, свою историю поиска, полного радостей и разочарований.

Во Франции о моей коллекции знали многие. Как-то известный русский художник, историк искусства, человек, глубоко мною уважаемый, Александр Бенуа сказал: «Бедняге Джинджяну кажется, что он коллекционирует картины Айвазовского. Я уверен, что он обманут. Принимает копии за оригинал. Надо остановить человека. Иначе его постигнет не только материальный, но и душевный крах». Мнение Бенуа-искусствоведа, блестящего художника, работавшего не только в театрах Парижа, но и в Италии, меня задело за живое. Я немедленно, через одного из наших общих знакомых, пригласил его к себе домой на чашку кофе. Бенуа в тот день провел у нас более двух часов, не спеша переходил от одной картины к другой и вновь к ним возвращался. Наконец, опустился в кресло и, легко вдохнув, медленно заговорил:

— Вот это здорово. Вот это искусство. Как я рад, что ошибся. В мире шедевров живете, мсье Джинджян. Поздравляю, поздравляю. Посмотрите на этот морской пейзаж. Как здесь тщательно продумана композиция, как точно и искусно выбрано место каждой детали, каждого штриха. Айвазовский, обладая даром гения, изумительно чувствовал силу мазка кисти, как композитор — звучание музыкальной фразы. Здесь одной виртуозной техникой ничего не добьешься. Только знанием природы, ставшей плотью пламенного воображения художника, можно подарить человеку такое наслаждение. Спасибо, спасибо, мсье Джинджян, за те несколько часов, которые я с удовольствием провел в мире Ивана Айвазовского.

Во время моей новой очередной встречи у Джинджяна стол был завален альбомами, папками, стопками различных бумаг. На небольшом комодике красовались цветные фотографии Армении, которые я ему подарил при первой встрече. В трех толстых, видимо, специально заказанных альбомах — репродукции картин Айвазовского с указанием дат, места исполнения и хранения.

В четвертом сосредоточены фотоснимки полотен художника, удостоенных различных премий. И, наконец, еще один альбом с репродукциями произведений коллекции Джинджяна. Под каждой картиной короткая аннотация с указанием даты и места приобретения.

— А в этой папке, — сказал Джинджян, — плоды моих изысканий в различных архивах и библиотеках. Здесь я собрал воспоминания, газетные оценки, различные высказывания об Айвазовском во время пребывания художника в Италии и Франции в 1841—1844 годах и в его последующие посещения Европы...

Не что иное, как преклонение перед прекрасным, заставило человека на всю жизнь быть в плену творчества Айвазовского и стать скромным его пропагандистом, думал я.

Страницы этой объемистой папки воскресили в памяти выступление «Художественной газеты», которая в своем одиннадцатом номере за 1841 год, информируя своих читателей об успехе русского мариниста, писала:

«В Риме и Неаполе все говорят о картинах Айвазовского. В Неаполе так полюбили вашего художника, что дом его целый день наполнен посетителями. Вельможи, поэты, ученые, художники и туристы поочередно ласкают его, угощают и, воспевая в стихах, признают в нем гения...»

Судя по тому, с каким рвением мастер работал, эти визиты ненадолго его отвлекали. Среди многих поклонников художника самыми восторженными были первый маринист Европы англичанин Тернер и неаполитанский патриций, впоследствии друг и адъютант Гарибальди — Векки, писавший: «Беспристрастно оценивая произведения Италии и прочих земель, спешу известить о присутствии в Неаполе русского живописца морских видов, г. Ивана Гайвазовского. Вдохновленный прелестным цветом нашего неба и моря, он в каждом взмахе кисти выражает свой восторг и очарование. Игра лунного света, в котором он хотел изобразить Неаполь ночью, полна истины и блеска и приводит в такой восторг, что наблюдатель, очарованный волшебными переливами красок, среди бела дня переносится как бы в ночь, смотря, как луна светит на горизонте и, придавая особый оттенок предметам, блещет на полосе озаряемого моря...»

Тернер сказал о молодом живописце: «...Искусство твое высоко и могущественно, потому что тебя вдохновлял гений».

Совершая прогулки по морским берегам, Айвазовский с благоговением вспоминал своих великих русских учителей — художников и писателей. Похвалу маэстро Тернера он воспринимал как стимул к неустанному поиску и труду.

Вот еще одна запись: 1843 год, Айвазовский в Париже. Художник выставил в Лувре картины «Море в тихую погоду», «Ночь на берегу Неаполитанского залива» («Остров Капри») и «Буря у берегов Абхазии». Он стал первым представителем русской живописи на той выставке в Лувре. Тысячи парижан любовались картинами художника. Французские газеты с похвалой писали о его мастерстве. Он удостоился золотой медали третьей степени.

Вскоре живописец выехал из Парижа в Лондон, а оттуда на пароходе направился к португальским и испанским берегам. Повсюду он делал много зарисовок для своих будущих картин. Весной 1844 года художник вновь посетил Париж. «Возвращаясь из Франции через Нидерланды, — отмечал он, — я был удостоен звания члена амстердамской академии за картины, мною выставленные...»

Осенью 1844 года мастер прибыл в Петербург. Он оправдал ожидания своих соотечественников. Рим, Неаполь, Венеция, Лондон и Амстердам удостоили его самых высоких почестей и похвал...

Продолжаю рассматривать страницу за страницей объемистую папку Джинджяна, где прослеживаются некоторые эпизоды жизни художника за границей. Зимой 1873 года в Ницце он устроил выставку своих картин в пользу местного приюта. Во Флоренции весь сбор шел в пользу пострадавших от разлива реки Арно. Залы всегда были переполнены посетителями, выражавшими восхищение творчеством живописца. Академики заявили, что, согласно уставу, он, как прославленный иностранный художник, должен написать свой портрет для галереи дворца Питти — Уффици. Такой высокой чести, кроме Айвазовского, из русских художников ранее удостоился только Кипренский.

Далее следуют страницы об организации выставок в России и во многих городах Европы. А вот копия приветствия католикоса всех армян в связи с восьмидесятилетием художника, так достойно отмеченного в Феодосии, на родине мастера, в 1897 году.

Наша беседа с Абраамом Джинджяном закончилась поздним ужином. Его дочь Вероника угощала нас. Джинджян хотел было проводить меня, но я отказался. Пошел пешком и мысленно перенесся в далекое прошлое, к годам триумфальных успехов Айвазовского.

Через неделю — новая встреча с Джинджяном.

Хозяин положил на стол две визитные карточки и начал:

— В один из дней конца 1954 года раздался телефонный звонок. Сотрудник советского посольства сказал, что представители посольства хотели бы навестить меня и познакомиться с моей коллекцией. Точно в назначенный час прибыли посол СССР С. А. Виноградов и эксперты по живописи. После обстоятельного осмотра они убедились в подлинности картин и ушли, как мне показалось, довольные. Через несколько дней ко мне явился сотрудник посольства Виктор Володин — вот его визитная карточка — и от имени советского посольства предложил мне продать всю коллекцию. Я с недоумением выслушал его и предложил выпить по рюмочке коньяку и чашечке кофе. Мне нужно было время, чтобы оправиться от неожиданного предложения. Никогда, нигде и никому я не молвил и слова о продаже. Более того, такая мысль никогда у меня не появлялась. И я попросил передать уважаемому советскому послу мои глубокие сожаления, что не в состоянии принять столь лестное предложение.

— Как же все-таки вы решились добровольно лишиться вашей коллекции? — спросил я.

— Мой парижский друг, художник Рафаэл Шишманян, в середине пятидесятих годов переехал в Ереван. Переписка между нами не прекращалась. В каждой весточке он рассказывал о достижениях нашего народа, о культуре, искусстве.

Джинджян дал мне почтительное письмо Шишманяна от 17 апреля 1956 года. Художник ласково, по-дружески советовал реально подумать о передаче картин Айвазовского ереванской картинной галерее. Отдел Айвазовского здесь выглядит прилично, — писал он, — но как обогатится эта коллекция, если в экспозиции появятся собранные за твою долгую жизнь более сорока оригиналов. Я знаю, — продолжал он, — у тебя доброе сердце, и когда ты решишься на такой патриотический поступок, легче станет у тебя на душе. Коллекция твоя будет в безопасности, в сохранности, ухожена. Тысячи посетителей, узнав о твоём благородном поступке, будут прославлять тебя.

— В поисках решения вопроса у меня раскалывалась голова. Как раз в дни этих метаний ко мне напросился один англичанин. Я заметил, что гость несколько раз задерживался у полотна «Христофор Колумб». Потом опустился в кресло около журнального столика, достал из кармана чековую книжку, ручку и вежливо сказал:

— Сколько бы вы ни попросили — плачу, не торгуясь. Вы знаете, как эта вещь украсит Британский музей.

— Сэр, я не для продажи собрал эту коллекцию. Мне уже много лет. Сколько мне надо было выкурить сигар, я выкурил, перешел на сигареты, сколько надо было выпить виски, джина, выпил, пью теперь только вино, сколько нужно было любить — любил. Зачем мне ваши фунты стерлингов! Знай я о вашем намерении, не пустил бы вас на порог...

Несколько успокоившись, Джинджян достал из большого конверта несколько редких семейных фотографий Айвазовского и протянул мне.

— Они тоже куплены? — спросил я.

— О нет. Они цены не имеют. Прочтите, что написано на обороте: «Благородному Джинджяну от признательной вдовы Айвазовского — Анны Бурназян. 25 июля 1924 года. Феодосия».

Дело было так. Мой знакомый, о котором уже шла речь, Грим, сообщил мне летом 1924 года, что вдова художника жива и находится в бедственном положении. Я немедленно отправил ей посылку с продуктами в адрес Феодосийской картинной галереи. Вскоре она подтвердила, что посылку получила. Послал вторую и написал, что я горячий поклонник творчества Айвазовского. В ответном письме она благодарила за бесценную для того времени помощь и прислала мне вот эти фотореликвии...

То была пора, когда после гражданской войны наша страна залечивала раны. Во многих местах люди еще голодали. Легко представить, чем была в такую пору помощь, оказанная Джинджяном. В 1925 году Анна Мкртичевна (Никитична) Бурназян обратилась с письмом в Наркомпрос Советской Армении с просьбой приобрести для вновь организованной художественной галереи несколько картин. Вскоре народный комиссар просвещения республики Асканаз Мравян написал вдове Айвазовского, что решением правительства Советской Армении ей, как вдове армянского художника, установлена персональная пенсия. Она скончалась в Феодосии в 1945 году и похоронена там же, где Айвазовский.

— В поисках картин художника, — продолжал Джинджян, — я в 1970 году совершенно случайно попал в гости к внуку Айвазовского, здесь же, в шестнадцатом районе Парижа. Он меня очень мило принял, но отказался продать единственную картину своего великого деда.

За тридцать лет неустанных поисков я приобрел ценой великих лишений семьдесят полотен. Одно я подарил католику всех армян Вазгену Первому. Три картины — Парижскому армянскому музею, десять — дочери и столько же сыну. Кто мог подумать, что мой сын Рене скончается!.. После его смерти моя невестка и внуки распродали картины случайным людям. Я просил сообщить адреса новых владельцев, но мои попытки оказались бесплодными.

С кончиной сына я потерял и внуков. Как тяжело жить на чужбине покинутым близкими старцем! Ведь все мы здесь — осколки Родины.

Он зарыдал. Видимо, душа этого крепкого человека не выдержала обид и огорчений, причиненных внуками. Справившись с волнением, Джинджян продолжал:

— Я вам рассказал о том, как во мне созревала идея передачи коллекции ереванской галерее. Но я еще не признался, что чисто человеческие поступки, патриотизм Айвазовского постепенно меняли мою психологию. Подумать только, ведь все свои работы, все недвижимое имущество, дом, ставший еще при его жизни картинной галереей, он подарил Феодосии. А его отношение к бедным и нуждающимся! Он передавал им весь сбор от своих многочисленных выставок в России и за рубежом. Все это свидетельствует о высокой нравственности великого мариниста.

Постепенно во мне гасли частнособственнические инстинкты, и я все больше проникался чувством патриотизма к своей Родине. Вот тогда и принял твердое решение подарить коллекцию Советской Армении. Я даже помолодел, словно кто снял давивший на сердце камень.

Неоценимую помощь в сложнейшей процедуре оформления документов и передачи картин оказал мне мой друг, активный деятель Культурного союза армян Франции Агаси Дарбинян.

Когда я узнал, что моя коллекция благополучно доехала до Еревана, может быть, впервые в жизни легко вздохнул. Значит, картины в безопасности. Значит, не зря жил.

На этих его словах свет погас. Мы оказались во мраке.

— Это энергетики Парижа. Они еще не кончили забастовку.

Джинджян с несвойственной ему медлительностью встал и ощупью подошел к буфету. Зажег свечу, дрожащими руками опустил подсвечник на стол. Под желтоватым мигающим огоньком он был неузнаваем. Его руки повисли, как плети. Я с трудом уловил глухие, обрывистые слова:

— Любители искусства, тем более коллекционеры, легко поймут, что значит лишиться картин, с которыми так радостно было общаться...

— А знаете, мсье Ашот, — вмешалась в беседу Вероника, — в первое время, когда поздно вечером, возвращаясь домой, отец молча сидел перед зияющими пустотой рамами, мы были очень обеспокоены его здоровьем. Известно, что Врубель жаждал избавиться от своих произведений, а мой отец тосковал по картинам Айвазовского. Со временем он оправился и, как видите, в свои восемьдесят семь лет продолжает работать в двух местах.

Свет вспыхнул так же неожиданно, как погас. За это время Джинджян приободрился. Дочь подала чай и удалилась в соседнюю комнату. Зазвучали армянские мелодии, фортепианные миниатюры Рахманинова, сочинения французских композиторов. Прикасаясь к клавиатуре, она вводила нас также в мир величественных раздумий Комитаса и Екмалияна. Печальные звуки вызвали в памяти образы армянских памятников старины, бессмертные строки Нарекаци, росписи и фрески Овнатяна.

И вдруг через минуту паузы вихрем ворвалась огненная, будто сверкающая музыка Арама Хачатуряна.

Пианистка проникла в самые глубинные тайны армянской музыки, подарив нам чудные мгновения, грустные и вдохновенные...

Во Франции я познакомился с десятками армянских семей и посетил их. Меня глубоко тронуло, взволновало, как на чужбине большинство этих людей свято хранит традиции своего народа, язык, обычаи. Несмотря на европейскую пеструю круговерть Парижа, на этих маленьких островках я увидел патриотов своего Отечества.

О многих из них я расскажу в книге «Встречи с земляками».

Париж — Ереван.

ПЕСНЯ О ВЕТЕРАНАХ

Музыка Эолы ПАК

Стихи Бориса ПАКА

Когда шагают ветераны
На свой парад,
О чем, скажите, их медали,
О чем звенят?
Они звенят о битвах грозных,
Зовут ребят,
Что не дожили до Победы
И крепко спят.
Но так случается порою,
Порой во сне
Они являются живыми
К тебе и мне.
И так расспрашивают жадно

Про дом родной
И смотрят с завистью до боли
На нас с тобой.
А нам, дожившим до Победы,
Их боль нести!
Сквозь все года и все невзгоды,
Сквозь все пути!
И пусть нас меньше с каждым годом,
Что ж плакать, брат...
Не смей печалиться, товарищ,
Ведь ты — солдат!

ГЛАВА
СЕМНАДЦАТАЯ

В

десятым часу вечера после долгих, требовательных звонков и стука в дверь Васильев отщелкнул замок, и в мастерскую поспешно вошел Олег Евгеньевич Колицын, поставил в передней портфель под вешалку и, не здороваясь, распахивая шубу, проговорил запальчиво:

— Не удивляйся, Васильев, я сегодня вошел к тебе не с дипломатическим визитом! Спасибо, коллега, спасибо за твою надмен-

шубу на кресло. — Сегодня я принадлежал не известному тебе чиновнику Колицыну, а только себе... своему «я». Без кельтов, гуннов и янки — и не было ни коктейлей, ни джина с тоником! Я счастлив сегодня, Васильев! А был у меня в мастерской один мой старый приятель, и я показывал ему... Мы смотрели мои вещи с утра, я показал ему все! Мне хотелось показать все свои работы: он был потрясен... Не вам же, гениям, ха-ха... Не вам всю славу мира, а как в той песенке — «цыплята тоже хотят жить!». Нет, подожди, подожди! — закричал Колицын и схватил влажной рукой за руку Васильева, с цепкой силой притянул его. — Ты должен, ты сейчас должен поехать в мою мастерскую, немедленно! Одевайся, ты у меня не был никогда! Не был! Никогда, никогда! Раз в жизни, единственный раз ты можешь заставить себя ради институтского товарища пожертвовать двумя часами? В мастерской ты не видел ни одной моей вещи! Я ведь для тебя персона чиновничья в живописи! Поедем, Володя, поедом, на Масловку!

— Сейчас?..

И Васильев зашагал по мастерской, представляя, какая это может быть нечеловеческая мука — ехать к ночи на Масловку смотреть работы с перевозбужденным Колицыным, выслушивать его неупрятанные, неперемолотые обиды и упреки, говорить что-то о цвете, о композиции, хвалить, фальшивить — это было бы нещадным убийством времени, тратой нервных клеток, напрасным самоугнетением, на что не доставало духу решиться, и он сказал миролюбиво:

ВЫБОР

ность, великий мастер. Спасибо за то, что ты меня в шею выгнал, как сопливого мальчишку, в присутствии иностранца, именно — взявшей выгнал из мастерской эту мелкую назойливую бездарь, которая втирается тебе в закадычные друзья! За что, спрашивается, ты меня оскорбил? Я всей душой к тебе, а ты?.. За что?..

Был Колицын неумеренно возбужден, говорил раздерганно, его треугольные, мутно-красные глаза смотрели со злой растерянностью, и Васильев, сожалея уже о проявленной им несдержанности в день приезда Ильи, не желая ничего обострять (у него не хватило бы душевных сил для напрасного объяснения с Колицыным), сказал примирительно:

— Во-первых, здравствуй. Во-вторых... если я вел себя как-то по-глупому, то прошу у тебя прощения, Олег Евгеньевич. Раздевайся, пожалуйста.

— Разденусь, даже если ты не пригласишь! Но з-занятно, все занято у тебя, Володя!.. Я тебя по имени, ты меня — по отчеству. Вон как! Как будто мы знакомы только по официальной линии! Что ты хочешь подчеркнуть этим? Нашу несовместимость? Пропась между талантом и посредственностью?

— Так уважительно принято на Руси, — кисло возразил Васильев, стыдась вспоминать собственную бесцеремонность, и спросил: — Ты встречал кого-то сегодня?

— Ошибаешься! Никого! Никого я не встречал, не провозжал, не ласкал комплиментами! — заговорил Колицын накаленно, кидая

— К сожалению, ты слегка разгорячен, а я — в монашеской ясности перед сном. Я встаю в шесть, Олег.

— Брезгуешь мной? — желчно выговорил Колицын и зашагал рядом с Васильевым по мастерской, ероша, теребя длинные, серой седины волосы. — Не-ет, мы поедом, поедом ко мне, Васильев! Ты не откажешься, не побрезгуешь! Я к тебе прямо из своей мастерской! Я за тобой приехал, за тобой! Я с этой целью приехал!..

Никогда за многие годы Колицын не проявлялся в возбуждении до такой степени, вдруг утратив внушительную внешность, солидную улыбку приветливого лица, победоносно-утверждающую походку, и каким не видел его Васильев раньше, и грубой вязки свитер его, видимо, надеваемый для работы, был продран на локтях, испачкан краской, неаккуратно заправлен в затерханные джинсы, глаза, налитые кровью, воспаленно-набрякшие, бегали по картинам, повернутым к стене, то и дело натываясь на закрытый материей мольберт, который, должно быть, будоражил его любопытство.

— Значит, не поедешь? Значит, пренебрегаешь? — проговорил он осекающимся голосом и, пошатываясь, вывалился в переднюю и внес оттуда объемистый портфель, увесисто стукнул им в стол, спешаще расстегивая никелированные замочки. — Ладно. Утремся. Ладно. Стукнулись мордой о скалу высокомерия — и утираемся, утираемся! Тогда что ж, Володя, снизойди посмотреть хоть это... Взгляни хоть на эти вещи. Я никогда тебе своих работ не показывал и не просил... Да, вот три вещи, они мне дороги, посмотри, посмотри!

Он трясущимися руками достал из портфеля тщательно обернутые фланелевой тряпкой три работы маслом, каждая размером в тетрадный лист, аккуратно разложил их на столе и потом зашел сзади Васильева, задышал шумно за его плечом. Кислый посторонний запах винного перегара раздражающе дошел до Васильева, он нахмурился, глядя на картины, и Колицын выговорил затрудненно:

— Что? Что? Не нравится?

И Колицын задрожал за его спиной, как в ожидании смертного приговора, задев коленом о ножку стола, и его нервное сопящее дыхание, кислота винного перегара и дрожащее прикосновение ноги, качающей стол, внезапно потрясли Васильева ожиданием и робостью этого благополучного в жизни человека, которому, к сожалению, надеяться в искусстве было не на что. Ранние, студенческие работы Колицына, его пейзажи, его натюрморты, насколько помнил Васильев, хотя и были не вполне самостоятельны, но выступали в них свежесть молодости, солнечный свет, лежала зеленая пестрая тень летнего дня, и тогда о нем кто-то из метров сказал: «Себя, себя поглубже искать надо, а не глаз импрессионистов в себе, и, может быть, толк будет». Эти ободряющие слова, ставшие известными всему курсу, вскоре забылись, но толк был, и Колицын успешно окончил институт, чуть позже его пригласили преподавать, затем избирали на разные общественные должности, — искал ли он себя в эти годы, обремененный чинами, заботами, работой в иностранной комиссии, коктейлями, аэродромами, совещаниями? Он ред-

ко участвовал в выставках. Кто здесь был виноват?

— Ты считаешь — тут твое лучшее? — спросил Васильев, призывая на помощь смягченные, неповоротливые, участливые фразы. — Почему, Олег, именно эти три работы ты показываешь мне?

— Я прошу... Я хочу знать твою оценку. Только честно, честно! То, что думаешь... Я посоветовался. Мой приятель... тот, что был у меня, порекомендовал показать тебе эти три вещицы. Он в восторге, ты извини, он в восторге.

— Он в восторге, черт его дери, он в восторге, — повторил неопределенным распевом Васильев, рассматривая картину, где в старательных подробностях был написан интерьер затопленной солнцем мастерской — круглый деревянный столик в углу с пепельницей, заставленный чадающими окутками. — Ну, если честно, Олег, то и называйце ты упомянутое дал: автопортрет... Обскакал модернистов по всем статьям, объехал их милые прелести, деваться им некуда. А тут что? — спросил Васильев и не смог подавить неудовлетворение, увидев на второй картине хорошо выписанный угол русской печи, протянутую веревку от гвоздика до гвоздика, на которой вплотную с хоругвеобразными кальсонами и рубахами висели, сушились связанные за уши растоптанные кирзовые сапоги. — Не понимаю подобной красоты, Олег. Подштанники в обществе с сапогами. Русский неореализм, что ли? — с хмурой иронией спросил Васильев и перевел внимание на третью картину — пейзаж с речным кособором, до единой травинки высвеченный последним лучом заката, ро-

зовеющим в камышах и воде.— Прости, здесь я тоже чего-то не очень понимаю. Вроде талантливый замысел по простоте. Но в чем мысль, черт возьми? Пейзаж без мысли бессмыслен. И по манере... архаично, много красивых завитушек и подробностей на кособоре, дробится глаз, как в калейдоскопе. Да нет, не о том я,— оборвал свою речь Васильев, раздраженный собой.— Не о том, Олег. В общем, ничего и никого ты не слушай.— Васильев махнул рукой и отошел от стола, избегая глядеть на всецело обнажающие Колицына картины.— Все условно в искусстве, все субъективно в конце концов. Мое мнение о твоих вещичках не сделает их ни лучше, ни хуже.

«Я не хочу говорить правду,— подумал Васильев, все больше мрачней,— и я обманываю его, подкладываю соломку лжи и унижаю себя добренькой болтовней. А что она изменит, моя правда? И зачем ему она? Честолобие? Тщеславие? Он преуспевает, прочно стоит на ногах — доктор, профессор, секретарь, преподает в институте, метр, учит студентов... И он хочет знать мое мнение?»

— Вот что мне пришло в голову,— заговорил нахмуренный Васильев.— Ты зачем-то просил меня честно сказать, хотя мое мнение никакого значения для тебя не имеет. Знаю, что одна и та же природа, одно и то же событие по-разному воспринимаются разными людьми. Наверно, в разном, Олег, прелесть жизни и искусства. Но нелепо держать в руках курицу, а воображать, что поймал жар-птицу. Не обижайся, у меня такое ощущение, что ты держал в руках курицу, но не ощипал и ее. Отпусти ты пернатую, Олег, ради бога, отпусти, пусть себе гуляет,— Васильев вздохнул необлегченно,— а сам пиши на здоровье свои книги о композиции и колористике и только студентам своей придуманной изысканностью в живописи глаз не порти. Ведь им эта красивая краснота хуже заплесневелой пастилы. Реализм — беспощадная штука...

Он говорил это и силился уйти от грубых слов, в то время как Колицын со скрещенными на груди руками, в позе римлянина, вызывающе откинув голову, стоял перед ним, и смертная, почти покойническая бледность напознала на его оледенелое лицо, на его ставший восковым нос, который пугающе заострился, и, казалось, Колицын насильственными вдохами втягивал воздух, чтобы прервать глубокие накопленные рыдания. «Да он упадет сейчас,— мелькнуло у Васильева, но тотчас Колицын ослепленно откатнулся назад и с выражением страдания бросился к мольберту и, сильным рывком сдирая покрывало с подвешенного вчера портрета режиссера Щеглова, который никак не удавался Васильеву, лихорадочно заговорил, обжигая кипящими словами злобы:

— А ты думаешь, что твои работы предел х-художества? Образец совершенства? Может, ты считаешь себя законодателем современного искусства? Может, ты думаешь, что ты единственный видишь мир цветом и красками? Не-ет, дорогой мой, это умели великие, мировые мастера, недостижимые вершины, а ты холмик, бугор по сравнению с ними! И еще... еще неизвестно, кто из нас талантливее! Неизвестно! Я плевал на твоё мнение, Васильев! Плевал на твои звучные тона, на весь твой жесткий стиль, который не стоит и одной моей детали, плевал, плевал!.. Новатор дерьмовый! Любая моя неудача на голову выше всех твоих успехов! Ненавижу, ненавижу всю вашу послевоенную братию! Со всеми вашими стилями! Жесткими и мягкими! Ненавижу!..

Колицын уже кричал скандально-отвратительно, безудержно, его большая львиноподобная голова тряслась в яростном иступлении, набухшие веки сжимались и разжимались, выкатывая крупные оловянные слезы; а когда в крике его прорвались не то рыдающие нотки, не то нотки истерического смеха, Васильев, пораженный, подумал, что, должно быть, так, в припадке бессильной ненависти, люди сходят с ума, и, отвернувшись от Колицына с чувством стыда и неудобства, желал сейчас только одного — чтобы тот скорее, скорее уходил из мастерской, скорее... «Завтра с сожалением он будет вспоминать о своем безумии!»

— Ответь ты, гений! Ответь ты, великий Моцарт, скажи, скажи мне, ничтожному Сальери! — с театральным хохотом, в котором клокотали слезы, крикнул Колицын и так взбешенно ударил кулаком о кулак, что раздался костяной звук.— Поч-чему, поч-чему ты уверен, что бог дал тебе талант, а мне кукиш с маслом? Ответь, ты ответь — считаешь меня бездарью и считаешь, что я, гнусный червяк Сальери, завидую тебе, божественному Моцарту? Завидую? Так считаешь?

— Ты просил сказать правду. Я сказал полуправду и превратился в глупца, чему теперь уже не удивляюсь,— выговорил Васильев.— Поэтому прошу тебя не кричать и уйти.

— Ах ты-и... вон-он как! Значит, второй раз выгоняешь!..

— Я вынужден попросить тебя уйти.

— Замолчи! Замолчи! О, если ты скажешь еще слово, я тебя ударю! — И Колицын в неистовстве опять стукнул кулаком о кулак, расплющивая так ненавистное, враждебное ему, и выжженная злобой пустыня его глаз и его щеки, смоченные слезами, и эти до дрожи сжатые кулаки, ударяющие друг о друга, подтвердили Васильеву то, во что он не смог бы прежде никогда поверить,— встала между ним и Колицыным необходимая и уточнившая их взаимоотношения ясность, разъединяющая их окончательно, но он проговорил мягко:

— Я хочу попросить тебя, Олег, еще раз: уходи, пожалуйста.

— Что ж, запомню я этот вечер, на всю жизнь запомню, гений!..

Треск захлопнутой двери прозвучал выстрелом в вечернем коридоре, а Васильев, стискивая зубы, морщась, ходил из угла в угол и неуспокоенно вспоминал, как яростно плакал, истерично ударяя кулак о кулак, Колицын, как кричал он вот тут, в мастерской, корчась от самой глубокой, ничем не излечимой раны.

Он ворочался с боку на бок, и все тело его изнемогало в такой ледяной тоске, таком гибельном страхе, что он боялся громко закричать, вскочить с постели, сделать неразумное, ужасающее, и, чтобы освободиться от этого неподвластного страха тела, он пытался внушить себе, что через несколько часов настанет утро и тогда отпустит, ослабнет истерзавшая его душевная боль...

«Что же это за страшный сон снился мне?»

Сначала в небе шли два огромных вертолета, затем висели, как прямоугольные дома над церковью, выстроенной кольцевыми этажами, подобно Вавилонской башне, острием уходящей в высоту сумеречного неба. На каждом этаже горела толстая свеча, по круглым этажам ходили люди, в гигантских вертолетах тоже зловеще светились багровые огни, и там, в небе, за этими огнями, приготавливалось враждебное, убийственное. Но тут из-за ограды церкви вылетела навстречу первому вертолету цепочка странных трасс, подобно раскаленным камням, прямоугольный дом в небе взорвался, брызнул рваным пламенем, и обломки, кувыряясь, падали над церковью, нанизывались на крест, кощунственно сотрясая острую громаду купола.

Оглядываясь на закачавшийся храм, готовый рухнуть всеми этажами, они бежали по дороге, босые, в серых рубашках с невероятно большими рукавами, каменная дорога, раскаленная африканским солнцем, нестерпимо обжигала ноги, колючки впивались в пятки железными крючками.

Кто были они? И от кого они убегали? И кто был тот, который летел впереди, не касаясь земли ногами, над горячей, красноватой, выжженной солнцем дорогой, размахивал длинными рукавами, зигзагообразно мотался то вправо, то влево? По спине и затылку он был похож на Илью, лица же невозможно было разглядеть, но в этом не было смысла, потому что чья-то команда криком подстегивала их бег: «За мной! За мной! В сад!»

Левее дороги возникла ограда, за ней открылся сад, запахло сухой каменной пылью. И, задыхаясь от едкого, удушающего запаха, они стали карабкаться на деревья, на колючие запыленные сучья, которые иглами лезли в глаза, в кровь царапали кожу. Вокруг оттяги-

вали сучья загадочные желтые плоды в толстой жесткой кожуре, и они срывали их, с сумасшедшей торопливостью заталкивая в карманы, набивали за пазуху, мучимые голодом и долгой погоней. А погоня была где-то вблизи, в окружавшей их пустыне, и тогда Илья крикнул с соседнего дерева, упираясь оголенными ногами в раздвоенный ствол: «Вот так разгрызай!» Их надо было разгрызть наподобие яблок, толстокожие плоды, кожа отскакивала стальным панцирем, и крошечный орешек таял во рту. По примеру Ильи он ел их жадно, утоляя голод, все время озираясь на угрожающую пустыню за садом, откуда уже вплотную надвигалась гибель... И тут внизу под деревом он увидел Марию. Она стояла юная, тоненькая, в черной, покрытой слоем пыли косынке, каких никогда не носила, лицо было бледно, брови изгибались темными полосками, огромные темно-серые глаза немо умоляли его. А он, слабее от любви и нежности, начал спеша кидать ей на землю плоды, поняв, что она упорно следовала за ним через пустыню и тоже неимоверно голодна. И в тот момент, когда под деревом появилась Мария, он понял, что они сейчас умрут. Метрах в ста позади ограды, среди знойного песка, мелькнули человеческие фигуры, двое мужчин, один в белой рубашке, широкоплечий, молодой, другой постарше в форменной фуражке с железно-ножовочными молоточками на околыше, лицо человека, увиденное на миг, показалось знакомым: млечные одутловатые щеки, треугольные, львиные, в припухлых веках глаза. Кто это? Колицын? Неужели? Нет, нет! Но как он походил на Колицына! В руке этот человек крепко держал черный саквояж, где позвякивали колющие и режущие орудия, приготовленные для мучения беглецов...

Их поймали только двоих (Илью не нашли с ними) и привели к деревянному помосту в центре дышащей огненным жаром пустыни, с них сорвали одежду, и его, связанного, возвели на помост и рядом уже разложили на досках острые леденящие кровь никелированные инструменты, чтобы терзать его, а Марию оставили внизу, под помостом, и там мучили ее, и он слышал оттуда ее стоны боли, видел, как выгибалась на песке ее нежная шея, как запрокидывалось лицо с закрытыми глазами, из которых текли слезы, и чувствовал, что у него сейчас разорвется сердце от этих рыданий Марии. И не в силах высвободиться, помочь ей, он закричал хрипящим голосом, чтобы убили его и отпустили ее... Он просил, он звал их, зная, что это единственное, чем он еще может облегчить муки ей.

И тогда человек с треугольными глазами подошел к нему и, стеклянно заглядывая в самые зрачки, стал ногой подвигать все ближе и ближе табуретку, на которой были по размеру аккуратно разложены никелированные инструменты...

— Володя, Володя, почему ты так стонешь?

Он проснулся с душным биением сердца и, очнувшись, долго смотрел в темноту, где светела на окне штора, испытывая такое одиночество, такую разрывающую душу тоску, ощущая рядом Марию, которая ладонью робко трогала его потный лоб, что едва удержался, чтобы не прошептать, еще весь охваченный не уходящим из сознания кошмаром: «Маша, милая, почему нам стало так тяжело?» Но тоже робко он поцеловал ее запястье и сказал совсем другое, обыденное, ложно-мужественное:

— Снилось что-то запутанное. Какая-то ерунда.

— Да, ты метался, стонал. У тебя ничего не болит? Ты весь в поту. Тебе дать валидол?

— Не надо, Маша...

Она тихонько отвернулась и скоро уснула. И опять сад, погоня, помост в пустыне, и опять все повторилось, все представлялось до пронзительности реальным, и реальным был тот человек в форменной фуражке с молоточками, пытавший сладострастно их обоих. И Васильев ворочался, заглушенно мычал в подушку, неслышно растирал сердце, а оно колотилось, с переборами вырывалось из удушья, он боялся внезапно умереть, и эта боязнь подымала его с постели. Он вставал, не зажигая света, стараясь не разбудить Марию, пил воду на кух-

не, ходил взад-вперед по коридору, скрестив на груди руки, и шепотом повторял ссохшимися губами:

— Тоска. Какая тоска!

Острая, давящая пустота в груди мешала ему найти равновесие, и, отдернув занавеску, приоткрыв форточку, впуская холодную струю, он с тупым вниманием смотрел в окно на сереющую рассветным воздухом улицу и думал: «Да, я заболеваю. Я все чаще стал замечать в себе это...»

Потом он оделся и, осторожно защелкнув замок, спустился в пустынный двор, еще закованный предутренним морозцем.

Все это утро бредовый сон не выходил у него из головы, вставал пережитой явью, а когда он начал работать, солнечный мартовский свет несовместимо, разяще разобшил и раздробил то, что хотел на холсте соединить Васильев. Он видел внутренним зрением горячую пыль, раскаленную красную пустыню, жгучий блеск зноя, какой-то помост для казни и внизу под ним распростертую на земле Марию с запрокинутым, залитым слезами лицом, а он, связанный, на помосте не мог в бессилии пошевелиться, даже перевести дыхание, и Васильев, обливаясь потом, не в силах сосредоточиться, замечал неверные мазки кисти на холсте.

...Над этим пейзажем он работал давно, эту работу написал осенью, под Псковом, около бывшего мужского монастыря, от которого остались одни развалины, и каждый раз, когда он возвращался к незаконченному пейзажу, волнение обдавало его беспокойством неопределенной утраты.

На холсте был яркий прощальный день конца октября, белое солнце стояло низко, сквозило между стволами дальних берез, которые на косогоре против солнца казались черными. Дул ветер и оголял заброшенный монастырский сад, голубое, совсем летнее небо с летними облаками сияло над махающими верхушками деревьев, над разрушенной каменной стеной, освещенной сбоку. Одинокое упавшее в траву яблоко лежало возле стены, еле видимое сквозь облепившие его листья.

Да, он был совершенно один в окрестностях того монастыря, и был тогда солнечный, сухой, просторный день, густо шумели, переливались золотом оставшейся листвы старые клены, мела багряная метель по заросшим дорожкам сада, и все было прозрачно, свежо, прощально. Почему прощально? Почему после пятидесяти лет, особенно в яркие, сухие, звонкие дни осени, он не мог уйти от чувства, что и с ним скоро случится то, что случилось с миллионами других людей, точно так же, как он, ходивших вот по таким заросшим тропинкам вблизи других стен, с грустным наслаждением вдыхавших октябрьский холодок другого обветренного заброшенного сада, с тою же мыслью о невозможности и неотвратимости расставания навсегда? Думал ли об этом Врубель или Нестеров? Но, может быть, в познании хрупкости и недолговечности красоты, всего сущего в мире, ее радостного мгновения есть великий обман жизни, и есть великий сладкий самообман, в котором проскальзывает теплый лучик счастья, спасительная надежда на нечто такое, что будет после нас...

Может быть, красота осознается только в роковой и робкий момент ее зарождения (утро, переход в полдень, начало сумерек, конец грозы, первый снег) и перед ее неизбежным исчезновением, увяданием, на грани конца и начала, на краю пропасти?

Ничего нет недолговечней красоты, но как непереносимо ужасно то, что в каждом зарождении прекрасного есть его конец, его смерть, день умирает в вечере, молодость в старости, любовь в охлаждении и равнодушии. И только пойманный миг красоты, в которой уже незримый зародыш обреченности, — сладчайшая ложь и вместе несогласие с кратким земным сроком, вера в постоянство, здоровье, бессмертие, как и великая наивность всей человеческой жизни. Да, прекрасный и великий самообман...

Так что ж, в зарождении — прощание и на оборот?

Васильев положил кисть на стол, вытер руки и с задумчивой медлительностью начал

снимать со стеллажей и ставить к стене пейзажи, написанные в прошлом году.

Ранние зимние сумерки, сиреневые березы в вечернем воздухе околицы, угол деревенского дома с забитыми крест-накрест окнами, последний багровый луч на скате сугроба, завалившего крыльцо, и тишина многоверстная, первобытная, с далеким, чудилось, перелетом собак и одинокой первой звездой; широкое окно террасы, распахнутое в жаркий, зеленый день, прошла гроза, все сочно, радостно, обмыто: нескошенная трава и яблони отяжелели от влаги, сверкают под веером лучей из-за уходящей тучи, веселая вода струится из переполненной бочки, где плавают сбитые бурным дождем яблоки, тянет по саду влажной свежестью, и кажется, что в ушах еще гудит летний ливень, падает на крышу террасы дробным глухим грохотом (какое наслаждение и какое грустное чувство было писать тот миг быстро исчезающей молодой радости лета!); август, в тихом и теплом предзакатном воздухе золотятся верхушки осин, везде блаженный покой, безмятежное прощание дня с жарой, запахами нагретых трав и листьев, и неподвижность всего в ожидании заката, сумерек, нового превращения жизни (как он хотел поймать это щемящее состояние перехода!); северное вечернее небо, выметенное ветром, пасмурная вода осени до горизонта и две видавшие виды лодки бок о бок у берега, связанные накрепко заржавленной цепью, как двое неразлучных во всем белом свете, соединенных любовью, временем, страхом, обязанностями, два связанных одиночества... (Как грустно, все грустно!); апрель, лимонная луна стоит в голом березняке, освещает черноту земли, оставшиеся островки снега, прошлогоднюю опавшую листву. И вновь в этом было беспокойство скорого прощания, одиночества, прелесть утраты и ожидания прочного, долготы, солнечного, чего никогда не было в его жизни...

«Никогда этого не было после войны... И все-таки было... Но с чем это связано? С детством? С войной? С Марией?»

Васильев упал в кресло, зазвеневшее пружинами, и, оглядывая картины, начал по вычитанному где-то совету поглаживать виски, чтобы взбодрить себя, надеясь, что пройдет тяжесть в голове и станет легче. Ясный мартовский день вливался в окна мастерской весенней щедростью света, и воздух, тянувший в форточку, почему-то пахнул молодой яблочной спелостью, напоминая милое волнение прошлого, еще не обремененного усталостью, странным недомоганием, постоянной виной...

«Да в чем же моя вина? Я переутомился, я беспредельно устал...»

Он гладил виски, но боль не проходила, и постепенно дурнотная слабость стала расплываться в руках, в животе, будто от сильного голода, от истощения, потом на спине и груди выступила испарина, и ему захотелось лечь, отдохнуть на диване и, лежа на спине, не думать ни о чем в облегчающей рассредоточенности, точно плыть по воздуху окутанным бархатным невесомым туманом, где не было ни угрызания совести, ни вины, ни жалости, ни душевной боли, изнуряющей его часами.

Это сложное нервное состояние было замечено им полтора года назад, когда однажды в августовские сумерки он, чрезмерно утомленный работой над триптихом, задремал в кресле возле мольберта и его разбудили резкие телефонные звонки, заставившие его вскочить с ударами крови в голове.

Вся мастерская, затопленная пыльно-лиловым дымом угасающего заката, была погружена в полутьму, прямоугольный холст зловеще, ребристо отливал кровавыми красками, а телефон так судорожно, призывно трещал на тумбочке, что Васильев в раздражении сорвал трубку, долго не понимая, кто звонил ему. Старческий голос или голос, ослабленный состоянием, неразборчиво произносил фразы, полный смысл которых не доходил до Васильева, лишь можно было догадаться, что звонил какой-то художник, его поклонник с Дальнего Востока (он так и сказал: «с Дальнего Востока», не назвав города), завтра выезжающий в Москву для того, чтобы посетить мастерскую... Какой художник? Какой поклонник? И почему с Дальнего Востока? В первое мгновение Васильев так ничего и не сообразил, сядя, досадуя, что телефон внезапно вырвал

его из спокойного сна, но в следующую минуту морозным ветерком подуло по его лопаткам: кто звонил ему? Ведь он сотни раз слышал этот немного глухой, слабый, порой поптичий дребезжащий голос! Нет, кто же это, кто?

И, подталкиваемый неодолимой тревогой, Васильев вновь рванулся к телефону, принялся узнавать в справочной междугородных переговоров, кто сейчас звонил ему, из какого города (здесь не исключался и розыгрыш), но телефонистки не сумели выяснить и ответить толком, кто и откуда звонил, и тогда, сидя один в шуршащей темноте мастерской, почти не напрягая память, он вспомнил, чей это голос. Было чудовищно и дико согласиться с тем, о чем подумал он в тот миг, но старческий голос, порой глухой, слабый, порой поптичий дребезжащий, был голосом его покойного отца, умершего десять лет назад. Васильев понимал, что подобное совершенно невозможно, что начинается просто безумие, и вместе с тем это было не слуховым обманом, не галлюцинацией, — он так ясно помнил голос в трубке и особенности интонаций отца.

«Может быть, все приснилось мне?..»

Это чувство противоестественности обострилось спустя неделю: никто с Дальнего Востока не зашел в мастерскую, никто из приезжих не позвонил, и теперь тот неожиданный звонок в августовские сумерки представлялся ему сигналом предупреждения во сне, каким-то знаком мистического напоминания о прошлой его вине перед отцом. А отец жил не так уж далеко от Москвы (одна ночь в поезде), на берегу Псковского озера в рыбацком поселке, куда переехал из Москвы, уйдя на пенсию. Лет пятнадцать назад Васильев часто бывал у него и там работал на натуре с весны до поздней осени, исписав все, что можно было, и только тут понял, почему отец, страдающий астмой, уехал из Москвы и купил домик на чистом воздухе. Здесь был простор, солнце, тишина, высокая синева неба с кудрявыми холмами облаков, опрокинутых в нежную зеркальность озера, здесь, за отмелью, просмоленные рыбацкие лодки плавно покачивались, слегка позванивая в полуденной жаре цепями якорей, изредка визгливо кричали чайки, усаживаясь на забеленные пометом борта баркасов; теплый воздух ласково тянул по белому песку меж красных валунов, шевелил нагретые кусты репейника, над которыми туго гудели полосатые шмели; пахло водорослями, донной сыростью от развешенных на заборах сетей; голуби ходили по деревянному причалу, коровы, лениво жуя, размокшие зноем, лежали на песчаной косе или стояли по колено в воде, помахивали хвостами, бессмысленно глядели на старые заржавленные рыбацкие мотоботы, наполовину затонувшие, где загорелые босые мальчишки сидели с удочками; а закаты были яростные, безмерные, таинственно и подолгу не потухавшие в небе и озере, ночи глубокие, звездные, как манящая в себя разверстая жуть Вселенной...

Он помнил, как в те приезды отец иногда останавливался за его спиной в часы работы на натуре, замирая от восторженной гордости за своего сына, сумевшего благодаря труду и таланту вырваться в люди, достичь успеха, известности, и боялся пошевелиться, нечаянно нарушить его работу астматическим дыханием, kloчущим кашлем. Но Васильева раздражало это надоедливое присутствие отца за спиной, его благолепное восхищение в тусклых глазах и то, как он умиленно и длительно рассматривал, ощупывая ласкающим взглядом, этюды и готовые картины, поставленные на террасе для просыхания красок. «Незаурядный у тебя талант, Володя. Береги его. Бог награждает тебя». И неудобно было, когда отец смущался, краснел склеротическими пятнами, стеснительно заикался как-то, кряхтел при виде денег, которые Васильев давал ему на расходы. Отец, пряча глаза, бормотал всегда одни и те же фразы о том, что никаких денег пока не надо, пенсии вроде хватает, а Васильеву каждый раз мнилось, что отец неискренен, лицемерит, и было неловко видеть его розовенькое, возбужденное лицо, жесты, его руки, прячущие ассигнации в карман.

И поразило, что после его смерти все деньги, что давал и переводил он ежемесячно, оказались нетронутыми, неистраченными и были письменно завещаны сыну вместе с домом и

скарбом и десятком новых рубашек в целлофановых неоткрытых упаковках, ни разу отцом не надетых, по разным случаям даренных ему Васильевым.

Но горше всего было то, что за год до смерти отец в письмах очень деликатно спрашивал, удобно ли приехать на денек в Москву, посмотреть новые картины и внуку посмотреть — не будет ли Мария обижаться на его стариковское вторжение? Васильев читал эти письма поверхностно, бросал их в кучу других писем, приглашений, договоров и бумаг, но, часто отвечая двумя строчками, собираясь все подробно написать, что приехать надо обязательно, как только он будет свободнее от неотложной работы. И обычно в следующем письме отец униженно извинялся («Я понимаю твою занятость, сын, прости меня, надоедливый»), но немного погодя снова нерешительно спрашивал, может ли на денек в мастерскую приехать: «Погляжу на картины, на внуку, а утречком в поезд сяду — и домой».

Он так и не выбрал этого времени для отца, хотя тратил в ту пору целые дни и целые вечера на всякого рода заседания, пустопорожную «интеллектуальную» болтовню и бесполезные встречи в клубе. Отец, робкий его поклонник, не осмелился приехать на денек без приглашения, опасаясь помешать сыну в святой работе, а скоро Васильеву пришлось ехать на похороны отца, испытывая вдруг такую пустоту, такое угрызение совести, что всю ночь напролет простоял у окна вагона, задыхаясь при одном воспоминании о его последних письмах...

А когда он увидел в гробу застывшее, неузнаваемо помолодевшее лицо отца, его скорбный, недвижный в удовлетворенной полуулыбке рот вместе с надменным выражением потустороннего спокойствия, Васильев поразился тому, как с бесспорным высокомерием подменяет смерть живые черты, накладывая вместо них навечную свою печать отчужденной тайны. Но что же, что было в горьких складках его губ, сжатых так незнакомо? Познание того, что не знали живые и весь этот суетный мир? О, как всезнающе и горько жалел он остающихся на земле!.. Просто, может быть, ему ничего не нужно стало: ни славы сына, ни приезда в его мастерскую, ни краткого пребывания в гостях у внуки. И Васильев, прощаясь, прикоснулся к каменной руке отца (веря, что надо дотронуться до покойника и наступит облегчение), но это не помогло ему ни в тот день, ни потом. Можно было убедить себя, что живые всегда виновны перед мертвыми, что в век нервных перегрузок многим не хватает лишь одного шага на пути к добру, поэтому угасает на земле и родственная привязанность и взаимопонимание близких. Эта оправдывающая его логическая попытка вызвала у него чувство стыда, и он не мог простить себе свою черствость («Черт меня возьми, принимаю же я иностранцев, показываю часами картины, бываю терпеливым, вежливым, отвечаю на всякую несусветную чепуху! А для отца не нашел времени!..»). И непостижимым было то раздражение в дни приездов к отцу на Псковское озеро против его ненасытного любопытства к работе «знаменитого сына», против его почти раболепной влюбленности и его с трудом подавляемого кашля, когда он из-за спины Васильева наблюдал рождение картины. Раз в момент такого тихого кашля, наверное, душившего отца («Для чего, наблюдая мои руки, он задерживал дыхание?»), Васильев обернулся, нахмуренный, и встретился взглядом с его обмершими васильково-голубыми старческими глазами, которые говорили ему: «Прости меня, прости!». Потом, удушливо закашлявшись, отец улыбнулся сквозь выступившие слезы, будто виноват был в том, что еще жил на белом свете.

И эту улыбку страдальческого извинения запомнил Васильев навсегда.

«Неужели помимо воли я не стал близок самому родному мне человеку? Отец боготворил меня, а я отвечал ему молчаливым раздражением занятого собою себялюбца!..»

И тот странный вечерний звонок с Дальнего Востока, слабый, поптичий дребезжащий голос толкнулся в нем отравленным острием старой вины, и, видимо, тогда он почувствовал первые признаки нездоровья.

Продолжение следует.

ВОПРОС ЖИЗНИ!

Рис. В. Дубова

Григорий ПРУСЛИН

— Ну, — сказала жена, — сколько еще будем ждать? У всех есть, а у нас нет.
 — А нам зачем?
 — Незачем, но у всех есть! — с ударением повторила жена. — И даже у нее, у Жучковой!
 — Говорят, подорожало...
 — Ну и что? Все равно нету.
 — Так где ж взять, если нету-то?
 — Нету? А у всех есть! Есть?
 — У всех есть, а в продаже нету.
 — Ищи! — сказала жена с интонацией проводника служебно-розыскной собаки.
 Теперь каждый вечер, едва он возвращался с работы, она начинала с вопроса:
 — Ну?
 — Нету.
 — Индюкову звонил? Насчет дачи намекал?
 — Ага. Нету.
 — Через местном?
 — Там не бывает.

— А через базу не щупал? Подключи Сосадзе и пощупай.
 — У Сосадзе нету.
 — Через ДОСААФ?
 — При чем здесь ДОСААФ?
 — Не знаю, но попробуй, фирма солидная.
 — Там нету.
 — Через тещу Дворжеского?
 — Теща на даче.
 — Не жди, съезди.
 — Ездил к теще. Нету, нету, нигде нету!

Он подключал родственников и знакомых. А также родственников знакомых и знакомых родственников. Соглашался взять с нагрузкой и переплатой. Обещал взамен материальные и духовные блага, включая подписку на Юлиана Семенова и билет на Таганку. В ответ слышалось одно: «Нету!»

Пытался привезти из командировок с Кавказа и из Средней Азии, заказывал близким людям, отправлявшимся в зарубежные турне. Нету! Но ведь у всех было!

Ночью приснился Мефистофель, предлагавший заложить душу. Чуть было не согласился, но вовремя проснулся.

А время шло. Неудачные попытки стали наводить на мысль о неполноценности. А это, как вы сами понимаете, чревато...

Жена поставила последний срок, дети здоровались сновозубы. Друзья сочувствовали, сотрудники пожимали плечами, шеф сделал пометку в блокноте, в поликлинике пропускали без очереди. Нету!

Надвигалась катастрофа! Не было выхода!

Граждане, может быть, есть у кого-нибудь лишнее? За любые деньги! Вопрос жизни!

САТИРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

Василий СМЕРНОВ

ОТБИВНЫЕ КОТЛЕТЫ

Назвать их отбивными надлежит за то, что отбивают аппетит.

В ПЛОХОЙ ХИМЧИСТКЕ

Заначников просили здесь учить, что и на солнце пятна есть.

ПОДХАЛИМ ОБ ОШИБКАХ НАЧАЛЬНИКА

Начальник часто сам себя ругал:
 — Ошибки совершаю колоссальные!
 Услышав это, подхалим сказал:
 — Но ведь у вас ошибки гениальные!

ПРИНОСИТЕ

Сергей ГРИН

Тренер детской спортивной школы говорит по телефону:

— Оздоровить ребенка? Мамаша, ваш опоздал. Говорите, всего семь? Уже семь! Мне нужны рекорды, а не занятия в группе «здоровья» со стариками! Научить плавать? Э, да у нас такие, как ваш, уже переходят на тренерскую работу! Что делать с вашим? А что же вы раньше думали? Хотя он еще может успеть на штангу, борьбу, бокс... Но торопитесь. Нет-нет, не просите. Пусть моется дома в ванне! А мне нужны рекорды! Вон сейчас у меня на второй дорожке Овруцкий Дима плывет, десятый километр «пашет», и скорость, как у глассера! Через год-два серебро возьмет. Попросите его, может, летом он займется вашим переростком... А при чем здесь то, что Диме пятый пошел? Не сможет рассказать — покажет. А мне, простите, некогда. Вчера грудных принесли — очень способные ребята! Будет еще ребенок, приносите, пока ходить не научился. Привет!

— Специально для вас, соседка.

— Ну, теперь-то вы верите, что в моей квартире полно воды!

Рис. В. Тамаева

Рис. В. Тильмана

Рис. В. Спельникова

НАСТРОЕНИЕ ХОРОШЕЕ!

«Огонек» на «Атоммаше»

Б. СОПЕЛЬНЯК,
фото Г. КОПОСОВА,
специальные
корреспонденты «Огонька»

Девятиэтажный дом в новой части Волгодонска почти готов. Вот-вот должны выдавать ключи, вот-вот нагрянут новоселы, а работы непочатый край.

— Это только кажется, что тут начать да кончить, — улыбается бригадир маляров-штукатуров В. А. Вербицкая. — Через три дня вы не узнаете дом: засверкают окна, заблестят подъезды, и ходить здесь можно будет не в сапогах, а в туфельках.

— Так ведь обоев даже нет! И краны не привинчены, и раковины грудой лежат в углу.

— Подумаешь! Приходите поздно вечером: вторая смена и обои наклеит и сантехнику установит. Главное, есть дом! Еще один дом в нашем молодом городе.

— А то, что я получаю квартиру именно в этом доме, разве не главное?! — подхватила Татьяна Макина. — А то, что мне в этом помогла вся бригада!

— Как это вся бригада?

— Очень просто. Этот дом строился хозспособом, то есть каждый будущий новосел должен был отработать на стройке определенное количество часов. Самой мне пришлось бы ходить сюда после смены месяца три, а то и больше. Бригада решила иначе: каждый день все оставались на работе еще на четыре часа, а если учесть, что нас двадцать четыре человека, то мои часы отработали довольно быстро. Так что бригада преподнесла такой подарок, что век помнить буду!

— Значит, настроение праздничное?

— Еще какое праздничное: не каждый день получаешь ключи от новой квартиры!

Между прочим, эта бригада, созданная восемь лет назад, когда «Атоммаш» еще и не назывался «Атоммашем», по итогам второго полугодия завоевала переходящий приз «Огонька» — кубок «Мирный атом». Бригаду переформировывали, сливали и разъединяли, но костяк сохранился, а молодежь приходила такая энергичная и боевитая, что постепенно бригаду стали ставить на самые ответственные участки. Судите сами, бригада В. А. Вербицкой участвовала в строительстве

универмага, крытого рынка, трех детских садов, двух школ, лабораторного корпуса «Атоммаша», торгового центра и большого количества жилых домов. Ну, а в том, что женский коллектив стал одним из самых спаянных на всей стройке, — заслуга бригадира. Правда, у Валентины Андреевны есть немалое преимущество перед другими бригадами — у нее педагогическое образование.

— Муж у меня каменщик, так что кочевать со стройки на стройку не привыкать, — рассказывает Валентина Андреевна. — Но когда приехали сюда, работы по специальности мне не нашлось, а сидеть без дела я не могла. И вот после восьми лет работы в школе пошла на стройку. Начинала с рядового штукатура, а через четыре года, когда стала бригадиром, вспомнила о своей первой профессии: оказывается, чтобы стать хорошим бригадиром, без педагогических знаний просто не обойтись. Теперь мы не просто бригада, теперь мы — семья. Все свадьбы, дни рождения, праздники отмечаем вместе. Если надо посидеть с ребенком, сбегать в магазин или помочь по дому — девчата всегда готовы откликнуться. О работе я не говорю, здесь мы понимаем друг друга с полуслова и делаем все так, чтобы не стыдно было смотреть в глаза друг другу.

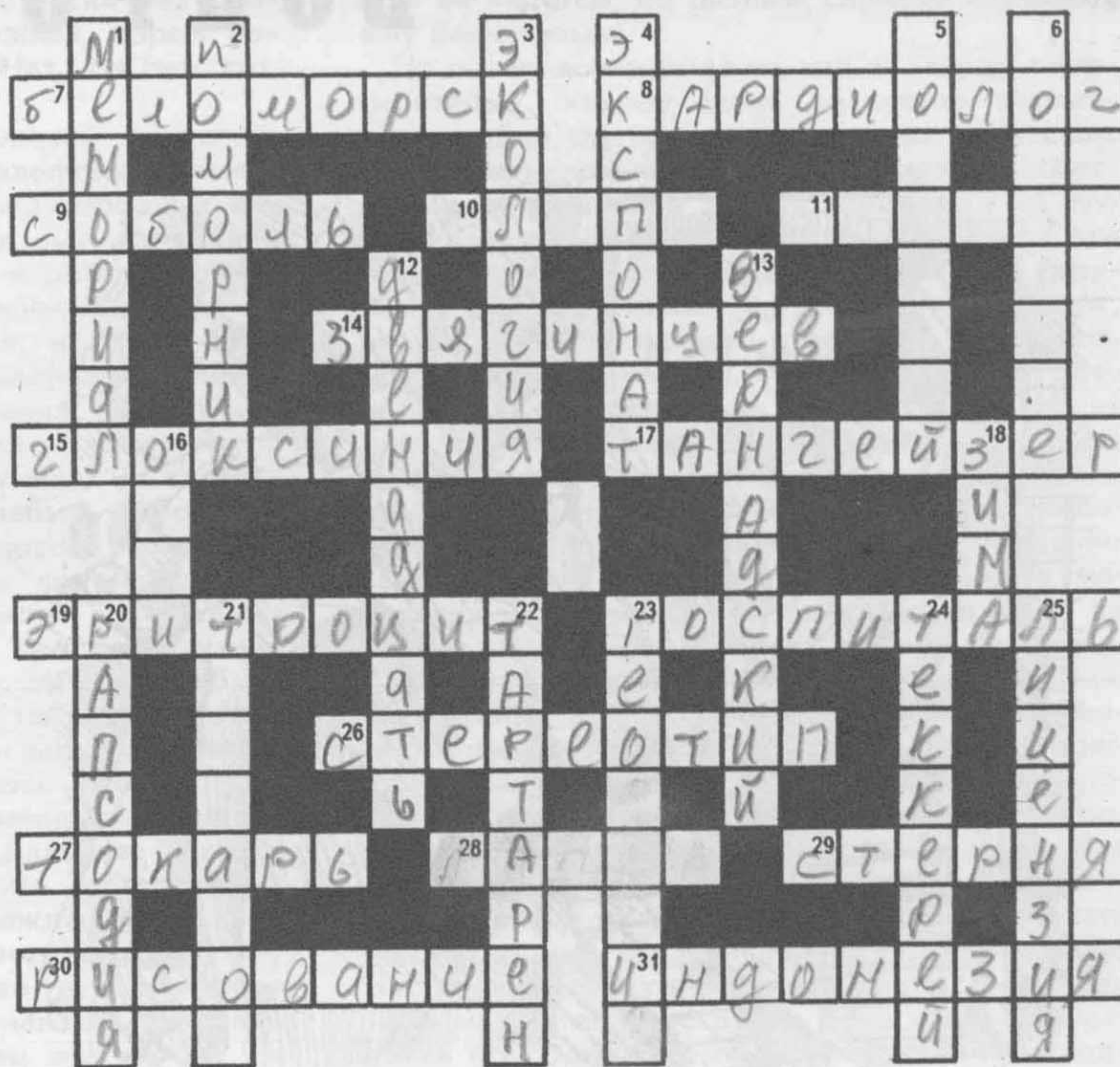
— Вчера мы присутствовали на митинге, посвященном сдаче второй очереди комбината крупнопанельного домостроения. Так что работы вам теперь прибавится.

— Очень хорошо! Чего-чего, а работы мы не боимся. Чем больше домов, тем больше новоселов; чем больше новоселов, тем больше счастливых людей. А что может быть ценнее счастливого человека?! Он горы может свернуть. Нам же, волгодонцам, предстоит свернуть такие горы и в такой короткий срок, что каких-то пять лет назад это казалось невозможным. И скептиков, кстати, было немало. Но, оказывается, все возможно. Есть гигант «Атоммаш», коллектив которого обязался к XXVI съезду КПСС сдать корпус первого донского реактора, есть новый Волгодонск, население которого за пятилетку выросло с 23 до 137 тысяч жителей, есть миллион квадратных метров жилья... Я горда, что во всем этом есть труд и нашего небольшого, но очень дружного и счастливого женского коллектива!

Кубок «Мирный атом» в руках В. А. Вербицкой и К. П. Крамской.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Порт в Карелии. 8. Врач. 9. Пушной зверек. 10. Инструмент для нанесения наружной резьбы. 11. Центр штата в Малайзии. 14. Один из героев романа М. А. Шолохова «Они сражались за Родину». 15. Комнатное декоративное растение, цветок. 17. Опера Р. Вагнера. 19. Красная кровяная клетка. 23. Военно-медицинское лечебное учреждение. 26. Копия печатной формы. 27. Рабочий, специалист по обработке металла на станке. 28. Светильник. 29. Сжатое поле. 30. Изображение с помощью карандаша, пера, красок. 31. Государство в Юго-Восточной Азии.

По вертикали: 1. Архитектурный комплекс, воздвигнутый в честь героев, выдающихся деятелей, событий. 2. Птица, обитающая в Арктике и Антарктиде. 3. Наука об отношениях организмов с окружающей средой. 4. Предмет, демонстрируемый на выставке, в музее. 5. Северное созвездие. 6. Романс М. И. Глинки. 12. Поэма А. А. Блока. 13. Советский академик, основоположник геохимии, биогеохимии, радиогеохимии. 16. Роман А. А. Каравая. 18. Время года. 20. Инструментальное произведение на темы народных песен. 21. Актер Театра имени Вахтангова, народный артист СССР. 22. Главный персонаж трилогии А. Доде. 23. Наука об определении формы и размеров Земли. 24. Английский писатель XIX века. 25. Разрешение на осуществление внешнеторговых операций.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали: 1. Бельведер. 6. Жако. 7. «Клоп». 9. Реле. 10. Сорго. 11. Луна. 13. «Бесприданница». 17. Софокл. 18. Ректор. 19. Трансформатор. 23. Алей. 24. Котел. 26. Уран. 27. Доха. 29. Ирис. 31. Астрахань.

По вертикали: 1. Бега. 2. Лотос. 3. Водород. 4. Данко. 5. Рубо. 6. Желе. 8. Плац. 9. Ризосфера. 12. Аккордеон. 13. Буфет. 14. Пилон. 15. Норка. 16. Автор. 20. Рейд. 21. Острова. 22. Опус. 24. Карат. 25. Линза. 28. Охра. 30. Июнь.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Шлифовщик Людиновского тепловозостроительного завода, делегат XXVI съезда КПСС Геннадий Николаевич Петрухин с сыном Александром. (См. в номере материал «Покоритель микронов Геннадий Петрухин».) Фото М. Савина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: На берегу Рыбинского моря * Весенняя песня * Куничка. (См. в номере материал «На Брянщине».)

Рисунки П. Караченцова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

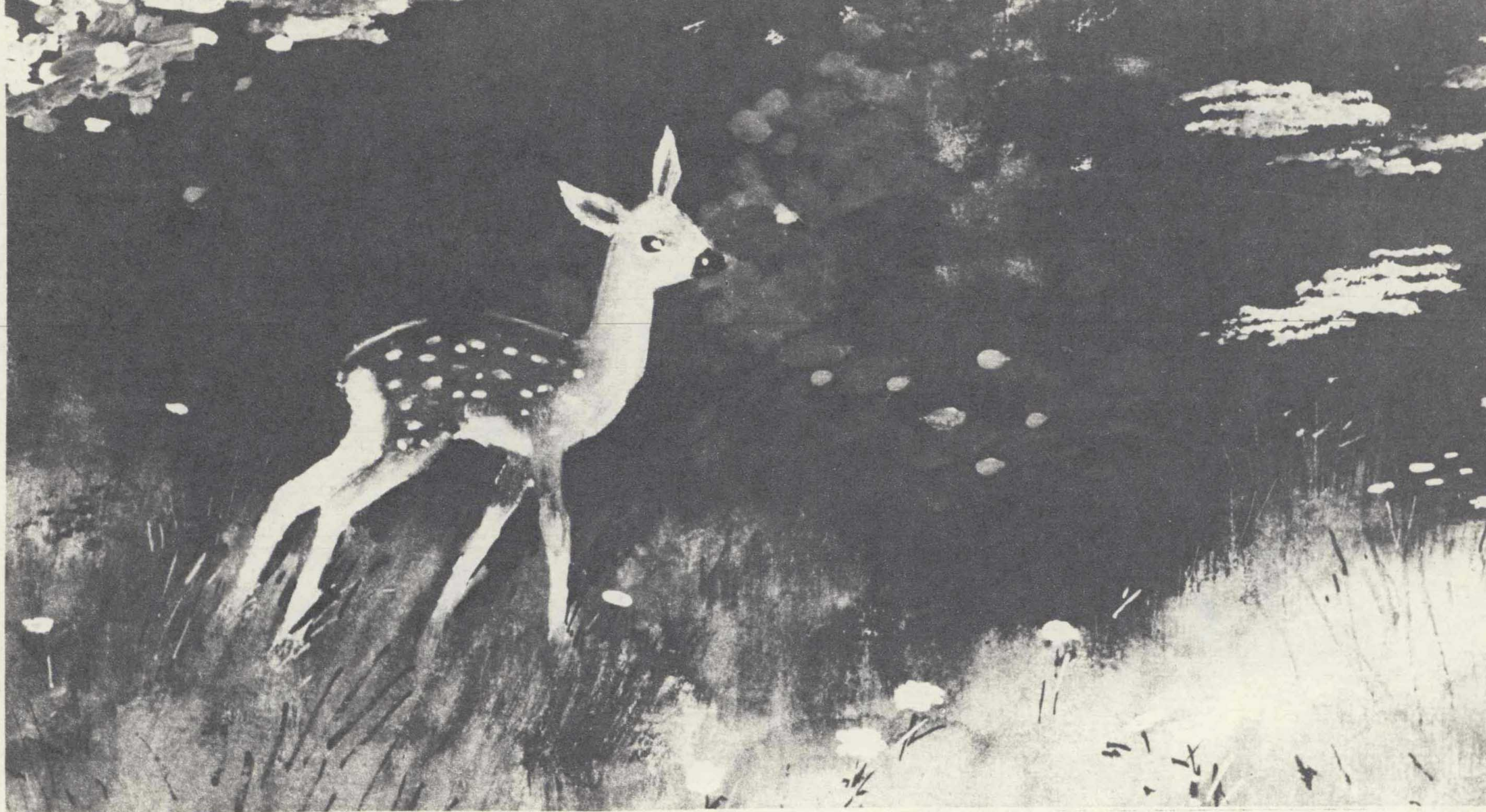
Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патристический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 26.12.80. Подписано к печати 13.1.81. А 00303. Формат 70×108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 790 000 экз. Изд. № 227. Заказ № 3481.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

НА БРЯНЩИНЕ

П. КАРАЧЕНЦОВ,
заслуженный художник РСФСР

Вырос я в благодатном краю — на Брянщине, где текут спокойные реки с песчаными отмелями, поросшими ивняком (вы помните, как он горьковато-терпко пахнет?). Где шелком, да нет — атласом зеленеют заливные луга, где над полями ржи в жаркий полдень плавится воздух, а в вышине висит песня жаворонка, где запах меда льют светлые гречишные пощи, наполненные гудением пчел. Все чудо как красиво. Березовые рощи — в них входите, как в белую беседку, залитую солнцем, как в храм, как в праздник. Осиновые перелески и сосновые леса — все наполнено жизнью. Кричит кукушка, будто желто-зеленые стрелы мелькают среди ветвей иволги, воркуют горлянки. Свою короткую песенку «быть-полоть» выстукивает перепел, а по вечерам в разливах тумана скрипит дергач и заводит в кустах свою песню козодой.

Здесь, на Брянщине, я и стал художником. Просто невозможно было удержаться от желания рисовать, писать стихи.

Как и все мои сверстники, я пахал, боронил, косил, гонял в ночное лошадей. Просыпаясь свежим утром у затухающего костра, покрытого теплым, легким пеплом, слушал, как вдруг в тишине всхрипнет лошадь, стукнет колокольце, подвязанный к ее шее. Смотрел, как силуэты коней то покажутся, то пропадут.

Тебе еще хочется спать, но утренний холодок забирается за воротник. В невидимых камышах ухает выпь или просвистят над тобой крылья пролетающих уток.

И трава, и мох, и деревья по-особому разговаривают с тем, кто не просто гуляет по лесу, а, снажем, собирает грибы. А если ты охотник, ты слышишь легкий, как шепот, но очень выразительный разговор леса, ощущаешь во много раз острее все шорохи, все лесные ароматы. По траве, по ягодникам знаешь — могут ли здесь быть рябчики, по ряске на озерке, по маленькой пушинке на воде узнаешь: здесь ночью были утки; около полей в молодом кустарнике по набродам можно найти выводок тетеревов, а в тиши чащи поднять глухаря. Весенней ночью ты по птичьим голосам узнаешь, что скоро рассвет. Вот протянул вальдшнеп, закричал петушок белой куропатки, зазеленели на моховых болотах журавли — ну, сейчас и забрезжит. Вот теперь слушай: где-нибудь поет глухарь, только до невероятности странно тиха песня этой огромной птицы.

Росные утра, угли догорающего костра, солнце, встающее в розовом молоке тумана, крик коростеля — все наполняло мою душу радостью, любовью к родной земле. Я побывал на Байкале, ходил с сибирскими охотниками по тайге, бродил по Уралу, хорошо знаком со многими местами Среднерусской равнины, бесконечно дороги мне синие дали Молого и холодное раздолье Рыбинского моря. Без оглядки, навсегда я полюбил неброскую, но такую добрую красоту русской природы. Сколько в ней настроения, подлинной поэзии!

Мои неизменными спутниками всегда были этюдник, ружье и рюкзак, главным увлечением — рисование и охота. Я не считал, что обязательно должен принести домой дичь, хотя и в этом греха не вижу. Важно было найти, выследить, подойти, знать самые различные охотничьи приметы. Неизменно пополнялся запас этюдов, набросков, рисунков. Тихие рассветы, шумная глухарина посадка, весенний тетеревиный хор или тихие вальдшнепные зори — обо всем этом хотелось рассказать. Так начинался цикл моих рисунков о природе. Часть из них — на этих страницах «Огонька».

Тетерева.

ISSN 0131-0097

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663

581-7-15